

Министерство
образования и науки России

Российский Союз ректоров

Совет ректоров вузов
Дальневосточного федерального округа

Министерство
транспорта России

ГОУ ВПО
«Дальневосточный
государственный университет
путей сообщения»

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ**

научно-теоретический журнал
издается с января 2004 года
выходит один раз в три месяца

№ 1 (17) 2008

Журнал издается при поддержке
инновационной научно-образовательной программы
«Инновационный научно-образовательный
транспортный комплекс на Дальнем Востоке России»

Хабаровск, 2008

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Ministry of Transportation
of the Russian Federation

The Russian Rectors' Union

Council of Rectors of Higher Educational
Institutions in the Far Eastern
Federal District

State Educational Institution of Higher
Professional Education
«Far Eastern State Transportation
University»

**THE HUMANITIES
AND SOCIAL STUDIES
IN THE FAR EAST**

A scientific-theoretical journal
published since January, 2004
issued once in three months

№ 1 (17) 2008

The journal is published with the support
of the innovation scientific-educational program
«Innovation scientific-educational
transport complex in the Russian Far East»

Khabarovsk, 2008

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Сердюков Ю.М.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Воробьева К.И., Дубинина Н.И., Лазарева Л.П., Лившиц Р.Л., Мерецкий Н.Е.,
Пишун С.В., Прошина З.Г., Спасский Е.Н. (заместитель главного редактора),
Туркулец С.Е. (ответственный секретарь)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Лари Смит (США), Нобуюки Хона (Япония), Кэрол Джой Макрае (Австралия)

НАУЧНЫЕ КОНСУЛЬТАНТЫ

Вальковская В.В., Лебедько М.Г., Максименко С.И., Модина Г.И.,
Невструева Т.Х., Никитин А.Г., Первушина Е.А., Печерица В.Ф.,
Прияткина А.Ф., Шумейко А.А., Ясман Л.В.

СОТРУДНИКИ РЕДАКЦИИ

Волков А.С. (web-мастер), Листопадова Е.В. (технический секретарь),
Тагирова Т.Н. (переводчик)

*Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты диссертации
на соискание ученой степени кандидата наук»
Высшей аттестационной комиссии
Министерства образования и науки РФ
Печатается по решению Совета ректоров вузов
Дальневосточного Федерального округа № СР/ДФО-54а
от 9 октября 2002 г.*

УЧРЕДИТЕЛЬ

ГОУ ВПО «Дальневосточный государственный
университет путей сообщения»
(680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ №77-16283 от 29 августа 2003 г.

Адрес редакции: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47, оф. 3235,
тел./факс: (4212) 35-52-93, E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Serdyukov Y. M.

EDITORIAL BOARD

Vorobyova K.I., Dubinina N.I., Lazareva L.P., Livshits R.L., Meretsky N.E.,
Pishun S.V., Proshina Z.G., Spassky E.N. (deputy editor),
Turkulets S.E. (executive secretary)

INTERNATIONAL EDITORS

Larry E. Smith (USA), Nobuyuki Honna (Japan), C. Joy McRae (Australia)

SCIENTIFIC CONSULTANTS

Valkovskaya V.V., Lebedko M.G., Maximenko S.I., Modina G.I.,
Nevstrueva N.H., Nikitin A.G., Pervushina E.A., Pecheritsa V.F.,
Priyatkina A.F., Shumeiko A.A., Yassman L.V.

EDITORIAL STAFF

Volkov A.S. (web-design), Listopadova E.V. (technical secretary),
Tagirova T.N. (translator)

*Scientific-theoretical journal is published on the decision
of the Council of Rectors of Higher Educational Institutions
in the Far Eastern Federal District № CR/FEFD-54a of October 19, 2002*

FOUNDER

State Educational Institution of Higher Professional Education
«Far Eastern State Transportation University»
47, office 3235, Seryshev Str., Khabarovsk, 680021
Media Registration Certificate PE №77-16283 of August 29, 2003
Editorial office address: 47, office 3235, Seryshev Str., Khabarovsk, 680021
Phone/fax: (4212) 35-52-93
E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Сердюков Ю.М. Обращение к читателям8

СТАТЬИ

<i>Вальковская В.В.</i> Превратить устойчивое развитие из утопии в реальность	9
<i>Новик Ю.О., Витер И.В.</i> Некоторые общие стилистические и семантические признаки корякского орнамента	23
<i>Дубянская Н.Н.</i> Формирование социально-адаптированной личности средствами школы (по материалам конкретного социологического исследования)	31
<i>Завалишин А.Ю.</i> США, Россия и КНР в проекции теории территориального поведения	38
<i>Мерецкий Н.Е.</i> Криминалистические аспекты механизма организации террористических актов	49
<i>Винокурова А.В.</i> Тенденции изменения семьи и ее ценностных ориентаций в контексте общественных преобразований	56
<i>Шелепова С.Н.</i> Исследование молодежи как субъекта социальных отношений	62
<i>Ковальчук М.А.</i> Железнодорожный транспорт Дальнего Востока России (1891 – июнь 1941 гг.): опыт формирования и модернизации отрасли	67
<i>Шамсутдинова Н.З.</i> Характеристики героев в британской литературе «магического» реализма	77
<i>Первушина Е.А.</i> Венгерское издание «Сонетов» Шекспира в истории их русских переводов ...	83

РЕЦЕНЗИИ

<i>Ткаченко Б.И.</i> Пограничная политика КНР второй половины XX века (рецензия на книгу Е. Д. Степанова «Политика начинается с границы. Некоторые вопросы пограничной политики КНР второй половины XX в.»)	90
---	----

ДИССЕРТАЦИОННЫЕ СОВЕТЫ.....95

СВЕДЕНИЯ О КОНФЕРЕНЦИЯХ104

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ109

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ110

CONTENTS

<i>Serdyukov Y.M.</i> Editorial	112
---------------------------------------	-----

ARTICLES

<i>Valkovskaya V.V.</i> Sustainable Development: from Utopia to Reality	112
<i>Novik Y.O., Viter I.V.</i> Some Stylistic and Semantic Features of Ornamental Art of the Koryak	124
<i>Zavalishin A.Y.</i> The USA, Russia and China in the Projection of Territorial Behavior Theory	131
<i>Meretsky N.E.</i> Criminalistic Aspects of the Mechanism of Organization of Acts of Terrorism	141
<i>Kovalchuk M.A.</i> Railway Transportation in the Russian Far East (1891 – June, 1941): the Experience of the Formation and Modernization of the Industry	147
<i>Shamsutdinova N.Z.</i> The Main Characteristics of Heroes in the British Prose of “Magic” Realism	156
<i>Dubyanskaya N.N.</i> Forming a Socially-adapted Person by Means of Schooling Based on Sociological Research Materials*	162
<i>Vinokurova A.V.</i> Tendencies of Family Development and its Value Orientations within the Context of Social Transformations*	162
<i>Shelepova S.N.</i> Investigation of the Young as the Subject of Social Relations*	162
<i>Pervushina E.A.</i> S.A. Wengero’s Edition of Shakespeare’s Sonnets in the History of their Russian Translations*	162

* (Abstracts only)

SCIENTIFIC LIFE

Authors guidelines.....	163
-------------------------	-----

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Ю.М. Сердюков

Уважаемый читатель! За четыре года, прошедших с начала выпуска журнала, увидели свет его шестнадцать номеров, изданных в едином формате. За это время сложились редколлегия и авторский коллектив, определились круг читателей и тематика основных рубрик, журнал стал известен и в России, и за рубежом, был создан русско-английский сайт. Исходная цель – объединение сообщества дальневосточных ученых-гуманитариев единым печатным изданием была достигнута, и перед нами встали новые задачи. *Первая* из них постепенно формировалась тематикой публикуемых материалов, которые в своей основной массе были посвящены проблемам Дальнего Востока России. Спектр исследуемых авторами вопросов оказался настолько широк, а научный уровень ряда статей столь значителен, что к настоящему времени у редколлегии появилась возможность начать подготовку тематических выпусков, в каждом из которых центральное место будет принадлежать *Симпозиуму*, посвященному обсуждению одной из наиболее актуальных для Дальнего Востока и стран АТР проблем. В первом номере за 2009 год планируется симпозиум «*Межкультурные коммуникации в странах АТР*», во втором – «*Особенности социально-политического развития стран АТР в условиях глобализации*», в третьем – «*Международное сотрудничество стран АТР в сфере противодействия транснациональной преступности*», в четвертом – «*Этнопсихология народов Дальнего Востока*»¹.

Мы надеемся, что идея проведения симпозиумов и их тематика вызовет живой отклик и в России, и у наших зарубежных коллег, которые уже проявили интерес к журналу и выразили готовность сотрудничать с нами. Постепенное приобретение журналом международной известности повлекло за собой необходи-

мость изменения его формата и поставило перед редакцией *вторую* задачу – приведение в соответствие с международными стандартами для научных периодических изданий и распространение его за рубежом. Очевидно, что эта задача не может быть решена без перевода ключевых статей на английский язык – язык международного общения, создания международного редакционного совета и публикации статей зарубежных авторов. Именно эти три фактора, наряду с обеспечением доступа широких слоев научной общественности к публикуемым материалам, делают журнал действительно международным. И он будет таковым. Конечно, это произойдет не сразу. Впереди еще долгий путь становления, но начало положено – перед Вами, уважаемый читатель, первый двуязычный номер, само существование которого свидетельствует и о серьезности намерений Учредителя и Редакции достичь намеченной цели, и о наличии необходимых ресурсов, и о заинтересованности в нашем издании научной общественности. Что же касается проблемы доступа зарубежных читателей к публикуемым материалам, то в 2008 году англоязычная версия будет размещена в свободном доступе на web-сайте журнала по адресу: www.eastjournal.ru.

Искренне надеюсь, что новая концепция журнала найдет отклик и понимание у его авторов и читателей, и мы общими усилиями сделаем журнал авторитетным и соответствующим международным стандартам научным изданием!

Главный редактор

проф. Ю.М. Сердюков

¹ Правила оформления и подачи материалов для симпозиумов несколько позже будут опубликованы и в журнале, и на его сайте.

СТАТЬИ

ПРЕВРАТИТЬ УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ИЗ УТОПИИ В РЕАЛЬНОСТЬ

В.В. Вальковская

Вальковская Виктория Викторовна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Устойчивое развитие – самая модная общенаучная мечта человечества. В данной статье мы ставим задачу аргументированно доказать, что это – именно мечта; немного – модель, но ни в коем случае не проработанная концепция. Одновременно автор стремится показать, что устойчивое развитие, как и любой другой социальный проект, имеет шанс претвориться в действительность, но одних научных исследований для этого недостаточно.

Ключевые слова: устойчивое развитие, окружающая среда, экологическая политика, природопользование, ресурсосбережение.

В русскоязычных исследованиях работа с термином «устойчивое развитие» начинается для каждого исследователя, как мы считаем, с выяснения смысла этого понятия, поскольку сложившаяся традиция оперирует результатом перевода небрежного либо некорректного, но, увы, традиция уже сложилась. Тем не менее, несмотря на споры в определении¹, можно выделить следующие опорные положения названной модели (концепции):

- общество и человек влияют на окружающую среду;
- человеческая активность в состоянии изменять окружающую среду;
- общество и человек должны приспособиться к изменениям окружающей среды или изменять и модифицировать направления ее изменения.

«Устойчивое развитие означает, что жизнь на Земле гораздо дороже, чем разграбление ее богатств и продолжение потребления невозобновимых природных ресурсов без учета возможностей их пополнения; что мы должны оставить последующим поколениям богатства не только рукотворные, но и природные, такие как чистая вода, хорошие пахотные земли, изобилие живой природы и обширных лесных пространств» [1: 134].

Рассмотрим более подробно модель устойчивого развития в плане анализа ее основных

составляющих. Это особенно важно потому, что в настоящее время в концепции устойчивого развития мы встречаем наиболее развернутую формулировку экологически ориентированных приоритетов развития, признанных мировым сообществом. Как основополагающие декларируются следующие принципы, из которых должна исходить экономическая и экологическая политика:

- право всех людей на здоровую, плодотворную жизнь в гармонии с природой;
- неразделимость развития общества и окружающей среды;
- ненанесение вреда будущим поколениям;
- защита окружающей среды как неотъемлемая часть общественного развития;
- сотрудничество государств и народов в области охраны окружающей среды, направленное на удовлетворение интересов всех стран.

Поскольку современный мир социально неоднороден, подчеркивается, что государства несут общую, но разную ответственность за состояние окружающей среды. Подтверждается признание суверенного права государств разрабатывать свои природные ресурсы согласно своей политике. При этом выдвигается требование ненанесения этой деятельностью ущерба окружающей среде других государств за пределами юрисдикции данного. Более того, государства обязываются разрабатывать национальные законы, касающиеся ответственности за нанесение экологического ущерба и компенсации его другим государствам. Достижение экологического благополучия одного государства за счет другого недопустимо.

Оценка экологических последствий должна осуществляться и в отношении предполагаемых видов деятельности. Если угроза ущерба окружающей среде велика, то научная неопределен-

¹ Оговоримся, что в отечественной научной литературе неоднократно обращалось внимание на то, что термин «устойчивое развитие» является неудачным переводом “sustainable development” – корректнее было бы перевести “sustainable” как «способный к поддержанию в определенных пределах», или «неограничивающий». Вероятно, отсутствие удобоваримого эквивалента “sustainable” в русском языке привело к переводу, искажающему смысл понятия. В дальнейшем изложении, используя уже укоренившийся в отечественной литературе термин «устойчивое развитие», мы вкладываем в него смысл, зафиксированный нашим переводом.

ность величины и последствий ущерба не может использоваться в качестве причины для отсрочки принятия эффективных мер по предупреждению изменения состояния природного окружения.

Во время военных конфликтов государства должны уважать международное право, обеспечивающее защиту окружающей среды. Все эколого-правовые споры разрешаются государствами в соответствии с Уставом ООН.

Своеобразным рефреном в описании модели устойчивого развития является идея разной финансовой нагрузки, которую должны нести государства в реализации предлагаемой модели взаимодействия общества и природы. Соответственно ее целям, государства должны сотрудничать в вопросах искоренения бедности, уменьшения разрыва в уровне жизни, эффективного удовлетворения потребностей населения планеты. Экологически наиболее уязвимыми признаются развивающиеся страны. В связи с этим отмечается, что для помощи им желательно выделение порядка 0,7 % ВВП развитых стран. Следует ограничить и ликвидировать нежизнеспособные модели производства и потребления, поощрять соответствующую демографическую политику в развивающихся странах, направленную на депопуляцию населения.

Экологические стандарты и приоритеты, принятые развитыми странами, могут оказаться совершенно неприемлемыми для развивающихся. Экологическая политика не должна использоваться для ограничения международной торговли и государственного протекционизма своим производителям.

Международное сообщество должно стремиться оказывать максимально возможную помощь странам, пострадавшим от стихийных бедствий и других чрезвычайных ситуаций.

Особое внимание обращается на то, что экологические вопросы наиболее эффективно решаются при участии всех заинтересованных граждан. Для реализации устойчивого развития необходимо всестороннее участие женщин, привлечение молодежи, учет роли коренного населения, имеющего позитивный опыт природопользования, мобилизация всех творческих сил населения планеты, углубление научного понимания вопросов экологии, политики, экономики, обмен научно-техническими знаниями, технологиями, информацией. К информации по состоянию окружающей среды на национальном уровне должны иметь доступ все граждане; возможность принимать участие в процессах принятия решений, касающихся охраны окружающей сре-

ды, должна не только гарантироваться, но и поощряться государством.

Реализация устойчивого развития предполагает осуществление двух масштабных групп мероприятий: экологических и социально-экономических. Приоритетные проблемы в области экологии и экономики были выделены Комиссией по устойчивому развитию (CSD) в 1997 г. К первым были отнесены соответствующие проблемы развития транспорта и энергетики, проблемы леса, источников пресной воды, Мирового океана, биологического разнообразия. Ко вторым – проблемы ликвидации нищеты, изменения структуры производства и потребления, содействие устойчивому развитию регионов, обеспечение здоровых условий жизни населения планеты.

Устойчивое развитие – это модель, предлагаемая международным сообществом для возможного снятия обострения противоречий взаимодействия общества и природы. Именно модель, а не концепция. Концепция предполагает научную проработку способов и возможностей реализации основных положений. В рассматриваемом случае по большинству положений такая научная проработка отсутствует.

Является ли реально осуществимой предлагаемая модель устойчивого развития? Если да, то каковы возможные пути этой реализации? Ответить на поставленные вопросы – значит показать, насколько совпадают и в чем разнятся на современном этапе общественного развития социальные идеалы и экологические ценности.

Модель устойчивого развития в целом предполагает, что человечество должно научиться управлять собой и процессом взаимодействия с природой. Согласно Р. Акоффу, существуют три различных подхода к стратегии управления:

1) *удовлетворенческий*. Здесь цели и задачи деятельности пересматриваются только в случае их невыполнения; понимание системы, в которую включена деятельность, обязательным не представляется. Принципами реализации удовлетворенческой стратегии управления является минимизация отклонений от проводимой политики, наращивание использования ресурсов, минимальная динамичность организации;

2) *оптимизаторский*. В отличие от первого, он предполагает обязательное знание и понимание функционирования системы, понятия целевой функции и ограничений. При оптимизаторском подходе широко используются различные виды моделирования. Основными направлениями оптимизации являются: минимизация используемых ресурсов, максимализация эффективности производства при имеющемся уровне ис-

пользуемых ресурсов, получение наилучшего баланса затрат и результатов;

3) *адаптивизаторский*. Этот подход основывается на требовании максимального понимания системы, направлен на создание желаемого будущего, на противодействие снижению эффективности системы в связи с изменением окружающих условий. Цель адаптивизаторского планирования – свести к минимуму будущую потребность в ретроспективном планировании, т. е. в планировании, направленном на исправление просчетов, допущенных в принятых и реализуемых решениях. Для этого необходимо осмысливать рабочие цели с очень высокой степенью общности [4]. Пример такого осмысления: я не просто пашу это поле под засев пшеницы или кукурузы – я осуществляю природопользовательную деятельность на участке земли, который кормит меня сейчас и будет кормить моих детей, внуков и т. д.

Если рассматривать историческое развитие человечества, то последовательность возникновения различных стратегий управления природопользованием будет аналогична приведенной: докапиталистическая стадия развития общества – удовлетворенческий подход; стадия интенсификации развития производства (становление капитализма, ранний капитализм, современный капитализм) – удовлетворенческий подход постепенно сменяется оптимизаторским, но замена эта еще не завершена. Техногенная цивилизация в том виде, в котором она существует, за рамки оптимизаторского подхода в управлении и не может выйти: объективные и субъективные факторы социоприродных отношений для этого недостаточно развиты.

Современные новые технологии направлены на ресурсосбережение, но в основной своей части природные ресурсы являются, как известно, невозобновимыми. Следовательно, проблема их исчерпаемости не снимается, а лишь отодвигается на какое-то время. Общественное сознание еще не готово принять идею ограничения роста производства и материальных потребностей как необходимой меры по предотвращению угрозы экологического кризиса. Логически не вызывает сомнения, что производство, основанное на использовании невозобновимых ресурсов, обязательно в определенный момент развития столкнется с проблемой ограничения роста или прекращения своего существования.

Адаптивизаторский подход управления природопользованием сформулирован в плане установок деятельности, в модели устойчивого раз-

вития, направленной на создание идеального образца общества, устойчивого общества. «Устойчивое общество есть то, которое регулирует свои экономические и демографические параметры без нанесения невосполнимого ущерба окружающей среде. Оно удовлетворяет потребности своих людей, не истощая богатств Земли и не подвергая опасности перспективы будущего развития человечества и других биологических видов» [2: 5]. Задача перевода устойчивого общества из области идеала в реалии современной жизни связана с выработкой определенных показателей устойчивого развития, применением их к различным обществам, корректировки дальнейшего развития этих обществ. Международным сообществом формулируются три главных блока показателей устойчивости: общие; нарастания угрозы чистоте окружающей среды; соответственно показатели снижения угрозы.

К общим показателям устойчивости относятся: «состояние здоровья» экосистем (первичная продуктивность, видовое разнообразие); показатели упругости, жизнеспособности систем (биоразнообразие, пространственная структура).

Показателями, свидетельствующими нарастание угрозы состоянию окружающей среды, являются: рост населения, в особенности городского; рост потребления энергии; увеличение потребления воды; усиливающееся истощение возобновимых и невозобновимых природных ресурсов; увеличение количества загрязнителей; транспортные показатели, такие как количество машин, протяженность дорог, пассажироперевозки и т. д.

Снижение угрозы состоянию окружающей среды определяется следующими показателями: снижение потребления природных ресурсов на выпуск единицы продукции; наличие договоренностей по опасным и дорогостоящим ресурсам; контроль за процессом обезлесения с целью его сокращения; работы по восстановлению плодородия почв; снижение продажи пестицидов и гербицидов; уменьшение доли природных ресурсов в энергетическом секторе; рост вовлечения граждан в природозащитное движение; расширение научных разработок в области проблем взаимодействия общества и природы.

Очень интересной и обещающей стать плодотворной в случае внедрения в практику нам представляется разрабатываемая группой ученых института Волжского экологического бассейна (ИВЭБ РАН) концепция социально-эколого-экономической системы (СЭЭС). Эта концепция является конкретизацией модели устойчивого развития и понятия устойчивого общества; раз-

рабатывается авторами в рамках многокритериального оптимизаторского подхода, то есть учитывает технологическую специфику современной цивилизации.

Первичным этапом анализа состояния СЭЭС является изучение ее развития на уровне подсистем: социальной, экологической, экономической. Состояние экологической подсистемы характеризуется следующими группами показателей:

- медико-географические показатели (младенческая смертность, самопроизвольные аборт, аномалии развития новорожденных, смертность по возрастным группам, заболеваемость детей и взрослых, распространенность онкологических, инфекционных и других экологически обусловленных заболеваний);

- состояние водного бассейна (уровень загрязнения, в том числе токсическими веществами, отклонение от гидрохимических, гидробиологических, санитарно-гигиенических нормативов, количество загрязняющих веществ, накопленных в донных отложениях, организмах и др.);

- состояние воздушного бассейна (механические, химические, физические и другие загрязнения с учетом метеорологических факторов), оцениваемое с помощью ПДК веществ, индекса среднегодового загрязнения, уровня максимальных разовых концентраций;

- состояние почв (уменьшение содержания гумуса, увеличение содержания токсических веществ, увеличение площади засоленных и деградирующих почв и т. п.);

- состояние растительности (уменьшение площади коренных ассоциаций, уменьшение лесистости, повреждения и заболевания растительного покрова, снижение запаса фитомассы);

- состояние животного мира (уменьшение видового разнообразия и численности животных, эпизоотии и др.);

- пространственные и динамические признаки деградации экосистемы.

Социальную подсистему характеризуют следующие группы показателей:

- медико-демографические (численность и плотность популяции, ее возрастная, половая и генетическая структуры, степень урбанизации, динамика воспроизводства населения);

- социальные (уровень жизни, культуры, права человека и др.);

- социального напряжения (внутри- и межэтническая агрессивность, деморализация, алкоголизм, преступность, наркомания, самоубийства, уровень безработицы, миграция населения по экологическим причинам и др.).

Показатели, определяющие состояние экономической подсистемы:

- состояние экономической конъюнктуры;
- движение цен, курса ценных бумаг, процентов;
- соотношение между численностью безработных и занятых в производстве;

- эффективность хозяйства;
- удорожание производства по природным и антропогенным факторам;

- динамика производства, потери продуктивности и выбытие из использования угодий и ресурсов;

- структура затрат экономики региона;
- вложение электроэнергии в единицу площади территории;

- объем производства отходов, загрязнителей и других вредных веществ.

Вторым этапом анализа СЭЭС является изучение СЭЭС в целом. Как подчеркивают авторы рассматриваемой концепции

(Ю.М. Краснощеков, В.А. Крылов, В.А. Павловский, А.С. Писарев, С.А. Чернякова), оно должно сопровождаться комплексной оценкой территории и может осуществляться с помощью следующих критериев:

- специфики природных условий;
- уровня промышленной и сельскохозяйственной освоенности;

- состояния системы цен;
- уровня экологического риска и степени критичности;

- природной устойчивости к экзогенным воздействиям;

- естественной продуцирующей способности природных ландшафтов;

- наличия полезных ископаемых;

- резервов неосвоенных природных ресурсов;

- рекреационного потенциала и рекреационной нагрузки;

- социальной структуры региона;

- развитости инфраструктуры;

- землересурсного потенциала;

- скорости утилизации продуктов естественного и антропогенного метаболизма;

- традиций природопользования;

- ухудшением условий жизни и здоровья населения;

- истощения и потери природно-ресурсного потенциала;

- нарушения генетической целостности ландшафтов;

- индекса гуманитарного развития;

- продолжительности жизни; контрастов в уровне жизни.

Приведенная нами детально структурированная система критериев и показателей социально-эколого-экономического благополучия территории перекликается с идеями, сформулированными учеными-экологами, изучающими бассейн еще одной крупнейшей реки Российской Федерации – мы имеем в виду Институт водных и экологических проблем Приамурья (ИВЭП), расположенный в Хабаровске.

Сотрудник ИВЭП РАН З.Г. Мирзеханова, рассматривая территорию как самостоятельный объект исследования и как активный элемент, уточняет, что в условиях ориентации деятельности человека на устойчивое развитие как идеал взаимодействия общества и природы, целесообразнее проводить не экологическую², а эколого-географическую экспертизу территории (ЭГЭТ).

Мы усмотрели следующие различия между традиционным понятием экологической экспертизы (ЭЭ) и предлагаемой ЭГЭТ. Если экологическая экспертиза проводится в отношении объектов, проектов, технологий, то эколого-географическая экспертиза имеет своим объектом целостную территорию. При ЭГЭТ определяется степень соответствия хозяйственной деятельности человека природному и ресурсному потенциалу, в то время как задачи ЭЭ – установить степень соответствия нововведений нормативным требованиям охраны окружающей среды. Значительно расширяется в случае ЭГЭТ объект анализа – им становится вся территория в границах сложившихся уровней управления, в отличие от территории в границах размещения объектов и зоны их влияния при ЭЭ. Если отбор данных при ЭЭ осуществляется по принципу отраслевого подхода, то информационный блок ЭГЭТ формируется исходя из независимой и абсолютной оценки свойств и особенностей самой территории. Критерии ЭЭ – существующие усредненные нормативы; ЭГЭТ же предполагает предварительную проработку критериев, отражающих особенности территории, ее индивидуальность. И, наконец, цель ЭЭ – обеспечение такого планирования и управления, которое бы сопровождалось уменьшением воздействия конкретных видов хозяйственной деятельности человека на окружающую среду. Цель ЭГЭТ – обоснование планирования и управления, направленных на сохранение экологического баланса и устойчивое развитие территории.

² Экологическая экспертиза – оценка воздействия на среду жизни, природные ресурсы и здоровье населения хозяйственных нововведений: реализации различных проектов, технологий, строительства и реконструкции объектов и т. д.

При этом предполагаются три основных уровня, на которых проводится ЭГЭТ: 1) эколого-функциональный (анализ экологического и природного потенциала территории³); 2) эколого-ресурсный (изучение ресурсных возможностей территории, сложившейся структуры землепользования и экологических последствий, степени использования ресурсного потенциала)⁴; 3) прогнозно-оптимизационный – здесь происходит объединение полученных в ходе двух предыдущих этапов выводов и результатов с целью выработки стратегии экологического развития территории (выявляются уязвимые ландшафтные комплексы, выстраивается модель экологического каркаса территории, выделяются зоны приоритетного использования различных видов ресурсов [9]).

З.Г. Мирзеханова, представляя ЭГЭТ как основу экологически устойчивого развития, очерчивает те принципы и особенности, которые позволяют ей выполнять эти функции. Это системность, комплексность, независимость (результаты ЭГЭТ должны выполнять функции объективной информации для всех пользователей, «региональная преданность», объективная предупредительность ошибочных решений (ЭГЭТ должна предшествовать процессу принятия решений и быть его составной частью); объективная информационная обеспеченность; взаимосвязь и дополняемость с другими информационными программами, наглядность и гласность (ЭГЭТ должна быть обеспечена картографически) [10: 124].

Концепция ЭГЭТ, выдвигаемая как конкретизация положений по реализации модели устойчивого развития, направлена на изучение и создание условий рационального природопользования на региональном уровне. В настоящее время она продолжает детально прорабатываться дальневосточными экологами. Но, как видно из приведенных в раскрытие ее содержания положений, они локализованы в области должествования, не оформленного до сих пор никакими правовыми нормами и экономическими показателями, т. е. имеют, как и модель устойчивого развития, идеальный характер.

³ Экологический потенциал территории – способность территории выдерживать антропогенную нагрузку, сохраняя функции саморегуляции.

⁴ На этом уровне осуществляется также оценка экологической ситуации как обобщенного показателя, отражающего воздействие человека и его хозяйственной деятельности на природную среду; проводится анализ причин сложившейся ситуации.

Оригинальными представляются нам размышления В.В. Шамова по категориальному статусу и конкретизации понятия «устойчивое развитие» [16]. Исходя из того, что в настоящее время деятельность человека приобрела планетарный размах, и вследствие этого провести четкую грань между естественным и искусственным, природным и антропогенным вряд ли возможно, В.В. Шамов предполагает, что даже в случае ледников Антарктики и таежных дебрей Сибири мы имеем дело с природно-хозяйственными объектами, выражающими определенную диалектику природного и социального. Любая природная система, вовлеченная в общественные отношения, обозначается автором как природно-хозяйственная (ПХС) и именно применительно к ним идет речь о концепции, модели устойчивого развития.

Если понимать развитие как переход от высшего к низшему, от простого к сложному, то само определение «устойчивое развитие» содержит диалектическое противоречие между моментом развития (усложнение структуры) и моментом деградации. *Появление у системы новых качеств*, выводящих систему на более высокую ступень сложности, *имеет естественно-исторический предел*, за которым развитие скачком выходит на уровень надсистемы, включающей данную систему как элемент. После этого развитие собственно системы прекращается: она полностью вырабатывает, реализует собственную пространственно-временную шкалу, представляющую собой набор, последовательность ее элементов, т. е. форм организации [17: 122–129].

Приведенные размышления В.В. Шамова заинтересовали нас в плане «пространственного расширения», а именно: какие выводы следуют из них в случае, если в качестве природно-хозяйственной системы рассматривать всю биосферу в целом? С логической необходимостью вытекают, по крайней мере, два таковых: 1) естественно-историческим пределом развития глобальной ПХС является ноосфера как качественно новый уровень организации пространственно-временных связей природы и общества; 2) в рамках ноосферы биосфера прекращает свое дальнейшее развитие, «консервируясь» в пределах тех форм, связей, видов, которые были ей присущи к моменту скачкообразного биосферно-ноосферного перехода. Тенденцию к этой консервации, консервации искусственной, мы видим в некоторых положениях модели устойчивого развития. В частности, наиболее ярко эта тенденция выражена в требовании сохранения биологического разнообразия.

Ни одно добросовестное исследование по теории эволюции, экологии, палеонтологии не дает определенного ответа на вопрос, какую роль играет настоящий уровень биотического разнообразия в развитии природы. Истории известны периоды в миллионы лет, когда на Земле господствовали немногие виды «однотипных» живых организмов. Сотни видов растений и животных вымерли без вмешательства человека, даже до его появления, в результате действия естественного отбора и других природных факторов. Постулируя необходимость сохранения имеющегося биологического разнообразия, человек берет на себя роль арбитра в природных процессах. Имеет ли он на это право? Возлагая на себя заботу о сохранении биологического и биотического разнообразия на планете Земля, человек, как нам представляется, бессознательно относит к сфере природопользования эволюционные процессы в живой природе. Для такого расширительного толкования сферы и возможностей природопользовательной деятельности в настоящее время мы не видим никаких оснований.

Возвращаясь к трудам В.В. Шамова, обратим внимание на предлагаемый им системный критерий определения устойчивого развития системы. Элементы конкретной ПХС, их функционирование и развитие составляют ИГП – инвариантно-генетическую последовательность (термин В.В. Шамова) форм ее организации, определяют постоянно меняющееся содержание той или иной области конкретно-научного знания. «... Конкретные системы, характеризующиеся на данный момент последовательностями элементов, не полными относительно к их ИГП (определенных по наблюдению за системами *того же* класса), можно рассматривать как развивающиеся, т. е. имеющие признаки неполного развития. Если при этом уже прослеживаются изменения на надсистемном уровне, а система не успевает реализовываться как целое, не вырабатывает полностью уже выявленную собственную пространственно-временную шкалу – ИГП, следует говорить о недостаточном развитии системы, а, следовательно, о признаках ее деградации – результате сверхкритического воздействия. Конечность ИГП дает основание рассматривать ее мощностно, т. е. количество элементов системы как меру инерции этой системы, как ее... собственную массу... В зависимости от выбора уровня отсчета (пространственно-временной шкалы) актуальная масса системы будет по-разному отличаться от ее собственной массы. При сверхкритическом воздействии на систему ее ИГП

представляется как «масса покоя» данной системы, а ее актуальная масса (состояние) будет уменьшаться пропорционально силе (уровню) воздействия.....

Применительно к планетарной человеческой популяции в условиях обострения глобального ресурсно-экологического кризиса – *кризиса человеческой популяции* – следует ожидать усиления биологических механизмов сокращения ее численности. Интересы социумов меньшей размерности в этом случае явно отодвигаются на другой план, их развитие (а это предполагает прежде всего усложнение индивидуального интеллекта) будет неустойчивым, зажатым в рамки популяционных процессов» [18: 182].

Описывая перечисленные процессы, В.В. Шаповалов оставляет вне поля зрения тот факт, что в обществе биологическим механизмам сокращения численности популяции противостоит разветвленная система здравоохранения и социального обеспечения, особенно в развитых странах.

В связи с изменяющейся экологической ситуацией в научной литературе высказываются сомнения в возможности перенесения в следующее столетие современной системы здравоохранения с ее основополагающими принципами. И.В. Бестужев-Лада в одной из своих работ замечает, что «при переходе от традиционного сельского к современному городскому образу жизни происходит переход от естественного отбора (выживания сильнейших особей) к искусственному: жизнь дается по усмотрению родителей и поддерживается средствами медицины, независимо от степени жизнеспособности данной особи, причем, с возможностью воспроизводить потомство – естественно, дефектное» [6: 89]. Если учесть такие, сопровождающие цивилизацию и усиливающиеся по мере ее развития факторы, как влияние на человека алкоголя, наркотиков, стрессов, неблагоприятной экологической ситуации, сохранение принципов современного здравоохранения, по мнению цитируемого автора, налицо угроза генофонду человечества, «ибо деградация не может длиться бесконечно» [9: 89].

«Зажатость» развития рамками популяционных процессов предполагает не только придание решению демографической проблемы статуса важнейшего для обеспечения устойчивого развития, но и усиление борьбы между странами за обладание природными ресурсами и их использование. Здесь мы можем действительно стать свидетелями противостояния цивилизаций: не в смысле «Восток – Запад», или «аграрная – тех-

ническая цивилизация», а в смысле противостояния двух уровней цивилизованности в рамках одной, техногенной, цивилизации, богатого северного полушария и бедного южного.

Та помощь, которую развитые страны оказывают развивающимся, – это самая минимальная, жалкая, неадекватная плата за поддержание собственного высокого уровня жизни за счет эксплуатации природных ресурсов развивающихся стран.

В положениях, поясняющих модель устойчивого развития, оговаривается неодинаковая степень финансовой ответственности различных стран по реализации этой модели; имеется там и указание на то, что особое значение придается потребностям развивающихся стран как экологически наиболее уязвимых, но в том же документе декларируется: кредитование не способствует устойчивому развитию. Развитие должно осуществляться за счет собственных ресурсов с ориентацией на глубокую переработку сырья.

Вряд ли стоит разъяснять, что в развивающихся странах экономика ориентирована как раз наоборот – на экспорт сырья, добываемого, большей частью, с максимальным загрязнением окружающей среды. Кроме того, перед развивающимися странами стоят такие проблемы, как устранение голода, нищеты, дефицита водоснабжения, охраны лесов и т. п. Их приоритетность (приоритетность улучшения жизни нынешних поколений) не позволяет финансировать программы, направленные на создание достойных условий жизни поколений грядущих. В условиях слаборазвитых стран такая ориентация, на наш взгляд, даже неэтична. Здесь в полной мере справедливы слова Н. Бердяева: «Никакое грядущее совершенство не может искупить всех мучений предшествующих поколений. Такое подчинение всех судеб человеческих какому-то мессианскому пиру того поколения, которому удастся взобраться на вершину прогресса, возмущает религиозно-нравственную совесть человечества... Будущее с точки зрения настоящего не более реально, чем прошлое, и творческая работа наша должна совершаться не во имя будущего, а во имя того вечного настоящего, в котором будущее и прошлое – едины» [5: 147–152].

Реалии настоящего неутешительны. В июне 1997 г. специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН отметила, что возможности реализации модели устойчивого развития за пять лет со времени ее разработки (конференция в Рио) не только не увеличились, но уменьшились: обнаружилось негативные тенденции, препятствующие

щие достижению устойчивого развития. Сохраняются эти тенденции и по настоящее время.

Нарастали процессы глобализации структуры производства и потребления, на земном шаре быстро распространялся «западный» (читай – американский) образ жизни со всеми его отрицательными последствиями с точки зрения экологии и распределения материальных благ.

Экологические проблемы решались в существенной степени за счет загрязнения окружающей среды в слаборазвитых странах, так как страны развитые продолжали развивать структуру избыточного производства и потребления. Возросло социальное неравенство как между, так и внутри государств.

Изменилась продовольственная ситуация. В 1989 г. началось падение добычи морепродуктов. В сельскохозяйственном производстве после стабильного длительного периода (1961–1994 гг.) средний урожай на единицу пашни начал падать, несмотря на продолжающееся увеличение внесения удобрений. Все это требует дополнительных вложений в сельское хозяйство (по международной оценке увеличение на 23 %), чтобы сохранить производство продовольствия на уровне, опережающем рост населения (по имеющимся данным, более 15 % людей в слаборазвитых странах страдают от недоедания, в то время как около 15 % населения развитых стран – от переизбытка [3: 370]. Возможно, повышение культурного уровня человечества, в том числе культуры питания, подвигнет людей к перераспределению продовольствия? Пока таких подвижек нет.) Примечательно, что количество потребляемых ресурсов вообще увеличивается быстрее, чем население Земли.

Объем финансовой помощи развивающимся странам со стороны развитых сократился с 0,34 % ВВП в 1992 г. до 0,27 % в 1997 г. (при рекомендованном 0,7 % от ВВП развитых стран).

Для существенного прогресса в сфере образования и охраны окружающей среды необходимо финансирование в 2–3 % от ВВП всех государств. Реальное финансирование подобных программ значительно отстает от требуемого. Во многих слаборазвитых странах продолжает падать производство продукции на душу населения. Планировавшиеся меры по передаче прогрессивных технологий, решению проблем внешнего долга развивающихся стран за период 1992–1997 гг. не были приняты.

Продолжали нарастать загрязнение и деградация окружающей среды. Решения в «Рио-92» предусматривали снижение выбросов парнико-

вых газов к 2000 г. до уровня 1990 г. В 1995 г. вследствие признания этих мер недостаточными, было рекомендовано снизить эмиссию парниковых газов к 2000 г. еще на 15 % от уровня 1990 г. На деле же выбросы продолжают расти; многие развитые страны предложили разрешить повысить эмиссию (Португалия, Греция, Испания); развивающиеся страны вообще отказались брать на себя какие-либо обязательства в этой области, несмотря на то что к 2030 г. именно они станут главными загрязнителями атмосферы (более чем США, Европа, Япония вместе взятые). Не способствует решению названной проблемы и практика продажи квот одними странами другим.

На сохранение видового многообразия мировое сообщество выделило с 1992 по 1995 г. \$ 400 млн – 0,01 % прироста продукции в мире от уровня 1980-го. (!).

По средним расчетам, для реализации модели устойчивого развития необходимы затраты на уровне 30–35 % ВВП *человечества*. С учетом того, что эти затраты должны ложиться прежде всего на развитые страны, в обозримом будущем такой объем затрат не представляется реальным.

Существующие надежды: на автотрофность человечества, на ограничение потребления в развитых странах, на новую «зеленую революцию», ограничение роста населения, замену традиционных источников энергии новыми – остаются надеждами.

Так что же такое модель устойчивого развития? Для нас ответ представляется ясным: это – новый общественный идеал, выработанный коллективным сознающим себя субъектом – цивилизацией.

Анализируя единство семантических элементов цивилизации, Т.Дж. Каракеев высказал интересное замечание: «Утопия есть одна из многообразных форм осмысления тенденций социального развития. Она возникла с развитием цивилизации как отражение ее характерных черт и критикует ее существенные недостатки, показывая более или менее отдаленные перспективы. Утопия – элемент человеческой цивилизации» [7: 74].

Любой общественный идеал утопичен в том смысле, что не является реализуемым. «Золотой век», «град божий», «царство разума», «свобода-равенство-братство», «свободное развитие каждого как условие свободного развития всех», «всеобщее благоденствие» так и остались идеалами, т. е. конструкциями теоретическими. Однако они играли каждый в свое время и продолжают играть прогрессивную роль, задавая направление развитию практических усилий и познавательных изысканий людей.

Общественный идеал, как правило, предполагает опору на определенные классовые приоритеты, на нравственные и эстетические ценности. Особенность идеала гармонического совместного развития общества и природы – главного тезиса устойчивого развития – состоит в том, что он не имеет классового характера. Поэтому мы относим данный идеал к выработанным цивилизационным сознанием. Как известно, «при определенных условиях идеал становится формой самосознания... Он включает в свою структуру оценку и происходящего, и будущего с позиций интересов и предпочтений субъекта. Само знание в идеале еще должно пройти акт оценивания его положительной значимости для утверждения субъекта» [15: 89].

Почему экологические идеалы, разрабатываемые в рамках концепций ноосферы, активности территории, устойчивого развития, представляются нам формой выражения самосознания именно цивилизации? Отсутствие классовости – не единственный признак. Главным основанием, по которому мы относим эти идеалы к цивилизационному самосознанию, является то, что все они предполагают бесконечное развитие цивилизации, бессмертие ее предметного тела.

Как показывают научные данные, как свидетельствует обычный житейский опыт любого из людей, бессмертие вовсе не должно быть и вряд ли может быть предикатом ни жизни человека, ни человечества, несмотря на то что ему удалось преодолеть такой природный барьер, как действие естественного отбора. Да и преодоление это, скорее всего, мнимое. Естественный отбор для вида *homo sapiens* перестал действовать на индивидуальном уровне, но глобальная экологическая ситуация, показавшая, что человек, создавший цивилизацию, имеющую данное предметное тело и данные, технологические и духовные способы осуществления взаимодействия природного и социального, не вписался в биосферу гармонично. *Естественный отбор сообществ живых существ на уровне биосферы, фактически, вытесняет техногенную цивилизацию.* И, напротив, *цивилизация своим техногенным давлением на биосферу ставит под угрозу существование жизни на планете.* Вопрос о том, что произойдет раньше – гибель цивилизации или гибель биосферы – может быть отнесен человечеством к разряду детских софизмов о курице и яйце. Для существования биосферы имеет значение тот или иной вариант ответа на поставленный вопрос, но в том-то и критичность сложившейся ситуации, что природа вообще не ставит вопросов – она поставляет человеку фактический материал.

Если проанализировать этот материал в духе сложившейся экологической ситуации, то мы придем к выводу, что, во-первых, экологический кризис не является для биосферы явлением аномальным (за время своего существования она перенесла не один крупномасштабный кризис); во-вторых, ни одна наука, имеющая дело с фактами, не будет ставить себе задачу обеспечения бессмертия человечества. Более того, ни один социальный идеал не включает в себя идеи бессмертия человека в его органической целостности. Религия, теология выступают с концепциями бессмертия души. Естественные науки, медицина, геронтология исследуют проблемы продления жизни человека, улучшения состояния здоровья, – но не ищут рецептов бессмертия. Даже если в условиях земной биосферы техногенная цивилизация обречена – в этом, с точки зрения объективных законов природы, нет никакой трагедийности. Природе вообще несвойственны нравственные и эстетические определения.

Своеобразную парадоксальность стремлению техногенной цивилизации обрести бессмертие придает то, что «технический эквивалент» этого стремления – поиски возможностей создания вечного двигателя – давно предан забвению не только на уровне научного, но и неспециализированного сознания. Но современная техногенная цивилизация, в основе материального взаимодействия которой с природой вот уже несколько столетий лежит механика, пытается строить проекты обеспечения собственного бессмертия.

Идея бессмертия (бесконечного развития) в самосознании цивилизации имеет определенные материальные основания в сфере искусственного. Искусственному можно придать характер иллюзорной бесконечности (движения по замкнутой кривой). Можно заменить некоторые компоненты естественной среды обитания искусственными. Современные технологии, на уровне геной инженерии, в состоянии трансформировать адаптивные функции человека, или будут в состоянии осуществить это в ближайшем будущем, непосредственно вытекающем из настоящего.

Но если исходить из того человека, который размышляет и действует сейчас, в его нынешней пространственно-временной и телесной определенности, то в обрисованном гипотетическом будущем этого человека вряд ли возможно себе представить. Писатели-фантасты и некоторые ученые утверждают однозначно: невозможно представить. А.П. Назаретян, в частности, сопровождает подобное утверждение размышлениями

о способности человека сознательно формировать законы собственного бытия. «То, что человек остается “биосоциальным существом”, неизбежно накладывает пределы на объективные возможности и субъективную мотивацию интеллектуальной активности... Биологические структуры, составившие необходимую и достаточную предпосылку, и биогенные мотивы, служившие мощным фактором интеллектуального роста на определенных этапах, начинают превращаться в тормоз на этапе значительно более позднем. Переживание скованности, «обремененности» физиологией уже на протяжении нескольких тысячелетий сохраняет источник для многочисленных аскетических теорий и поступков (обычно с ярко выраженной религиозной окраской).

Сегодня едва ли мыслимы такие варианты отдаленного будущего, в которых нашлось бы место человеку в его телесной определенности» [11: 32].

В идеале А.П. Назаретяну видится синтез двух типов интеллектов – на белковой и небелковой основе, что позволит преодолеть импульсивность, эмоциональность, неуравновешенность и т. п. [12: 59]. (Так вот, оказывается, каким можно представить себе декартовское избавление от страстей!).

А.П. Назаретян рассуждает также о том, что возможны только два пути разрешения усмотренного им противоречия между интеллектом и его биологической основой: недиалектическое и диалектическое отрицание, вырождение или симбиоз естественного и искусственного разума. Если второй путь будет пройден достаточно далеко, это будет революционный скачок, сопоставимый с возникновением жизни [13].

Если придерживаться позиций, занимаемых в вопросе перспектив будущего развития цивилизации и человечества А.П. Назаретяном, идеал устойчивого развития с его экологическими ценностями избыточен, так как природа молчаливо удаляется из рассматриваемой концепции развития общества или чего-то такого, во что оно должно превратиться. Homo sapiens в его теперешнем виде, возможно, сохранится вместе с утками и зайцами в заповедниках, но лишь в том случае, если вновь открытый симбиотический интеллект сочтет рациональной идею сохранения биологического разнообразия и территориальную форму охраны природы.

А.П. Назаретян постоянно подчеркивает, что «в пределе интеллект нравственен», но в прогнозируемом им будущем это должна быть нравственность на небелковой основе, нравственность совершенной микропроцессорной техники или абсолютного духа, – жуткая, нечеловеческая

нравственность, от которой грешного, несовершенного, эмоционального, приземленного в пространственном смысле человека берет оторопь.

Но мы ясно себе представляем, что с точки зрения уровня развития научного знания и анализа современной социально-экономической ситуации возможность создания синтетического интеллекта более реальна, чем построение общества устойчивого развития в глобальном масштабе. Тем не менее существующая система нравственных критериев есть гарантия того, что реальность модели устойчивого развития повышается, в то время как именно человеческая нравственность не позволяет науке экспериментировать с человеческим организмом так, как это уже давно может быть осуществлено, исходя из наличного уровня знаний в области генетики, геномной инженерии, психологии и т. д.

Нас привлекает идеал гармонического взаимодействия общества и природы – нравственный, эстетический, чувственный, человеческий идеал.

Современная ситуация на планете свидетельствует, что человечество избрало неверное направление духовной экспансии – не внутрь, «вглубь человеческого», а вовне. Средствами науки исследуется окружающий природный мир, телесные оболочки, «материальные кирпичики», из которых сложен человек – исследуются более, чем истинно человеческая, духовная, сущность. Но ведь смысл антропоцентризма как мировоззренческой позиции современного общества – в сократовском «познай самого себя». Разгадывание тайн Вселенной должно вестись не по принципу постановки человека в центр мироздания, а по принципу «раскрытие сущности человека – ключ к разгадке тайн Вселенной».

Ценностный перекосяк во взаимоотношениях человека с природой (его результатом является современная глобальная экологическая ситуация) возник тогда, когда человек сделал попытку вывести мораль из противопоставления мира природы миру людей. То, что в настоящее время наука о нравственности вышла на уровень таких дисциплин, как биоэтика, экологическая, энвайронментальная этика, этика благоговения перед жизнью, является прямым подтверждением того, что выведение моральных норм из противопоставления природного и социального являлось шагом ошибочным.

Поскольку ошибочным полагается одно из глубинных оснований построения морального сознания, на повестке дня стоит пересмотр многих его положений и принципов. Дилемма, поставленная в свое время энвайронментальной

этикой – применение существующих этических норм к взаимоотношениям с окружающей средой или полный пересмотр норм и принципов морального сознания, – как любая дилемма, хороша, «по умолчанию», промежуточным тезисом. В условиях выживания следует определить, какие этические нормы требуют пересмотра в новых условиях развития общества и природы. «... расширение этики, которое до сих пор изучали только философы, на самом деле представляет собой один из процессов экологической эволюции... Этика в экологическом смысле – это ограничение свободы действий в борьбе за существование. Этика в философском смысле – это различие общественного и антиобщественного поведения. И то, и другое – лишь два определения одного и того же явления. Возникло же оно из тенденции взаимозависимых индивидов и групп развивать формы сотрудничества» [8: 200].

Выше мы писали о неосуществимости модели устойчивого развития. Одной из причин, по которым нами она оценивается как нереализуемая, является то, что модель устойчивого развития сформирована с опорой на существующие этические нормы. А они, повторим, в связи с обострением угрозы экологического кризиса требуют существенного пересмотра.

Определенной реставрации должно быть подвергнуто одно из центральных понятий нравственной культуры – понятие гуманизма. Потребуется не кардинальный пересмотр, а уточнение некоторых положений гуманизма, по крайней мере, в связи с двумя проблемами: качеством генофонда человечества и глобальной демографической ситуацией.

За счет чего растет численность населения Земли в среднем? Отнюдь не в связи с ростом рождаемости в смысле количества детей, рожденных одной женщиной. Этот показатель как раз век от века по планете в среднем снижается. Главные причины увеличения численности населения Земли – снижение детской смертности, снижение смертности в результате инфекционных и других заболеваний, увеличение средней продолжительности жизни. Выживание дефектных особей homo sapiens с их дальнейшим беспрепятственным размножением ведут к снижению качества генофонда человечества. Если учесть, что наибольшее количество детей рождается каждый год в странах третьего мира, где уровень жизни крайне низок, качество генофонда в ближайшие десятилетия будет снижаться.

Конкретные предложения по предотвращению деградации человечества и решению демо-

графической проблемы, как правило, разбиваются о нравственные преграды по их осуществлению. Запустить вновь механизмы естественного отбора – шаг для общества и неприемлемый, и неосуществимый. Поиски других выходов из рассматриваемой ситуации ведутся в двух направлениях. Во-первых, это проработка путей снижения рождаемости. В идеале снижение рождаемости не обязательно связано с ее ограничением. Достаточно значительно повысить материальное благосостояние и культурный уровень населения.

В среднем в Западной Европе и Северной Америке в семьях рождается 1–2 ребенка, в африканских странах – 6 и более. Даже если допустить, что к следующему XXII в. афроазиатский регион достигнет уровня жизни стран Западной Европы или США, без решения проблемы ограничения рождаемости в течение ближайших десятилетий это допущение нереально.

Запретительные меры в области ограничения рождаемости, как показывает опыт Китая, могут вполне себя оправдывать. Ценными в данной связи являются также меры просветительского характера, экономические льготы для малодетных семей, вовлечение женщин в общественное производство. Но все эти меры, решая одну проблему, или провоцируют другие социальные потрясения (вовлечение женщин в общественное производство обостряет проблему занятости населения), или условием их реализации является достаточно высокий уровень социально-экономического развития (он необходим для ведения существенных экономических льгот малодетным семьям).

Что касается запрета на воспроизводство дефектного потомства, то современное моральное сознание ужасается самой постановкой этого вопроса, считая ее негуманной. Однако, что утверждает гуманизм, если не свободное развитие личности? И что есть свободная, гармонически развитая личность? Человек, материальные и духовные потребности которого удовлетворены, за исключением возможности иметь собственных, «по крови», детей, или человек, произведший на свет человекоединицу без шансов, к примеру, осознать себя в качестве таковой? Гуманно ли удовлетворение родительских потребностей за счет ухода за физически дефектным существом, которое будучи сознательным, несомненно, испытывает моральные страдания вследствие своей дефектности?

Нам представляется, что для любого рационально мыслящего жителя планеты приведенные вопросы имеют риторический характер; для всех остальных они – предмет оживленных, порой

ожесточенных дискуссий, не имеющих никаких позитивных следствий для разрешения современного углубляющегося экологического кризиса. К описанию природных, экологических и физиологических процессов понятия «гуманный – негуманный» вообще неприменимы. Здесь есть причинность, закономерность, системность – нет только культурных и нравственных явлений и процессов. И коль скоро человек, для которого культура и нравственность являются родовыми определениями, погружен в природу и своим индивидуальным, и «коллективным» телом, его задача – трансформировать свои нравственные, культурные (в их числе политические и правовые нормы как элемент культуры) понятия в соответствии с требованиями экологической безопасности.

Мировоззренческий пафос гуманизма как идейного течения в истории культуры состоит, по нашему мнению, именно в признании бесконечной потенции разума человеческого как основы и условия свободного развития личности. Гуманизм в этом смысле рационален, аналитически выверен и идейно направлен на вытекающие из настоящего перспективы развития человека и общества – в этом главное отличие гуманизма от спонтанных сентиментальных порывов.

Как целостное явление в человеческой культуре, гуманизм не предполагает зависимости от классовой идеологии – в этом его, еще нераскрытый, творческий потенциал. В центре нового подхода к понятию гуманизма в связи с экологическими ориентирами деятельности оказывается проблема смысла жизни и смерти человека, проблема природной и телесной основы духовного развития. Доказать научными средствами, что деградация природной и телесной основы человека неизбежно ведет к деградации культуры, – дело культурологов, эстетов, искусствоведов, психологов, психиатров. На уровне же эмоционально-образном эта связь является очевидной. Деградация природного окружения не может не сопровождаться деградацией личности хотя бы в силу того, что первичной материальной основой развития и вообще существования личности является организм человека. Ухудшение состояния здоровья сказывается на протекании психических реакций и в конечном итоге обязательно негативно отражается на социальных характеристиках личности.

Если путь к спасению природы лежит через совершенствование цивилизации, а экологически приемлемое совершенствование цивилизации невозможно без нравственного совершенствова-

ния человека, вполне логичным шагом на пути выявления средств совершенствования человека и цивилизации является обращение к тем, созданным цивилизацией ценностям, которые способствовали нравственному прогрессу человечества: семье и частной собственности.

Освоение индивидом социального пространства, социализация невозможны без уяснения смысла отношений собственности, формирования чувства собственности. Через институт наследования собственность, в числе прочих, обеспечивает связь поколений. С одной стороны, собственность может выступать средством индивидуализации, через предметы собственности возможно подчеркнуть собственную уникальность. С другой стороны, собственность в состоянии обезличить человека, выхолостить его духовный мир стремлением к обладанию вещами, которые являются фетишами или символами определенного образа жизни. Собственность некоторым образом задает границы человеческой деятельности. В этом заложено основное противоречие отношений собственности: через отношения собственности человеку задается способ отношения к средствам труда, предметным ценностям, природе; собственность опосредует связь индивида с другими индивидами и социумом – и собственность обозначает локальное место человека в мире, даже задает, в определенном смысле, принадлежность его к конкретному кругу людей. Это противоречие оказывает непосредственное влияние на перспективы и действительные возможности решения насущных экологических проблем.

Вернемся к начальным страницам статьи.. Модель устойчивого развития, ориентированная на то, чтобы оставить планету грядущим поколениям в состоянии, пригодном для достойной человека жизни, предполагает сотрудничество государств и народов в деле охраны окружающей среды. Однако существует ли некий коллективный собственник окружающей среды? Его нет. В качестве субъектов проведения природоохранной политики устойчивого развития международным сообществом рассматриваются государства. Но в государственной собственности находятся и могут находиться далеко не все природные объекты, тем более процессы. В каком смысле можно говорить о собственности на атмосферный воздух, атмосферные осадки, речной сток? Как расценивать планируемую продажу одним государством другому квот на промышленные выбросы в атмосферу? С точки зрения нравственной и экологической недопустимость подобных сделок понятна, но как урегулиру-

вать, вернее, предотвратить их правовыми средствами?

Предложенные отечественными учеными концепции СЭЭС, ЭГЭТ при условии их практической реализации непременно столкнутся со схожими коллизиями: в пределах любой отдельной территории находится множество промышленных объектов, сельскохозяйственных угодий, принадлежащих различным собственникам. Если комплексную экологическую оценку территории провести возможно, игнорируя названное обстоятельство, то на реализации мер по поддержанию или восстановлению экологического благополучия территории обязательно скажется так называемая ведомственная разобщенность собственников. Одним из способов преодоления ведомственного подхода к решению проблем охраны окружающей среды внутри государства является введение показателя чистоты окружающей среды в систему экономических показателей функционирования производства.

Реализация крупномасштабной природоохранной деятельности в рамках межгосударственного сотрудничества осложняется существующим до сих пор не только на уровне индивидуального, но и общественного сознания делением мира на «свое» и «чужое». Общеизвестно, что развитые государства, проявляющие заботу об экологической чистоте производства на своей территории, размещают экологически опасные производства на территории слаборазвитых стран; заботясь о ресурсах собственных земель, истощают природные ресурсы других стран. Слаборазвитые страны, в погоне за сомнительной сиюминутной выгодой, совершают «экологическое самоубийство».

Мы не рассматриваем отдельно проблемы охраны окружающей среды на территории России, поскольку для нее имеет силу все сказанное в отношении развивающихся или слаборазвитых стран. Но экологическая ситуация в России усугубляется еще тем обстоятельством, что Российская Федерация является историческим преемником СССР, мировой державы, и вынуждена решать проблемы, являющиеся следствием крупномасштабного развития энергетики, транспорта, химизации народного хозяйства, нейтрализации огромного количества промышленных отходов, урбанизации, ликвидации некоторых видов вооружений. Мешает решению экологических проблем и богатство России природными ресурсами, создающее непреходящий соблазн «жить взаимно».

Природные ресурсы в качестве собственности государства не отражают ни социальной

дифференциации внутри него, ни уровня социально-экономического развития. Поэтому обращение к государству как к субъекту проведения природоохранной политики носит абстрактный характер, равно как и декларация разной финансовой ответственности государств в решении экологических проблем. А.Печчеи в свое время обратил внимание на то, что суверенное государство как главная функциональная единица современного общества в решении экологических проблем себя не оправдывает [14: 81].

Можно ли «укрупнить» субъект собственности природных ресурсов до человечества? Проблематично. В настоящих условиях – невозможно. Человечество в пределе является коллективным пользователем, но не собственником природных ресурсов Земли.

Общественные движения в защиту природы вносят определенный вклад в дело охраны окружающей среды и воспитания населения в духе экологической обеспокоенности, но эти движения не имеют реальных экономических и политических рычагов воздействия на собственников природных и промышленных объектов, кроме как через государственные каналы (общественное мнение в подобных случаях малоэффективно). Но для нас эти общественные движения важны тем, что они фактически предлагают и предъявляют носителя экологического сознания в перспективе возможного субъекта проведения экологической политики – конкретную личность. Инициаторами создания обществ охраны животных и природы, проведения международных конференций по проблемам окружающей среды, создания заповедников, разработки научных теорий и законов по охране природы были всегда конкретные люди. Руководитель любого предприятия, государства, разработчик научной теории или технологии – не абстрактный субъект, а конкретный человек, имеющий семью, жилье, определенные привычки и потребности – живой человек.

Существует реальная важнейшая социальная структура, которая дает толчок развитию всех качеств индивида и которая одновременно является минимальной хозяйственной единицей общества, – это семья.

Мы уже писали об огромном нравственном потенциале моногамной семьи, связанном, в частности, с тем, что в семье предполагалась реализация такой значимой функции человека, как воспроизведение рода. Успехи фармации в создании препаратов контрацепции на какое-то время пошатнули эту, социоприродную, по на-

шему мнению, функцию семьи. Но развитие картины человеческих патологий, появление новых страшных инфекций, передающихся половым путем, убеждают человечество в том, что семейная жизнь – требование не только нравственности, но и социализированной биологии человека, социальной гигиены.

Историческая ответственность за состояние окружающей среды – критерий самосознания, «взрослости» цивилизации. Общечеловеческие ценности и социальные идеалы – здоровый образ жизни, любовь, дружба, красота, семья, комфортабельность, высокое качество жизни – неосуществимы вне природного бытия человека. Нереализуемы они и без тех благ, существование которых традиционно приписывается достижениям развития цивилизации: развития транспорта, энергетики и т. д. Но развитие достижений цивилизации должно быть направлено на упрочение названных ценностей, развитие названных идеалов. Такое направление развития цивилизации не подразумевает конфликта с природным окружением, деградации окружающей среды – не подразумевает в том случае, если материальные потребности общества разумны, ограничены.

Биосфера, к которой привязан своими телесными мерками человек, область исключительно планетная, т. е. ограниченная. В ограниченной сфере развитие не может быть безграничным. Человечеству следует остановиться и подумать. Некогда животное смогло, затормозив инстинктивную реакцию, остановиться и подумать. На основании этой способности – думать прежде, чем действовать – впоследствии развился интеллект. В подобном положении находится сейчас земная цивилизация. Если она сумеет остановиться в наращивании материальных потребностей, у нее, даже в современных экологических условиях, будет достаточно времени осмыслить варианты дальнейшего развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Houghton, J. Global Warming. Salt Lake City / 1997. – P. 134.
2. Miller, G., Tyler, J. Living in the Environment. – Washington Publishing City, 1992. – P. 5.
3. Miller, G., Tyler, J. Living in the Environment. – P. 370.
4. Акофф, Р. Искусство решения проблем / Р. Акофф. – М., 1982.
5. Бердяев, Н. Смысл истории / Н. Бердяев. – М., 1980. – С. 147–152.
6. Бестужев-Лада, И.В. Прогнозное обоснование социальных нововведений / И.В. Бестужев-Лада. – М., 1993. – С. 89.
7. Каракеев, Т.Дж. Семантические аспекты диалектики социального развития: Цивилизация и ее отражение в общественном сознании / Т.Дж. Каракеев. – Фрунзе, 1978. – С. 74.
8. Леопольд, О. Календарь песчаного графства / О. Леопольд. – М., 1983. – С. 200.
9. Мирзеханова, З.Г. Эколого-географическая экспертиза территории: концепция, методология, значение / З.Г. Мирзеханова // Исследования водных и экологических проблем Приамурья. – Хабаровск, 1998. – С. 120–125; и др.
10. Мирзеханова, З.Г. Эколого-географическая экспертиза территории / З.Г. Мирзеханова. – Хабаровск, 1998. – С. 124.
11. Назаретян, А.П. Глобальные кризисы современности и универсальные перспективы интеллекта / А.П. Назаретян // Проблемы формирования стратегии природопользования. – Хабаровск, 1997. – С. 32.
12. Назаретян, А.П. Социальные технологии и социальная мораль: закон исторических корреляций / А.П. Назаретян // Проблемы формирования стратегии природопользования. – Хабаровск, 1997. – С. 59.
13. Назаретян, А.П. Человеческий интеллект в развивающейся Вселенной: Истоки, становление, перспективы: очерки междисциплинарной теории прогресса / А.П. Назаретян. – М., 1990.
14. Печчеи, А. Человеческие качества / А. Печчеи. – М., 1985. – С. 81.
15. Сморгунув, Л.В. Социальный идеал как форма самосознания / Л.В. Сморгунув // Самосознание в философии. – М., 2000. – С. 89.
16. Шапов, В.В. О вероятных перспективах человеческого интеллекта / В.В. Шапов // Происхождение разума на Земле: материалы междунардн. симпозиума. – Хабаровск, 1997. – С. 249–254; и др.
17. Шапов, В.В. Устойчивость и деградация природных систем / В.В. Шапов. – Хабаровск, 1994 – С. 122–129.
18. Шапов, В.В. Устойчивость ПХС и этика социо-природных отношений / В.В. Шапов // Исследования водных и экологических проблем Приамурья. – Хабаровск, 1998. – С. 182.

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ КОРЯКСКОГО ОРНАМЕНТА

Ю.О. Новик
И.В. Витер

Новик Юлия Олеговна – профессор кафедры философии и культурологии Камчатского государственного университета.

Витер Ирина Васильевна – заслуженный работник культуры РФ (1996), главный специалист Камчатской краевой научной библиотеки.

В статье рассматриваются стилистические и семантические признаки орнамента коряков – малочисленного палеоазиатского народа, проживающего на Камчатке.

Ключевые слова: корякский орнамент, орнаментальное творчество, культура коряков, национальный костюм, традиции изобразительной культуры.

Орнамент коряков занимает особое положение в системе декоративно-прикладного искусства народов Крайнего Северо-Востока Азии. Он вбирает в себя и удивительным образом сочетает характерные черты орнаментов нескольких народов. Его структура и образный строй формировались под влиянием художественных традиций соседних народов, либо родственных (чукчей), либо далеких от коряков в языковом и этническом отношении (тунгусов, эскимосов, ительменов, русских).

Согласно классификации искусствоведа С.В. Иванова корякский орнамент может быть отнесен к нескольким типам северного орнамента одновременно, прежде всего, к одному наиболее древнему, северосибирскому, представленному сочетанием полос, квадратов, треугольников, и второму – североазиатскому, составленному из простых и концентрических кругов и полукругов, звездчатых розеток и овалов. Сложные орнаменты из простейших геометрических фигур известны всем северо-восточным палеоазиатам, эскимосам, алеутам, юкагирам, эвенкам, долганам.

Наличие мотивов растительного характера в составе корякского орнамента сближает его с тунгусским (нижнеамурским) и восточно-европейским (русским) типами. Влияние русских художественных традиций на практику художественной обработки кожи и меха у коряков было особенно сильным в конце XIX – начале XX веков. Именно тогда, приспосабливаясь к эстетическим вкусам русских покупателей, корякские мастерицы украшали предназначенные для продажи меховые изделия орнаментами с листьями, ветками с цветами и бутонами, а иногда – стилизованными фигурками животных и людей.

Необычная практика сочетания зоо- и антропоморфных изображений с геометрическими узорами выступала специфической характеристикой

именно корякского орнамента, не встречавшейся у других северных народов. Она позволила С.В. Иванову выделить корякский орнамент в особую группу – орнамент камчатского типа.

Таким образом, в бытовании корякского орнамента отчетливо прослеживается единая линия развития, расширения круга сюжетов и обогащения содержания искусства, predeterminedная не только внутренними причинами, но и внешними – длительными межэтническими и межкультурными контактами коряков с соседними народами.

Североазиатские черты корякского орнамента восходят к эпохе неолита, когда древние этносы еще не были четко отделены друг от друга. Древняя основа корякской культуры была общей с неолитическими культурами Чукотки, сложилась на основе внутриконтинентальных традиций при сильном влиянии на нее традиций Приамурья и Приморья. Во II–I тыс. до н. э. предки коряков, чукчей, эскимосов, юкагиров занимались охотой и рыболовством в тундре, «пробовали себя» в изготовлении глиняной посуды, резьбе по кости. Дошедшие до нас петроглифы в долине р. Пегтымель свидетельствуют в пользу орнаментации посуды и, возможно, других бытовых предметов горизонтальными полосами.

Трансформацию полосового зонального орнамента в розетки, прямоугольники, квадраты и ромбы принято связывать с решением задачи художественного осмысления новых форм бытовых предметов, появившимися у людей вместе с новыми хозяйственными занятиями, в первую очередь плетением.

«Если прямолинейный, зональный орнамент применяется для украшения круглых предметов, например крышек плетеных коробок, ковриков, то он образует розетку, а попадая на прямоугольные предметы, например на меховые или

кожаные коврики, – прямоугольную рамку. Пространство, заключенное внутри нее, также заполняется узорами. Это либо мелкие розетки, либо горизонтальные пояски или шашечный узор» [4: 239–240].

В неолите оформились и закрепились в стереотипах мышления, трудовых и ритуальных действий основные канонические правила орнаментирования предметов по законам конечной и бесконечной симметрии. Конечные орнаменты (розетки) создавали ощущение центричности, статичности, замкнутости. Потенциально бесконечные линии и полосы чередующихся простейших геометрических фигур формировали представления о подвижности, изменчивости, дискретности, абсолютности движения. Таким образом, украшая одежду розетками и полосами одновременно, люди в прошлом, как и сейчас, создавали и продолжают создавать художественную модель устройства окружающего мира, отражающую свойства вещей и их взаимосвязи.

Подобная семантическая интерпретация неолитического орнамента получила признание среди этнографов лишь в XX в. Столетием ранее исследователи либо принимали на веру утверждение коряков и некоторых других северных народов, что выполненные из различных материалов нашивные розетки и шевроны на одежде являются солярными или лунарными знаками, либо подвергали их радикальному сомнению, подобно В.И. Иохельсону. «Некоторые коряки говорили, что простые, двойные и концентрические круги в их орнаменте обозначают солнце, луну, звезды. Раз мне сказали, что зубцы обозначают горы, а в другой раз, что – волны. Предполагается, что крестообразные фигуры обозначают летящих птиц, но мне говорили, что, как правило, орнамент никакого специального значения не имеет. Даже сведения о зубцах я получил после настойчивых расспросов, которые, может быть, вынудили ответ. У меня сложилось впечатление, что лица, которых я расспрашивал, придумывали свои ответы, когда их спрашивали. Поэтому я не придаю особого значения этим сведениям» [5: 164].

Орнаменты наиболее раннего происхождения в настоящее время можно наблюдать на похоронных одеждах коряков, ритуальных кухлянках (например, шаманских) или на предметах, вышедших из употребления и ставших музейной редкостью (колчанах для стрел).

* * *

Предположительно в эпоху позднего неолита у многих северных народов начали склады-

ваться подвижные комплексы этнических маркеров культур. Становление специфических черт этносов, в частности древнекорякского, сопровождалось дроблением одной или нескольких групп на более мелкие подразделения с характерным для этого периода распадом общекорякского языка на диалекты.

Цели и задачи этнического самоопределения и идентификации не могли не затронуть общие принципы формирования корякского орнамента. В отличие от соседних народов коряки утвердили в качестве маркера этнической идентичности особый принцип построения орнамента – симметрию подобия в розетках и шевронах. Это значит, что коряки составляют свой орнамент из одинаковых по форме, но различных по размеру фигур, например, из крупных и мелких треугольников.

Кроме самых общих принципов орнаментации изделий из меха, корякские мастерицы знают и применяют локальные художественные правила, позволяющие безошибочно, бросив лишь беглый взгляд на одежду приезжего коряка, определить, из какого района Камчатки он прибыл.

Выработке локальных форм художественной культуры и быта коряков задолго до прихода русских способствовали специфические географические условия их проживания: «оседлые коряки, численность которых едва ли превышала 4,5–5 тыс. чел., занимали огромное по протяженности пространство (длиной свыше 3000 км). При том уровне развития производительных сил, на котором находились коряки к середине XVII в., они не могли поддерживать регулярных связей между отдельными территориальными подразделениями, да и в этом не было никакой экономической необходимости. Следовательно, не было условий для их консолидации, и поэтому этнические процессы на границах их расселения с соседними народами протекали довольно интенсивно» [2: 234–235].

Можно перечислить по районам встречающиеся в настоящее время особенности корякского орнамента:

– Карагинский район – сложная меховая мозаика в коврах, комбинезонах, конайтах¹; преобладание орнаментированных кухлянок мехом внутрь; упован² обычно из 2–3-х составных полос, наличие вышитых медальонов по уповану; большое количество длинных кожаных ремешков;

– Олюторский район – широкие яркие би-

¹ Конайты – меховые штаны коряков.

² Упован – широкая орнаментированная кайма по подолу кухлянки.

серные полосы на малахаях³, торбасах⁴, крупные бисерные розетки, длинные подвески, преобладание бисерных нитей на кухлянках⁵; головные уборы в виде круглых шапочек из разноцветных ровдужных⁶ и кожаных полос;

– Пенжинский район – распространено употребление кухлянок без капюшона с воротниками; в кухлянках мехом наверх сложная меховая мозаика мелкой формы на уповане и воротнике; криволинейный орнамент на металлических изделиях;

– Тигильский район – наличие высоких торбасов с вертикальным простым геометрическим орнаментом; малахай с большим отворотом опушенный длинношерстным мехом; наличие «вороньих лапок», рогаткообразных фигур на малахаях.

* * *

На протяжении всей своей истории отдельные подразделения коряков вступали в различного рода связи и находились в отношениях с соседними народами и друг с другом.

Уже в конце XVII века, т. е. к приходу русских на полуостров выделяются две хозяйственно обособленные группы: кочевники-оленоводы и оседлые коряки, охотники на морского зверя и рыболовы. Разнородная хозяйственная деятельность этих двух групп повлекла за собой производство разнообразных предметов на обмен. Существовал как прямой обмен, так и через посредников. При прямом обмене оленивод получал продукты морской охоты, а оседлый коряк – продукты олениводства. Обмен через посредников добавлял для обмена товары, завозимые русскими: металл, нитки, бисер, посуду и т. д. В исторических документах зафиксированы факты товарных отношений следующего рода:

«А государеву товару дал мне сто полиц куяшных, да котол старой, пять фунтов одекую» (1650 г. Из челобитной Ивана Кузьмина Беяны царю Алексею Михайловичу о своей службе на реках Яне, Индигирке, Алазее и Колыме) [9: 77].

«Двести аршин холсту, двадцать концов сукон сермяжных, десять юфтей кож красных, пятнадцать рубаш, строченных шелком, пятнадцать крашенин трубчатых, триста ремней, пятьдесят шил, пятьдесят поясков нитных, ...шесть пуд

пряжи, пуд с четью бисеру...⁷» (1641 г. Проезжая грамота...) [9: 99–100].

«Двести аршин холсту тонкого, четыреста пуговиц медных, пять одекую, шесть топоров, двадцать фунтов меди в котлах...» (Роспись товарам...) [9: 108–109].

В XVIII в. на Камчатке можно было купить товары не только российские, но европейские, сибирские, калмыцкие, бухарские. По утверждению С.П. Крашенинникова, «...из Европы идут цветные,...холст, пестредь,...платки шелковые и бумажные,... всякие серебряные мелочи и несколько позументу, также зеркала, гребни, прониски и бисер... Из Китая голи, полуголи и другие сим подобные материи, фанзы, ленты, китайка, шелк, китайский табак, китайские корольки, иглы, которые российским предпочитают, и другие мелочи⁸» [8: 262].

Появление нетрадиционных материалов оказало существенное влияние на технологию изготовления орнаментированных меховых и кожаных изделий коряков. До прихода русских коряки шивали меховые и кожаные части одежды, обуви, головных уборов сухожильными нитками, а орнамент (за исключением меховой мозаики) выполняли с помощью подшейного волоса оленя. Физические свойства перечисленных выше материалов, прекрасно известные корякским мастерицам, требовали их специализированного применения в шитье и вышивании. Сухожильные нитки практически не портились от воды и, разбухая, не пропускали влагу в отверстия на коже, оставленные иглой. Белый, блестящий, но хрупкий, легко ломающийся олений волос, четко выделяющийся на желто-охристом фоне оленьей ровдуги, был пригоден для украшения одежды путем наложения на кожу и закрепления на ней.

Меховая одежда, изготовленная корякскими женщинами, пользовалась высоким спросом у ительменов и чукчей, принимавших участие в межплеменном обмене товарами на традиционных ярмарках. «В укинском краю⁹, – отмечал И. Вознесенский в 1846 г., – коряки добывают

⁷ Аршин – русская мера длины, равная 0,711 метра; юфть – кожа рослого быка или коровы, выделанная по русскому обычаю, на чистом дегте; крашенина — крашеный и лощеный холст, обычно синего цвета; пуд – русская мера массы (веса) = 40 фунтам = 16,38 кг.

⁸ Пестредь – пестрые ткани; позумент – золотая или серебряная тесьма; пронизки – бусы из бисера и стекла; фанза – шелковая китайская ткань; китайка – хлопчатобумажная ткань китайского производства, обычно желтого цвета; корольки – коралловые бусы из Китая.

⁹ Укинский край – Карагинский район Камчатской области.

³ Малахай – традиционный головной убор коряков.

⁴ Торбаса – традиционная обувь коряков.

⁵ Кухлянка – глухая меховая рубашечного типа одежда у коряков.

⁶ Ровдуга – выделанная, как замша, оленья шкура, окрашенная ольхой.

много баранов, из их шкур шьют «кухлянки» и продают камчадалам по 15 рублей за штуку» [2: 27]. Самой дорогой и ценной была праздничная одежда. Исследователи XX столетия называют ее «гагаблей» и описывают как одежду, сшитую мехом внутрь и больше, чем повседневная, украшенную различными подвесками, кисточками и упованом (широкой орнаментированной каймой по подолу гагагли).

Наиболее раннее описание одежды с упованом мы находим в трудах С.П. Крашенинникова, Г. Стеллера, А.П. Горланова. С.П. Крашенинников в главе о «коряцком народе» пишет: «Платье все носят из оленных кож, в котором нет никакой отмены от Камчатского: ибо и камчадалы от них же получают оленьи платье» [8: 152], а ранее дает следующее описание верхнего камчатского платья: «Верхнее платье по казачьи называется куклянка... а делаются куклянки двумя разными покроями, у одних подол бывает ровной, а у других назад с нарочитой выемкою и с хвостом долгим... Вокруг подолу, рукавов и вокруг куля¹⁰ опушиваются куклянки рослою белою собачиною... на спине пришиваются к ним ряски из ремешков, распстренных краскою, а иногда и по две великие шишки, расшитых шелками или различных цветов ремешками и распстренных краскою же... В круг подолу, вороту и в круге рукавов обшивается подзорами¹¹, а складывается бобровым пухом... Подзоры ... шьются следующим образом: замшевый ремень шириною пальца на полтора расчерчивается клетками в три ряда: клетки длиною бывают около вершка, и каждая разным шелком расшивается, включая верхний ряд, который через клетку белым волосом из бороды оленьей. К такому ремню сверху и снизу пришивают по красному или черному мандарному¹² ремню, который узорами ж из собачья горла, выделанного наподобие лайки¹³, распстрен. К ремням пришивают собачье горло, вырезанное зубцами и обложенное собачьей шерстью. Но шелковые подзоры начали шить по покорении, а до того распстряли их оленьими волосами, крашеною шерстью и собачьим горлом» [8: 44–45].

«Подзоры», по Крашенинникову, украшались геометрическим орнаментом (чаще всего «шахматным») из чередующихся разных по цвету квадратов, окаймленных с двух сторон зубча-

тыми белыми полосами, нашитыми на черную кожу. Кроме упована, кухлянка украшалась ремешками замшевыми и кожаными. Ученые XVIII века отмечают, что так орнаментировалась «лучшая» одежда, но в то же время, описывая праздники, они не останавливаются на описании одежды. Можно сделать вывод, что или специальной праздничной одежды не существовало, или она мало чем отличалась от «лучшей».

Из дневников русских путешественников начала XIX века следует, что некоторые коряцкие селения у русских имели репутацию специализированных центров по производству красивой и добротной меховой традиционной одежды. От жителей северо-восточного побережья Камчатки, так называемых алюторцев, на внутренний рынок поставлялись разные товары: «кость, зубья моржовые, лисицы, и кожи оленей, и шитое из кож платье, парки» с особыми алюторскими орнаментальными мотивами. В дневниках И. Вознесенского можно найти то, что он «заказал некому Ворошилову привезти из алюторских селений (Кичига, Вывенка, Тиличики, Ветвейское, Кульгушное, Алюторское. – прим. авт.) шахматных упаванов» [2: 35].

Кухлянка, которую С.П. Крашенинников называет «с хвостом долгим», использовалась у коряков как погребальная и имела свою систему орнаментики. Исследователи XIX в. В. Богораз, В. Иохельсон давали ее описание в своих записях. «Хвостатую» кухлянку можно было найти в национальных селах еще в XX в.

В одном из документов XVIII в. мы читаем о похоронах коряцкого старшины в 1777 г. Там же дается описание специальной полой одежды: «...надели на то приуготовленное, во первых штаны из белых пыжиков, обули в торбасы камысные¹⁴ белые же, которые изукрашены выкрашенными шерстями: на подошвах с прорезью дыры; потом оболкли в белую пыжиковую куклянку, опушенную весьма мохнато белой собачиною», – но смысл опушки, белой одежды не раскрывается [6: 276–291].

Погребальная одежда украшалась прорезной вышивкой подшейным волосом оленя, имела закрытые швы, вшитые полоски и кожаную мозаику. Данный прием обработки кожи можно условно называть вышивкой. Более точно его характеризует и дает подробное описание способа изготовления вышивки в своей монографии С.В. Иванов. «Коряки, чукчи, эскимосы и юкагиры украшали кожаные предметы особым, комби-

¹⁰ Куль – капюшон.

¹¹ Подзор – упован.

¹² Мандарный ремень – ремень, выделанный из перпичьей шкуры.

¹³ Лайка – мягкая шкура особой выделки.

¹⁴ Камус – меховая шкурка, снятая с голени оленя.

нированным швом, при котором олений волос пропускается через кожаные петли, образуемые светлыми ремешками, продетыми через вертикальные разрезы в черной или коричневой коже. Орнамент, исполненный такой техникой, известен английской этнографической литературе под названием *slit embroidery* и описан В.И. Иохельсоном (1908, гл. XI)... Если под ремешки пропускают один волосок, то он образует «сухарики». Если два – то, подергивая их через светлые ремешки, «образуют узор в виде квадратиков». Из комбинаций сухариков и квадратиков корякские мастерицы складывают самые разнообразные по форме узоры» [4: 203].

«Прорезная вышивка» подшейным волосом встречается в орнаменте ковров в XX в. намного реже, чем в предыдущие столетия. Орнаментальный мотив складывается из вписанных дуг с удлиненными сторонами или овалов со срезанными концами. Подобный мотив, выполненный в технике меховой мозаики, был использован в подростковой кухлянке, сшитой М.И. Притчиной в 1990-х гг. Линейным орнаментом из «сухариков» и квадратиков, нанесенных на черную ровдугу, украшали в 1980–90-е годы свои изделия анапкинские мастерицы: У.М. Гуторова, А.И. Попова, А.Н. Тынетвагаль.

Привозные хлопчатобумажные и шелковые нитки уступают в прочности сухожильным ниткам, но обладают эластичностью, не свойственной подшейному волосу оленя. Следует отметить, однако, что появление фабричных ниток не сразу сломало стереотипные представления местных жителей о способах их применения при изготовлении и украшении одежды и предметов повседневного обихода. Большинство швов по ровдуге фабричными нитками подражали в технике исполнения накладным швам из оленьего волоса. Яркие нитки мулине особенно эффектно выглядели на светлом фоне, поэтому их продевали сквозь светлые петли кожаных полос.

От русских коряки узнали множество старинных народных швов, но в совершенстве овладели только теми, которые позволяли вышивать рисунки на любых тканях, прежде всего на ровдуге. К числу таких видов вышивок относится вышивка свободными швами, именуемая коряками «гладью».

Технологически вышивка гладью довольно сложна и известна во многих разновидностях: односторонняя, бельевая (или выпуклая гладь), атласная, русская гладь. Процесс создания вышивки, как правило, состоит из двух основных этапов:

1) нанесение рисунка на ткань и обметывание его по контуру мелкими стежками;

2) заполнение очерченного контуром внутреннего пространства стежками различной длины.

Весь узор шьется так, чтобы ткань между стежками была не видна. Стежки могут идти как в одном направлении, так и в противоположном. «Корякская гладь» представлена настилом из плотно прилегающих друг к другу крестообразных стежков. Техника их изготовления, за малым исключением, идентична русским ручным стежкам «козлик».

В русской практике шитья «козликом» принято обрабатывать края изделий из таких плотных нес्यпучих тканей, как сукно и бархат. Стежки выполняются справа налево, захватывают подгиб, а затем основную ткань. Образующиеся при отделке «козликом» крестики отстоят друг от друга на некотором расстоянии и создают ритмически повторяющийся разреженный узор.

Корякские мастерицы используют «козлик» для создания контрастных полос из ниток мулине, выполняющих, чаще всего, роль бордюров, которые отделяют упован от основного полотна кухлянки. Корякам также свойственно окаймлять разноцветными нитяными полосами композиции из фигур геометрического и растительного происхождения. В каждом узоре есть своя последовательность расположения полос, свой ритм появления орнаментальных мотивов, своя система размещения на одежде.

К сожалению, имеющиеся данные о корякской вышивке недостаточны и не позволяют проследить процесс изменения техники и технологии изготовления орнаментов из фабричных ниток на изделиях из мягких материалов. Весьма скудные, отрывочные сведения о технических приемах орнаментирования одежды нитками в конце XIX – начале XX столетия можно найти в монографии С.В. Иванова. «Чукчи, эскимосы, коряки и ительмены вышивают по ровдуге фабричными нитками. Некоторые швы этой вышивки подражают накладным швам из волоса. ... Цветная нитка проходит через кожу не насквозь, а только слегка прихватывается к ней. На корякских опуванах гладь состоит из очень длинных стежков, достигающих до 5 см ... Как исключение встречается вышивка цветными нитками по меху» [4: 203].

К этому следует добавить, что современная корякская вышивка по ровдуге нитками мулине стала более мелкой, длина стежков имеет тенденцию к уменьшению. Так, в орнаментах карагинских мастериц конца XX века (к примеру, в

работах Л.И. Чечулиной, У.М. Гуторовой, А.И. Поповой) длина стежков не превышает одного сантиметра.

В историческом плане орнамент может рассматриваться в качестве важнейшего свидетеля того, как культура коряков, традиционная по сути своей, претерпевала серьезные изменения под влиянием соседних, близких по духу культур северных народов, а также многочисленного вмещающего русского этноса. Механизм адаптации нового художественного опыта к старым национальным традициям действовал по принципу дополнительности. Практика смешения старых и новых традиций, в частности одновременного использования в одном и том же изделии разных способов, технических приемов и материалов, была и остается широко распространенной. В ряде случаев она оправдывает себя, а иногда приводит к эклектике и безвкусице, утрате чувства меры мастерицами.

В настоящее время довольно часто при украшении повседневной и праздничной одежды коряки придерживаются следующих правил: расшивают упованы цветными нитками, а перед и спинку кухлянок украшают бисерными розетками, низками из бусин и стекляруса, кожаными ремешками. Пришитые сверху контрастные полосы из кожи, а иногда из цветного ситца и сукна, являются бордюром для некоторых деталей одежды, например, для нагрудника, рукавов. Наряду с полосами роль бордюра играет и зубчатая полоса, наиболее часто встречающаяся в орнаментах.

* * *

Склонность коряков к украшению меховой и кожаной одежды кружковым орнаментом является определяющей для их этнохудожественной традиции. Круговые розетки раньше выполнялись только из меха и кожи и играли роль оберега. Наиболее действенным амулетом-оберегом, как отмечал В. Богораз, у чукчей, тихоокеанских коряков и азиатских эскимосов были кожаные кружки с кисточками в центре. Их пришивали к кухлянкам на плечи, грудь или против той части тела, в которой чувствовалась боль. В центре кожаного кружка располагалось грубое изображение защитника. Со временем круги-амулеты видоизменились: полностью исчезло изображение защитника в центре, внутреннее пространство заполнилось бисером, кисточка переместилась к краю кружка.

На Камчатке бисер появился с приходом первых казацких отрядов, но широкое распро-

странение в качестве материала для вышивания и орнаментирования одежды местных жителей получил только в XIX и особенно в XX веках. Любопытно, что в Россию бисер попал столетием раньше, в XVIII веке, вместе с товарами из Венеции и Богемии.

Этнографы отмечали, что бисер первоначально приобретался коряками у русских торговцев для изготовления головных повязок, браслетов, ушных украшений, подвесок на одежде, поясов. Все названные украшения составляли часть особой палеоазиатской мифопоэтической системы, в рамках которой и имели символическое значение. Бусина у чукчей, к примеру, считалась представляющей бубен, а ремешок был символом духа-покровителя. Браслет из кожи с привязанной бусиной на конце призван был защитить его обладателя от нападения злокозненных духов [1: 16]. Принимая во внимание генетическую близость, общность исторических судеб и длительность межэтнических контактов коряков и чукчей, можно предположить, что подобная семантическая интерпретация бисерных низок была известна и корякам.

Более глубокий пласт значений космологического характера сохраняется в наименованиях круглых розеток. «Как формы рассматриваемых узоров, так и вполне отвечающая этим формам семантика и названия указывают с достаточной определенностью, что речь идет о ... солярных, а иногда лунарных знаках. По-видимому, солярное осмысление подобных узоров наиболее древнее и, вероятно, первичное» [4: 218].

С появлением бисера ранние канонические орнаментальные мотивы меховых и кожаных розеток (двойные, колесовидные, лучистые и звездчатые круги) стали повторяться в новом материале. Широкую распространенность кружкового орнамента у коряков можно объяснить также влиянием восточных тунгусов, впервые проникших на территории обитания коряков и вошедших с ними в непосредственные контакты в XV–XVI вв. Для орнамента эвенов был характерен горизонтальный полосовой орнамент, составленный из кругов, соединенных дугами, трансформировавшийся позже в круглые петли. И круги и петли в эвенских орнаментах располагаются на сплошном бисерном настиле.

Размеры коряцких бисерных розеток в настоящее время варьируются от 1 до 6 см, при этом центральное место на груди, как правило, занимает самая крупная розетка. Более мелкие кружки традиционно занимают места справа и слева от центральной розетки. Современные коряцкие масте-

рицы широко экспериментируют с бисером. На равдужной одежде появляются новые фигуры – V-образные, крестообразные с дугами на концах, рогаткообразные, Ж-образные и в виде язычков.

В местах непосредственных контактов коряков с чукчами и эвенками, например в Олюторском районе, как в корякской одежде в целом, так и в отдельных деталях и орнаментах можно обнаружить инокультурные влияния и заимствования. Если в XVIII–XIX вв. именно одежда олюторцев славилась богатой меховой геометрической мозаикой, то в настоящее время олюторцы чаще украшают торбаса, малахаи и кухлянки широкими яркими бисерными полосами с кружковым орнаментом. Под влиянием эвенов в одежде коряков вошли круглые шапочки, капорообразные малахаи без углов, перчатки, длинные кожаные ремешки, кухлянки без капюшона и накладные карманы. Чукотско-корякские параллели в одежде можно провести, обнаруживая в корякской одежде следующие, типично чукотские, элементы: круглый подол у кухлянок, отсутствие упована, наличие вышивки крестами с дугами на концах и розеток с опушками.

* * *

Известно, что коряки, как и многие малочисленные северные народы, украшая одежду, в редких случаях дополняли орнаменты вышивками или аппликациями людей и зверей. Изобразительные навыки коряков долгие годы формировались в пределах графики, в основе которой лежат линия, контур, контраст цветов. От эпохи неолита дошел до наших дней ряд иконографических, колористических и композиционных канонов изобразительного искусства северо-восточных палеоазиатов. К их числу относятся следующие: условность и схематичность рисунка, линейное расположение фигур на плоскости, сюжетная незамысловатость и отсутствие перспективы.

В.И. Иохельсон в своей монографии «Коряки» писал, что в «карандашных рисунках коряки обнаруживают ту же присущую им наблюдательность и способность изображать на плоских и круглых поверхностях то, что они видели, впрочем, с теми же ошибками в композиции и с тем же отсутствием перспективы, которые мы видим в скульптуре и резьбе мужчин и декоративных изделиях женщин» [4: 179].

Как и в неолитической графике, силуэты людей и зверей в орнаментах несовершенны, поскольку преследуют особую цель – передать с помощью вышивки и аппликации не отдельный

предмет, а действие, функциональные особенности ряда объектов, движение. Так, на корякских коврах вышивка нитками мулине и бисером используется для изображения бытовых сцен: выпаса оленьего стада пастухами, передвижения на нартах, танцев возле юрт, охоты с собаками... Многофигурные композиции корякской графики строятся в расчете на «чтение» рассказов о последовательно происходивших событиях.

Традиции изобразительной культуры прошлого русского населения внесли свои коррективы в общие стилистические признаки орнаментального творчества коряков. Расширилась цветовая палитра и содержание, усовершенствовалась техника изготовления орнамента. В частности, изменился принцип работы мастериц с мехом вследствие проникновения новых эстетических правил и вкусов.

До прихода русских сам материал, его качество, фактура, естественная окраска диктовали мастерицам, каким, в конечном счете, будет меховое или кожаное изделие и его цветовое решение. Красивой считалась верхняя одежда, выполненная в технике меховой мозаики, требующей от мастериц умения создавать приятные глазу цветовые сочетания при стачивании пятнистых, белых и темных кусочков меха. С самого начала, таким образом, изобразительно-орнаментальный строй меховых изделий коряков был связан с их конструктивно-тектоническими особенностями, более того – с технико-технологическим уровнем производства всей культуры в целом.

После знакомства коряков с орнаментальным творчеством русских обогатилось не только содержание традиционного орнамента (о чем шла речь выше), но были трансформированы и некоторые приемы обработки меха. Искусствоведы и этнографы середины XX века обратили внимание на то, что при создании растительных орнаментов меховых ковров некоторые корякские мастерицы стали подстригать олений мех, моделируя тем самым объем цветов, листьев внутри орнаментальных композиций. Изобразительные элементы стали влиять на конструктивные особенности и утилитарные функции изделий. Это объясняет тот факт, что на уровне бытового сознания самими корякскими мастерицами – непосредственными хранительницами традиций изготовления и украшения меховой и ровдужной одежды – орнамент воспринимается преимущественно как украшение. В корякском орнаменте XX в. эстетическое начало играет ведущую роль.

Резюме

1. Орнаментальное творчество коряков развито чрезвычайно высоко. Орнамент на меховых и кожаных изделиях является частью народного декоративно-прикладного искусства, всей жизни и быта людей. Он теснейшим образом связан с хозяйственной практикой, в особенности с практикой плетения и выделки шкур.

2. Технологическая основа орнамента сотни тысяч лет, вплоть до начала нового времени, не была подвержена серьезным изменениям, поскольку была устойчива вся традиционная система жизнеобеспечения этноса, опиравшаяся на экстенсивные способы ведения хозяйства – охоту, оленеводство, рыболовство.

3. Орнаментальная культура коряков восходит к эпохе неолита, наследуется и передается традиционным бесписьменным путем и функционирует как весомая составляющая механизма этнической консолидации и дифференциации.

4. На протяжении всей истории корякской культуры тенденция к внутри- и межэтнической дифференциации была выражена ярче, чем потребность в этнической консолидации. В силу этого в корякском орнаменте, типологически общем с орнаментом палеоазиатов, выработались и прочно закрепились локальные формы орнаментирования одежды и предметов повседневного обихода.

5. Отдельные группы коряков неоднократно и в течение долгого времени вступали в разного рода связи и взаимоотношения с соседними народами, трансформируя иноэтнические художественные влияния в свои. Коряки творчески перерабатывали заимствованные элементы в соответствии с эстетическими нормами корякской культуры. В современном корякском орнаменте наиболее отчетливо прослеживается ряд параллелей: корякско-тунгусские, корякско-чукотские, корякско-ительменские, русско-корякские.

6. В корякском орнаменте оказались наиболее подвержены исторической изменчивости орнаментальные мотивы (содержание орнамента), цветовая палитра и качество декоративно-отделочных материалов, из которых выполнялись орнаменты.

7. Орнамент коряков на меховых и кожаных изделиях имеет техническое происхождение, но в настоящее время постепенно утрачивает свою связь с техникой выделки шкур и приобретает исключительно декоративное значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богораз, В. Очерк материального быта оленных чукчей, составленный на основании коллекций Н.Л. Гондатти : сб. музея по антропологии и этнографии Императорской академии наук / В. Богораз. – СПб., 1901.
2. Вдовин, И.С. Очерки этнической истории коряков / И.С. Вдовин. – Л., 1973.
3. Иванов, С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX вв. / С.В. Иванов. – М., 1954.
4. Иванов, С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX вв.) / С.В. Иванов. – М., 1963.
5. Иохельсон, В.И. Коряки / В.И. Иохельсон. – СПб., 1997.
6. Косвен, М.О. Из истории этнографии коряков в XVIII в. : Сибирский этнографический сборник / М.О. Косвен. – М., 1962. (вып. IV).
7. Кочешков, Н.В. Этнические традиции в декоративном искусстве народов Крайнего Северо-Востока СССР / Н.В. Кочешков. – Л., 1989.
8. Крашенинников, С.П. Описание земли Камчатки: В 2 т. / С.П. Крашенинников. – СПб., 1994.
9. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. – М., 1952.

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-АДАПТИРОВАННОЙ ЛИЧНОСТИ СРЕДСТВАМИ ШКОЛЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОНКРЕТНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Н.Н. Дубянская

Дубянская Наталья Николаевна – заместитель директора по высшему профессиональному образованию Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета (Находкинский филиал).

В данной статье обсуждаются проблема формирования социально-адаптированной личности в период социальной нестабильности. Рассматривается школьное образование с позиции формирования адаптивности как необходимого свойства личности. На основе выделенных автором адаптационных механизмов школьного образования была разработана программа исследования и проведено конкретное социологическое исследование. В статье представлены результаты исследования и общие выводы.

Ключевые слова: личность – социальная адаптация – механизм адаптации – школьная социализация.

Современное общество характеризуется ускорением темпов социальной динамики, нестабильностью и противоречивостью социальной жизни, преобразованием старых и возникновением новых социальных структур, трансформацией общественных идеалов и ценностей. Подобная ситуация предъявляет все более нарастающие требования к личности, заставляет признать ведущую роль человеческого фактора в жизни современного социума. Постоянно меняющийся мир требует от человека умения быстро перестраиваться и адаптироваться к новым условиям жизни. Уклады жизни меняются с такой скоростью, что каждое поколение вынуждено пройти несколько периодов существенных перемен. Перемены затрагивают не только взрослых, формирование основных личностных конструкций которых уже завершено, но и детей, только входящих в жизнь.

Личность сегодня вынуждена существовать в открытом и необратимом мире, где будущее не может быть с точностью предопределено, а настоящее имеет несколько потенциальных линий развития в мире, где человек находится в ситуации постоянного выбора, поиска оптимального решения в соответствии с меняющимися условиями. Это предполагает наличие у личности адаптационных средств и способов, позволяющих ей осуществлять в условиях трансформации полноценную жизнедеятельность. Именно процессы трансформации определяют сегодня наиболее актуальные проблемы социальной адаптации.

Итогом социальной адаптации является адекватность положения субъекта изменившемуся социуму. Следовательно, об эффективной адаптации можно говорить при условии формирования адаптивности личности как одного из всеобщих сущностно-человеческих свойств. При этом в состав личностных новообразований включаются не только совокупность знаний,

умений и навыков, полученных и сформированных у себя субъектом адаптации, но и сложная система взаимодействия личности и социума. Социальная адаптация сегодня становится одним из важнейших универсальных способов преодоления кризисных общественных явлений и подготовки людей к включению в инновационные социальные системы.

Это обусловлено тем, что в условиях постоянной нестабильности и непредсказуемости социального мира от личности требуется больше гибкости и вариативности. В течение жизни человеку придется ни один раз сменить не только место работы, но и, возможно, социальный статус, быть носителем разнообразных социальных ролей. Эффективное функционирование в современном мире будет зависеть от того, в какой мере личность способна не к одному виду деятельности, а ко многим, к участию в деятельности различных социальных общностей с существующими в них правилами.

Таким образом, понятие социальной адаптации сегодня должно быть расширено до уровня усвоения и включения личности в динамично меняющуюся ткань социума.

В современных условиях ведущим и определяющим фактором по включению личности в инновационные социальные системы является образование. Роль образования высока как никогда. Формирование социально-адаптированной личности на современном этапе является актуальной проблемой современного образования. Оно становится способом социальной адаптации человека к современному обществу.

Основным учреждением, обеспечивающим образование подрастающего поколения, является общеобразовательная школа. Школа обладает огромными возможностями по социальной адап-

тации личности. Период обучения в школе является наиболее важным для человека в плане личностного роста, становления его как личности. Через обучение в школе проходят практически все, поэтому с полным правом мы можем определить школу как основного агента адаптации личности в трансформирующемся социуме. Школа, с одной стороны, передает опыт предшествующих поколений, наделяет молодежь багажом знаний, с другой – она формирует и развивает личность, максимально обеспечивает развитие в каждом человеке его способностей, которые позволили бы добиваться максимального эффекта от их использования в условиях изменяющейся социальной и природной ситуации.

Школа – это маленькая модель общества в миниатюре. Это отличный «полигон» для отработки социального опыта, накопленного поколениями, но не в виде абстрактной суммы знаний, а в виде универсальных моделей социального поведения.

Изменения в обществе влекут за собой изменения в ее основных системах. Школа как социальная система тоже подвержена изменениям. Приобщение учащихся к различным видам деятельности, осуществляемым в социальном пространстве школы, формирует основу адаптации личности. Школа, являясь частью социума, создает необходимую базу для формирования адаптационных механизмов, которые могут быть с успехом использованы в современном меняющемся мире.

Формирование адаптивных качеств, которые могут быть реализованы в школе, возможно при создании определенных условий:

- 1) для широких и разнообразных социальных контактов и возможности выполнять различные социальные роли;
- 2) активного творческого проявления личности в многообразных видах самостоятельной деятельности;
- 3) обеспечения личностно-ориентированной модели взаимодействия детей и взрослых;
- 4) динамичной, постоянно меняющейся предметной и культурно развивающейся среды в зависимости от уровня развития личности.

Таким образом, современная школа сегодня может и должна не только обучать, но воспроизводить еще и человеческие отношения, помогать выживать человеку в быстроменяющихся условиях. Школа имеет огромный потенциал по осуществлению социальной адаптации личности, используя образовательные средства и возможности образовательного пространства.

Рассмотрение процесса социальной адаптации личности в реальной практике работы школы актуализировало потребность осуществить конкретное социологическое исследование.

Объектом нашего исследования стали учащиеся выпускных классов, их родители, учителя общеобразовательных школ г.Находка Приморского края, а также студенты 1–2-х курсов вузов города.

В качестве предмета исследования выступили оценки и отношения участников образовательного процесса относительно формирования адаптивных качеств личности средствами школы.

Выборочную совокупность составили 633 учащихся общеобразовательных школ г. Находки Приморского края, 356 родителей, 203 студента находкинских вузов и 109 учителей. Процедура выборки (целевой, неслучайной) строилась по методу «доступных случаев». Устанавливалась возможность доступа в определенную общеобразовательную школу города, после этого опрашивались все учащиеся 10–11-х классов, их родители, учителя.

Результаты исследования. Особенностью социальной адаптации формирующейся личности к социуму, где протекают плохо прогнозируемые преимущественно стихийные процессы, является готовность действовать в нестандартной ситуации, т. е. не использование наработанных обществом привычных приемов и стратегий, а выработка новых способов действия, социальных практик как результат социально-инновационной деятельности в изменившихся условиях.

Действительно, 27,2 % учителей при ответе на открытый вопрос «Что значит быть адаптированным в современном мире?» указали «готовность действовать в незнакомой, нестандартной ситуации», 11,3 % – «ориентация в мире информации» (таблица).

Таблица

Распределение ответов учителей на открытый вопрос «Что значит быть адаптированным в современном мире?»

Готовность действовать в незнакомой, нестандартной ситуации	27,2 %
Быть эмоционально независимым, самодостаточным	11,3 %
Ориентироваться в мире информации	11,3 %
Быть приспособленным к миру	8 %
Быть профессионалом своего дела, постоянно самосовершенствоваться	7,9 %
Иметь хорошее образование	6,8 %
Иметь навыки общения, быть коммуникабельным	5,7 %
Готовность постоянно учиться	4,5 %
Вести здоровый образ жизни	4,5 %
Другое	12,8 %

Готовит ли к этому современная школа? Результаты нашего исследования показывают, что традиционная школа ориентирует учащихся на передачу и получение готовых знаний. Она воспроизводит по преимуществу эмпирический тип мышления и лишает ученика возможности освоения им самостоятельных подходов к поиску решения задач и проблем.

Лидеры ответов учащихся о самостоятельных видах учебной работы – в основном репродуктивные практики: «написание рефератов» (57,5 %), «подготовка докладов и сообщений» (54,2 %). Написанием проектов занимаются лишь 10,7 % учащихся, исследовательской работой только 4,7 %, конструирование своими руками приборов, демонстрационных моделей – 5,8 % учащихся. Нельзя не отметить ответы 34,6 % учащихся, что в школе они не получают практических навыков.

Это подтверждается ответами студентов на ходкинских вузов, которые наряду с недостаточной общеобразовательной подготовкой по естественно-научным дисциплинам (52,2 %) испытывают нехватку навыков по самостоятельной работе с информацией (26,6 %), испытывают недостаток креативности (23,2 %). Это говорит о том, что школа не ориентирована сегодня на развитие качеств, необходимых для жизни в современном мире.

Информационное общество становится сегодня реальностью, однако, в школах по-прежнему информационные технологии являются экзотикой: 37,1 % на ходкинских школьников не имеют доступа к Интернету; 49,9 % не имеют возможности свободно пользоваться компьютерами и другими информационными базами в школе. Только 6,2 % школьников на уроках информатики знакомятся с электронной почтой, 14,2 % – с Интернетом, 18,6 % – с различными графическими редакторами.

Не намного лучше обстоит дело с использованием информационных технологий учительским корпусом. Только 31,2 % учителей используют в своей педагогической деятельности возможности глобальной сети, 12,8 % – электронные учебники, 6,4 % – виртуальные лабораторные и практические работы.

Очевидно, что отсутствие практической подготовки по информационным технологиям среди учителей, недостаточная обеспеченность школ современными компьютерами и другой оргтехникой значительно снижает уровень информационной грамотности школьников. Выпускники покидают школу со знаниями, которые

были актуальны 10–15 лет назад, что автоматически делает их не конкурентоспособными на рынке труда.

Таким образом, в условиях нарастающих информационных потоков, обрушивающихся на школьников, известной непредсказуемости развития, возможных сценариев изменений социальной жизни реальностью становится отчуждение содержания образования от практической жизни.

Почти 56,3 % учащихся считает, что школа не реагирует на изменения в обществе. Неудивительно, что при ответе на вопрос «Почему тебе неинтересно учиться в школе?» 31 % учащихся выбрали «несовпадение моих интересов с тем, чему учат». Данная проблема не оставляет без внимания и учителями. Так, 42,2 % учителей считают, что в образовании сегодня не отражены изменения, затронувшие современный социум. Основное направление совершенствования содержания школьного образования учителя видят в «дифференциации обучения» (42,2 %), «введении разноуровневых учебных курсов по каждому предмету» (41,3 %). Причем эти оценки коррелируют с результатами общероссийских опросов¹. В то же время при распределении дальнейших оценок можно увидеть несовпадение мнений учителей г. Находка с данными общероссийского опроса. Учителя г. Находки считают, что совершенствование современного содержания образования должно идти по пути «упрощения содержания образования» (25,7 %), «введения единого базового компонента в каждый предмет» (24,8 %). Учителя, участвовавшие в общероссийском опросе, видят решение проблемы в «индивидуализации обучения» (23,0 %), в «целостности содержания образования» (20,1 %). Из этих данных видно, что российские учителя хотят приблизить обучение к потребностям самих учащихся, а учителя нашего города больше ориентированы на единые унифицированные формы и программы обучения.

Актуальным для старшеклассников является посещение факультативных занятий. Так, 54,1 % старшеклассников посещают разнообразные факультативные занятия, причем среди факультативов большинство школьников называют не дополнительные предметы, такие например, как психология, этика, экономика, а дисциплины обязательного плана – химия, математика, физика.

¹ Использованы материалы социологических опросов, проведенные Центром социологии образования РАО. Школьные реформы вчера и сегодня с точки зрения тех, кто находится на их переднем крае/ www.klass-teatr.ru.

На первый взгляд парадоксально выглядит тот факт, что значительное большинство старшеклассников выбирают естественно-научный профиль. Объяснить сложившуюся ситуацию запросами общества нельзя, так как известно, что в структуре высшего образования доля естественно-математических специальностей резко снизилась.

Причина в том, что на сегодняшний день качественное обучение во многих школах может быть обеспечено только по базовым предметам. Что касается других профилей, то на организацию соответствующих курсов зачастую не хватает подготовленных педагогических кадров и материально-технологической базы.

Таким образом, лишь частичное соответствие имеющихся у школ возможностей склонностям, потребностям и жизненным планам учащихся обусловлено неготовностью многих общеобразовательных учреждений к реализации дополнительных образовательных программ и курсов.

Сегодня наблюдается дефицит межличностного общения, который школа должна восполнять. В современном обществе изменяется структура общения – начинают доминировать такие виды, которые были неведомы предыдущим поколениям. В перспективе доля обучающих и образовательных функций будет снижаться: основной задачей школы станет коммуникативно-воспитательная, восполняющая дефицит живого человеческого и конструктивного общения между людьми одного и разного возрастов, между людьми различной информационной обеспеченности и интеллектуальной подготовленности.

При ответе на открытый вопрос анкеты «Что значит быть адаптированным в современном мире?» многие учителя указали на развитие навыков общения. Развитию коммуникативных навыков учителя отдают приоритетное значение. Так, при ответе на вопрос «На что в школе должен делаться основной упор» – «развитие навыков общения» было отмечено 72,5 % учителей, 21,7 % студентов и 16,9 % учащихся. Причем осознание нехватки коммуникативных навыков приходит именно после окончания школы, когда выпускники покидают знакомый мир и сталкиваются с разнообразными социальными практиками.

Поэтому 14,3 % студентов указали на то, что им не хватает именно «коммуникабельности», и если было бы возможно изменить что-то в своей школьной жизни, то они «уделили бы особое внимание налаживанию качественных отношений со всеми субъектами образовательного процесса».

Это замечание актуально, так как 75,9 % учащихся общаются в основном только со сверстниками, с учителями постоянно общаются только 14,7 % учащихся, причем на свободные темы только 34,9 %. При этом 55,6 % из них отмечают, что школа не помогает им в решении проблем, связанных с общением.

Особое внимание учащиеся уделяют возможности во время обучения в школе научиться жить и работать в коллективе (38,9 %).

Несомненно, школа помогает в решении указанной проблемы, но, по нашему мнению, в большей мере выполняет эту функцию неосознанно. Так, 40,8 % учащихся не задерживаются после занятий в школе, 52,8 % – остаются в школе, если только их об этом попросят. В жизни школы активное участие принимают только 24,6 % учащихся. Основные мероприятия, которые выбирают школьники: «спортивные состязания» (35,9 %) и «школьная самодеятельность» (23,4 %). В ученическом самоуправлении, которое, собственно, и направлено на формирование командных качеств, задействовано только 11,7 % учащихся.

Школа в большей мере реализует пассивную коммуникационную модель. Учащимся неинтересно в школе, только 14,1 % проводят в школе свое свободное время. Учащиеся не находят в школе возможности реализоваться, и воспринимают школу как необходимую данность, к которой на время надо приспособиться.

Таким образом, существующая сегодня в школе коммуникативная практика не готовит растущего человека к функционированию в условиях различных социальных общностей. Актуализируется необходимость перестройки учебно-воспитательного процесса под потребности подготовки личности к жизнедеятельности, специфической характеристикой которой является интенсивное формирование разнообразных общностей и включение в новые виды деятельности.

Одним из важных показателей социально-адаптированной личности является сформированность такого личностного качества, как самостоятельность. Например, 9,9 % студентов признают, что им не хватает именно данного навыка. Думаем, это связано с тем, что школа в большинстве случаев ориентирована на учащегося как на пассивного объекта образовательного пространства; 32,5 % старшеклассников указали на то, что высказывать свое мнение в школе они могут очень редко. Атмосфера сотрудничества есть в школе только в отдельных классах, у некоторых учителей (на это указали 62,1 % уча-

щихся и 71,6 % учителей), т. е. атмосфера сотрудничества не является обязательным качеством школы (системной категорией), а зависит только от личностных качеств отдельных учителей.

Вообще субъективное отношение участников образовательного процесса (особенно учителей и родителей), их мировоззрение во многом определяет вектор развития тех или иных качеств у учащихся. Это можно проиллюстрировать ценностными установками учителей, учащихся и их родителей по поводу формирования в школе лидерских качеств и деловых способностей.

Автор считает, что лидерские качества (деловые способности, в частности) являются неотъемлемым атрибутом современного человека, желающего преуспеть в жизни, максимально адаптироваться к условиям нестабильности.

Учителя, напротив, развитию данного качества придают второстепенное значение. Так, при ответе на вопрос «На что в школе должен быть сделан основной упор», только 2,8 % учителей указали «развитие качеств лидера». В то же время 11,2 % родителей считают, что главное в воспитание детей – это «сформировать деловые способности», но с ними солидарны только 6,4 % учителей.

Учительский корпус в основном представлен старшим поколением (доля молодых учителей незначительна), который ориентирован на идеалы и ценности прошедшей эпохи. Так, при ответе на вопрос «Кого в наши дни должна готовить школа» только 0,9 % учителей выбрали ответ «людей, способных обеспечить свое благосостояние». Процент родителей при ответе на этот вопрос был значительно выше – 5,9 %.

При самооценке только 13,7 % старшеклассников ответили, что их можно назвать лидерами класса (это нормально, так как все не могут быть лидерами по объективным причинам), но только 11,5 % из них сказали, что их лидерство – это заслуга школы.

Придавая второстепенное значение развитию лидерских качеств средствами школы, учителя формируют такое же ценностное отношение и у своих воспитанников. Так, при ответе на вопрос «На что в школе должен быть сделан основной упор», только 1,7 % учащихся указали «развитие качеств лидера». Возрастание значения этого качества мы можем наблюдать у выпускников после окончания школы, когда его начинает запрашивать социальная реальность. Также 9,9 % студентов ответили, что в школе основной упор должен быть сделан на «развитие качеств лидера».

Таким образом, образовательное пространство современной школы не направлено на формирование самостоятельности и субъектности личности. Учебно-воспитательный процесс в школе ориентирован прежде всего на личность как на объектную, а не на субъектную категорию.

В течение всего периода обучения в школе происходит наиболее интенсивное развитие и формирование личности учащегося. Наше исследование не преследовало своей целью всестороннего изучения личности учащихся. Нас интересовали субъективные оценки старшеклассников по вопросу развития индивидуальных особенностей и способностей в школе.

При этом 81,4 % старшеклассников признают, что школа способствовала их умственному развитию. Необходимо отметить, что развитию ума, интеллекта в рамках школьного обучения отдается приоритетное значение всеми субъектами образовательного процесса. Так, по оценкам студентов и учащихся основной упор в школе должен быть сделан на «развитие познавательных интересов» (20,7 % и 22,7 % соответственно), «развитие способностей» (30,5 % и 33,5 %). Более 44 % учителей считают, что приоритетным в школе должно являться развитие интеллекта, и только 12,8 % считают, что школа должна уделять пристальное внимание развитию эмоциональной сферы.

И неудивительно, что 55,2 % старшеклассников считают, что школа не помогла развитию их индивидуальных особенностей. Массовая общеобразовательная школа в целом ориентирована на «среднего ученика», и личностно-ориентированный подход к каждому ученику остается не более чем просто красивым лозунгом. Только 21,1 % учителей видит основное направление совершенствования содержания школьного образования в индивидуализации обучения, и 14,7 % – в его гуманизации.

Так, 47,7 % учителей считают, что обучение в современной школе организовано таким образом, что наносит ущерб психике и физическому здоровью. Здоровье в современном мире является неотъемлемой частью полноценно развитой личности; 4,5 % учителей при ответе на вопрос, «Что значит быть адаптированным» указали «вести здоровый образ жизни». Сегодня этот тезис актуален как никогда.

Мы можем отметить полную солидарность как родителей, так и учителей в ответе на вопрос «Должна ли школа заботиться о здоровье учащихся?» (84,6 % и 97,2 % соответственно). В то же время 8,7 % родителей категорично

заявляют, что это не входит в круг ее обязанностей, из учителей этот вариант ответа не выбрал никто. Это еще раз подтверждает тезис о том, что родители школу видят прежде всего как обучающее учреждение, а потом уже как воспитательное.

Как же обстоит дело с сохранением здоровья в реальности? Только 11,8 % родителей и 7,7 % старшеклассников при ответе на вопрос «Что вам дала школа» выбрали ответ «приобщила к здоровому образу жизни». В чем причина такого выбора? Во-первых, вопросы сохранения здоровья никогда не вменялись в обязанности школы, наоборот, медики ежегодно констатируют ухудшение здоровья учащихся за время их (учащихся) пребывания в школе [1: 53]. Во-вторых, только в последнее время активно стали заниматься вопросами валеологии, внедрять здоровьесберегающие технологии. В-третьих, постоянное недофинансирование образовательных учреждений не позволяет школам закупать необходимую мебель, спортивный инвентарь, делать качественный ремонт и т. д.

Таким образом, здоровье подрастающего поколения в современной школе не укрепляется сочетанием профилактики здорового образа жизни и всех остальных мероприятий, которые должна осуществлять школа с целью защиты и укрепления здоровья тех, кто в ней находится. Школа не проявляет в полной мере заботу о благополучии всего персонала и учащихся, не обеспечивает сознательного участия как учащихся, так и персонала в работе по укреплению здоровья.

Достойная жизнь предполагает постоянное активное проектирование жизненных планов, одним из средств реализации и достижения которых является проектирование профессиональных планов, так как в современном обществе жизненный уровень индивида в значительной мере определяется успешностью профессиональной карьеры, выбором профессии.

Для учащихся старших классов и их родителей характерна ярко выраженная ориентация на хорошее образование, по своей значимости существенно преобладающая над другими ценностями.

По оценкам старшеклассников и их родителей (73,8 % и 76,7 % соответственно) большинство учеников собирается поступать в вузы, что свидетельствует об их уверенности в уровне полученных в школе знаний. Для полноты обратной связи нужна дополнительная информация об отношении учащихся к учебной деятельности,

оценке ее учащимися, а также самооценка учащихся успешности своей учебной деятельности. Другими словами, психологическую ценность имеет рефлексия учащимися своей учебной деятельности. Структура самооценок учащихся по поводу уровня школьной подготовки свидетельствует о достаточно высоком, по их мнению, уровне преподавания в школе. Только 7 % старшеклассников оценили свой уровень школьной подготовки как низкий.

Действительно, при ответе на вопрос «Что школа дала именно тебе/вашему ребенку» первые места заняли ответы «хорошее образование» (34,1 % – учащиеся / 25 % – родители), «сформировала умения и навыки, нужные для дальнейшего обучения» (30,6 % / 38,5 %), «обеспечила достаточно знаний для поступления в вуз» (18,8 % / 28,1 %).

В то же время мы можем на основании нашего исследования говорить сегодня о низких адаптационных возможностях выпускников школ. Для этого достаточно посмотреть на структуру ответов старшеклассников и их родителей по поводу дальнейшего профессионального самоопределения. Лидеры ответов учащихся и родителей распределились следующим образом: «специалист в юридической сфере» (19,1 % и 15,2 % соответственно), «экономист, финансист» (18,3 % и 18,3 %), «предприниматель, бизнесмен» (15,6 % и 8,7 %), «специалист в области компьютерных технологий» (14,7 % и 18,5 %). Не пользуются престижем профессии «строитель» (1,4 % и 2,1 %), «работник сферы услуг» (3,3 % и 1,4 %), «научный работник» (1,1 % и 0,6 %). Обеспокоенность вызывают ответы 5,1 % старшеклассников и 0,3 % родителей, выбравших в качестве желаемой профессиональной деятельности ответ «криминал».

Полученные ответы свидетельствуют о том, что учащиеся не знают свой собственный город, не владеют информацией о тех предприятиях, которые в нем существуют и на которые в дальнейшем они могут устроиться на работу. И школа в этом отношении практически не помогает учащимся профессионально самоопределиваться. Только 10,4 % старшеклассников, 9,8 % родителей и 7,9 % студентов ответили, что школа помогла им /их детям сориентироваться в выборе профессии. Только 2,9 % студентов ответили, что при выборе учебного заведения решающую роль сыграла школа.

Школа в настоящее время учащимися воспринимается как учреждение, в котором они по-

лучают знания по предметам, а не комплекс знаний, умений и навыков, помогающих выступать в социуме на равных со взрослыми. Из результатов нашего исследования видно, что современная российская школа нацелена в основном на реализацию своей образовательной функции. Она не представляет собой открытой системы социализации и адаптации. Школа практически не взаимодействует с другими образовательными, воспитательными организациями, консервативно относится к новациям в обществе, являя собой, скорее, закрытую, чем открытую систему.

Менее половины опрошенных родителей (47,8 %) считают, что современная школа справляется сегодня со своими функциями. В то же время и учителя, и родители хотели бы, чтобы школы готовили людей хорошо адаптированных к жизни (34,9 % и 31,5 % соответственно). То есть сама жизнь, социальная реальность запрашивает данное личностное свойство.

Подводя итог вышесказанному, мы можем определить, что современное школьное обучение ориентировано на готовое знание, и не готовит учащихся к творческому решению проблем и задач. Школа сегодня воспроизводит по преимуществу эмпирический тип мышления.

Воспитательная компонента в современной школе утратила свои прежние позиции, и в большей мере ориентирована на обучение, чем на воспитание. Большинство родителей устроило бы любая школа, если она только гарантировала бы поступление их детей в вуз.

Отсюда недостаточная организация разнообразных форм совместности в школе. Реализуемые сегодня в школе формы совместной деятельности и общения учащихся не формируют такие качества, как самостоятельность и субъектность. Формирование всего спектра социального взаимодействия средствами школы затруднено снижением воспитательной компоненты в школе, инертностью педагогических коллективов.

Таким образом, мы можем заключить, что процесс социальной адаптации в школе реализуются не в полном объеме. Формирование социально-адаптированной личности, способной жить в современном непредсказуемом мире, происходит стихийно, зачастую вопреки всем организованным мероприятиям. Адаптационный потенциал школы используют не в полном объеме. Многие декларируемые новации в системе образования остаются лишь лозунгами, которые не получают развитие в массовой общеобразовательной школе. Современная школа нуждается сегодня в кардинальном реформировании, вектор которого для образовательного сообщества остается весьма туманным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецов, С.Н. Гигиеническое изучение влияния условия обучения на состояние здоровья школьников // Актуальные проблемы и опыт работы по экологическому воспитанию населения : межрегиональный фестиваль «Здоровая жизнь» / С.Н. Кузнецов. – Вологда, 2003 – С. 53.

США, РОССИЯ И КНР В ПРОЕКЦИИ ТЕОРИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

А.Ю. Завалишин

Завалишин Андрей Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Хабаровской государственной академии экономики и права.

В статье изложены основные положения теории территориального поведения, разработанной в парадигмальных рамках социологии региона. Проведен компаративный анализ территориального поведения населения США, России и КНР по состоянию на середину и конец XX в. Выявлены основные тренды динамики паттернов территориального поведения государственных социумов, и на основании этого сделан прогноз относительно перспектив социально-экономического развития трех государств в XXI в.

Ключевые слова: территориальное поведение – теория территориального поведения – сравнительный анализ территориального социально-экономического поведения – социология региона.

Широко применяемые учеными подходы к экономико-социологическому анализу регионов и государств в настоящее время ориентируются преимущественно на макросоциальные и макроэкономические показатели, учитываемые статистически и дающие возможность сделать непротиворечивые выводы относительно их текущего состояния и возможной динамики в будущем. Во многих случаях это оправдывается научными целями, а также отсутствием теоретических разработок и методов исследования, которые позволили бы избежать подобной вынужденной редукции. Вместе с тем нередко имплицитно осознаваемая потребность в получении результатов, позволяющих сделать более релевантные выводы относительно изучаемого объекта, побуждает исследователей обращаться к поиску и разработке новых методологий, теорий и методов экономико-социологического анализа.

Один из таких новых подходов, возникших в 1-й половине 2000-х гг., объективирован в теории территориального поведения социального субъекта [7: 20]. Центральная идея, лежащая в его основе, состоит в том, что социальные действия людей, из которых складывается поведение, происходят на определенной территории (поселение, регион, государство) и в значительной степени территориально опосредованы. Вместе с тем не все социальные действия территориально детерминированы. К последним можно отнести, прежде всего, действия, в которые территория включена: а) как экономический ресурс (на каждой конкретной территории складываются опосредованные ее спецификой социально-экономические практики: аграрные, промышленные, экстракционные); б) как пространство перемещения (территория, с одной стороны, является материальной основой для движения, с другой – влияет на выбор миграций или оседлости в силу соци-

ально-экономической, политической, этнокультурной дифференцированности составляющих ее локусов: поселений, регионов, государств); в) как социокультурная ценность, побуждающая разные категории населения ограничивать сферу своих хозяйственных интересов границами поселения, административного региона или, наоборот, распространять на целое государство или весь мир. Как показывают исследования, в каждом поселении, регионе, государстве, а нередко и глобальном макрорегионе складываются специфические системы территориальных действий, которые сравнительно устойчивы в пространстве и времени и от поколения к поколению воспроизводятся в паттернах территориального поведения их населения.

Территориальное поведение не является внутренне однородным. В нем можно выделить два уровня: базисный и динамический. Первый – основан на всем спектре характеристик данной территории, их рефлексии в общественном и индивидуальном сознании, социально-психологических особенностях ментальности представителей социально-территориальной (поселенческой, региональной, национально-государственной) общности; второй – связан с макроэкономическими процессами, которые развиваются на ней. Если первый уровень относительно статичен и эксклюзивен для каждой конкретной местности и дислоцированного на ней социума, он изменяется лишь на протяжении сравнительно долгого времени или ввиду форс-мажорных обстоятельств (например, в связи с изменением геополитического положения данной территории после перемещения государственных границ, обнаружением/исчерпанием природных ресурсов и полезных ископаемых, глобальным изменением климата, вызвавшим опустынивание или, наоборот, заболачивание и т. п.), то динамический

уровень эволюционирует в соответствии с общими экономическими законами и может быть описан, например, с привлечением теории длинных волн Н.Д. Кондратьева, теории стадий экономического развития Дж. Фридмана, фаз эволюции расселения Дж. Джиббса, технико-экономических парадигм К. Фримена и др. [9: 27–29].

Ранее нами было проанализировано территориальное социально-экономическое поведение (далее ТСЭП) населения регионов России/СССР/РФ на протяжении 2-й половины XIX–XX вв. [20]. Полученные результаты продемонстрировали значительный эвристический потенциал, заложенный в теории территориального поведения. Вместе с тем научный и практический интерес представляет экстраполяция данной теории и разработанных в ней методов экономико-социологического анализа до уровня территории и населения государств. В настоящее время в этом плане особый интерес представляет изучение территориального поведения социумов России, США и КНР, которые все более активно заявляют о себе как глобальных акторах, от действий которых зависит как ближайшее, так и отдаленное будущее всего человечества. Ниже представлен компаративный анализ двух уровней ТСЭП населения трех стран и на основании этого сделаны соответствующие выводы.

При всех видимых различиях территорий США, России и Китая, достаточно заметны объединяющие их черты. Во-первых, это значительная площадь. Из всех прочих государств планеты только Канада территориально соответствует им, остальные уступают в большей или меньшей степени. Во-вторых, большое разнообразие рельефов, наличие нескольких климатических поясов, опосредовавшие складывание хозяйственных практик, различающихся не только факторами производства и отраслевой специализацией, но и экономической эффективностью, что в значительной степени предопределило возникновение в их социально-экономическом пространстве передовых (ядерных, полупериферийных) и крайне отсталых (периферийных) районов. В России это развитые западные и отсталые восточные республики, края и области, относительно развитые южные и крайне отсталые северные территории («русский крест» [20: 139–149], в Китае – индустриально-аграрные густонаселенные восточные и отсталые западные провинции, в США – более технологически «продвинутые» и экономически развитые западные (тихоокеанские) штаты и относительно отсталые, староиндустриальные восточные (атлантические). В-третьих, высокая ресурсообеспеченность, соз-

дающая преференции для динамичного автономного хозяйственного развития.

Так, Россия даже после распада СССР, сопровождавшегося потерей 5,33 млн кв. км территории (около 30 %), осталась единственной самодостаточной (в плане обеспеченности ресурсами) страной мира, занимающей 10 % территории Земли при 2,4 % населения планеты. В ее границах сосредоточено более 21 % мировых запасов сырьевых ресурсов, в том числе 45 % природного газа, 13 % нефти, 23 % угля. На одного жителя страны приходится 0,9 га пахотной земли – на 30 % больше, чем в США и в 2,25 раза больше, чем в КНР [18: 12–13]. Данный факт в сочетании со значительной протяженностью территории сформировал такую черту базисного уровня ТСЭП россиян как экстенсивность.

США заметно уступают России по объемам мировых запасов полезных ископаемых, но тем не менее также характеризуются богатством земельных, минеральных, водных и растительных ресурсов, способствовавших их быстрому социально-экономическому росту в XIX и XX вв. Среди полезных ископаемых особенно велики запасы энергоресурсов, 4/5 которых приходятся на каменный и бурый уголь. Богатые месторождения нефти и природного газа эксплуатируются с середины XIX в. Также США имеют большие запасы медных и цинковых руд, а по запасам свинца входят в группу мировых лидеров (вместе с Австралией и Канадой). Во многих областях Кордильер встречаются драгоценные металлы (золото, серебро, платиноиды), на западе имеются месторождения урана. Страна богата нерудным сырьем: фосфатами, серой и др. В целом Соединенные Штаты обеспечены большинством видов сырья и ресурсов, необходимых для развития промышленности, лишь ограниченное количество полезных ископаемых (ресурсы которых малы, отсутствуют или низкого качества) ввозят из-за рубежа, в их числе графит, марганец, бокситы, кобальт, хромиты, никель, олово, калийные соли, цинк и серебро.

Китай также является одной из наиболее обеспеченных природными ресурсами стран мира. Достаточно сказать, что по запасам вольфрама, сурьмы, титана, олова, цинка, редкоземельных элементов, марганца и боратов он занимает первое место в мире, второе место – по запасам молибдена, ртуть, бокситов и апатитов, третье – по запасам угля и железной руды [12: 56]. Наличие разнообразных ресурсов на территории государств позволило СССР и КНР в XX в. несколько десятилетий существовать в условиях политической и экономи-

ческой самоизоляции, придало мощный импульс к развитию экономики США в XIX–XX вв.

Вместе с тем своеобразие территорий трех стран продуцирует истоки дистинкций базисного уровня ТСЭП их населения. Прежде всего оно проявляется в различном геополитическом и геоэкономическом положении. Россия, например, изначально формировалась как восточно-европейское государство, периферийное по отношению к ведущим странам Западной Европы. Это в значительной степени предопределило периферийность ментальности россиян. Расширение страны на юг и восток, произошедшее в течение XVI–XIX вв., существенно изменило геополитическое положение государства, превратив его в Евразийскую державу, своеобразный цивилизационный «мост», связавший Запад и Восток. Однако это несущественно повлияло на ощущение периферийности, поскольку россияне и особенно русские по-прежнему идентифицировали себя с Европой, а не с Азией, но при этом породило также отмеченный выше социально-психологический и экономический феномен экстенсивности. Представление о «необъятности» России и «несметности» ее богатств, помноженное на низкую плотность населения привело к возникновению национальных черт, непосредственно проявляющихся в базовых формах ТСЭП: склонности к перемене мест, экстенсивной ориентированности хозяйственной активности, предпочтению локальных и межрегиональных экономических контактов международным. Одновременно с этим, сложности повседневной жизни, порожденные природно-климатическими особенностями России, пестрым этноконфессиональным составом, перманентной необходимостью отстаивать свою национальную и политическую независимость, помноженные на азиатскую компоненту российской ментальности, породили такие базисные черты ТСЭП россиян, как упорство в преодолении «вызовов» окружающей природной среды и административно-политической бюрократии, протекционистские ожидания в отношении государства, толерантность к иным (не русским, не православным) социокультурным и социально-экономическим практикам.

Китай, возникший на крайнем востоке ойкумены и пространственно изолированный от центров западной цивилизации (Древний Египет, Ближний Восток, Греко-римский мир), в отличие от России, изначально позиционировал себя как Срединное царство или Поднебесную. Ментальность населявших его народов отличали этноцентризм и самодостаточность. Причем психоло-

гическая устойчивость этих базисных черт оказалась настолько велика, что не поколебалась столетиями порабощения Китая чжурчженями, монголами и маньчжурами в эпоху средневековья, социокультурным влиянием английских и русских миссионеров, японских империалистов в новое и новейшее время. Да и в начале XXI в. они проявляются достаточно выпукло. С другой стороны, пространственная и социокультурная изоляция способствовали формированию в Китае специфического хозяйственного уклада, который К. Маркс в свое время назвал азиатским способом производства. В сочетании с высокой плотностью населения и относительной ограниченностью плодородных почв, это привело к формированию таких базисных черт ТСЭП китайского народа, как трудолюбие, граничащее с трудовым фанатизмом, и общинность (= идентитарность маоистского периода новейшей истории Китая или коллективизм в СССР). Вместе с тем при общем недостатке пашен в Китае оставалось много степных и полупустынных малоплодородных земель, которые при избытке рабочих рук и общем технологическом отставании породили экстенсивность, сближающую китайцев с русскими. Как отмечает современный исследователь, «традиционный экстенсивный способ производства, базирующийся на примитивной дешевой технике, явился способом выживания в гипернаселенном Китае. Следствием его стали массовое расхищение водных, земельных, энергетических, минеральных, лесных ресурсов, эрозия почв, опустынивание, углубление всеохватывающего экологического кризиса» [16: 175].

Все эти качества до самого последнего времени не способствовали процветанию населения и страны в целом, прежде всего по причине «интровертности» китайской цивилизации – обращенности ее «вовнутрь», не предполагающей каких-либо экспансионистских устремлений, в отличие от духовного мессианства славян или политико-экономического мессианства североамериканцев. Современный российский ученый В.В. Малявин в капитальном труде, посвященном культурологическому анализу китайской цивилизации, объясняет этот феномен непотизмом, традиционно характерным для китайского миропонимания. «Китай в современном мире, – утверждает ученый, – есть не просто географическая реальность, но прежде и превыше всего – символическое "пространство сердца", хранящее в себе необозримо густую паутину культурных норм, традиционных идеалов, исторических ассоциаций» [15: 612–613].

Тем не менее во 2-й половине XX в., а особенно в течение его последних двух десятилетий в китайской ментальности к удивлению многих зарубежных аналитиков проявилась еще одна неожиданная черта – восприимчивость к инновациям и вообще иным социокультурным практикам или то, что известный российский синолог М.Л. Титаренко назвал способностью к «перевариванию иностранного» [22: 53]. Эта способность проявилась в самых различных сферах китайского общества, но наиболее явно в политической (интернализация марксистских идей в их маоистской интерпретации) и социально-экономической (интеграция рыночной и социалистической экономик, «способность поглощать колоссальную массу иностранных инвестиций в форме зарубежной техники, оборудования, технологий, научных знаний и т. д.») [17: 84]. Однако, на наш взгляд, данная особенность китайского социума не является уникальной в том смысле, что вполне объяснима с точки зрения социальной психологии. В составе населения любой страны, в каждой этнокультурной общности всегда есть инновационно-ориентированные личности, способные и стремящиеся к овладению новым социокультурным опытом. Доля таких людей колеблется в пределах 10–12 %. Своеобразие Китая состоит лишь в том, что 10–12 % китайцев, воспроизводящих в своих социокультурных практиках инновационное ТСЭП (в абсолютных цифрах это 120–150 млн чел.), превышают или сопоставимы по численности с населением большинства стран мира, в том числе России, и их совокупный вклад в производство ВВП КНР является сегодня определяющим.

С другой стороны, нельзя не учитывать и фактор сознательного «конструирования» инновационных моделей мышления и социального поведения, который активно используется в современном Китае. Для его реализации широко задействованы как политико-идеологические, так и научные инструменты. Так, в частности, в середине 1990-х гг. китайские ученые приступили к изучению опыта национальных инновационных систем в рамках исследовательских программ «Экономика, основанная на знаниях», «Национальные системы инноваций» и др. [1: 96]. В июне 2000 г., в статье, написанной для американского журнала «Science», Председатель КНР Цзян Цзэминь заявил о том, что «Китай будет всеми силами создавать национальную систему инноваций... будут повышаться инновационное сознание общества и инновационный потенциал страны» [1: 100]. Исследователи отмечают неви-

данную популярность понятия «инновация» среди всех слоев населения. «Инновационное мышление, – отмечает современный китайский ученый, – наносит удар по традиционным установкам китайского менталитета на консервативность, приверженность шаблонам и заведенным порядкам. В процессе инноваций выбраковывается все, что не подходит для развития. "Железная миска риса" уравнилельного распределения отброшена, теперь повсюду распространилась конкуренция» [1: 107].

Специфические особенности базисного уровня ТСЭП сложились и у граждан США, по сути, остающихся неопитом национально-государственного генезиса нового и новейшего времени (даже в сравнении с недавно возникшими, но имеющими глубокие исторические корни такими странами, как Израиль, Сербия, Чехия и т. д.). В отличие от населения практически всех других стран мира, подавляющее большинство жителей Соединенных Штатов не могут назвать эту страну своей исторической родиной. США в определенном смысле – это корабль, обреченный на вечное плавание между двумя океанами – Тихим и Атлантическим, корабль, на борту которого волей судьбы оказались объединены самые разные пассажиры, одни – по своему желанию (мигранты из Старого Света), другие – по принуждению (рабы, вывезенные из Африки). Но все они встали перед необходимостью решать одну общую задачу – сделать так, чтобы этот «корабль» уверенно держался на плаву вопреки всем политическим и экономическим штормам.

В конечном счете именно это предопределило формирование базисных черт ТСЭП жителей США, которое происходило под воздействием как территориальных, так и социокультурных факторов. Прежде всего, здесь нужно отметить приморский характер государства. США обладают протяженной береговой линией вдоль двух океанов. Этот факт имеет несколько важных следствий, впрочем, давно очевидных для исследователей. Первое заключается в том, что естественная защищенность от военных и иных посягательств со стороны наиболее мощных государств Европы и Азии и одновременно возможность установления морских контактов практически со всеми странами мира объективно способствовали созданию важных преференций для становления и развития национальной государственности и национального хозяйства, порождая такую черту базисного уровня ТСЭП, как геоцентризм – осознание своего военно-политического и экономического превосходства над

всеми другими странами мира, которое в сочетании с «экстравертностью» американского общества проявляется в стремлении использовать это превосходство во благо как своей страны, так и всего остального мира. Некоторые современные исследователи, в частности Ф. Корт и М. Фор, называют это «империализмом достоинства», предполагающим, что США как страна, в которой господствуют либеральные ценности, свобода предпринимательства и демократическая система правления, не только имеют право, но и обязаны навязывать свою политику, свой образ жизни, свои ценности всему миру [25].

Второе важное следствие состоит в том, что приморский характер государства (на что обращал внимание еще С.Ю. Витте [6: 166–167]) объективно способствует включению страны в международное разделение труда, установлению широких международных торговых контактов практически со всеми странами мира, приводит к возникновению идеологии и практики фритрейдерства и его политических последствий – распространению в обществе ценностей свободы и демократии. Именно это имело место в США на протяжении XVIII–XX вв., следствием чего стало формирование такой черты базисного уровня ТСЭП, как индивидуализм – стремление полагаться прежде всего на собственные силы, сноровку, удачу и т. д., но не на государство (российский протекционизм) и не на ближнего своего (общинность, коллективизм ТСЭП россиян и жителей Китая).

Еще одна важная черта базисного уровня ТСЭП граждан США связана с историей формирования их нации, роли в этом протестантизма и других христианских деноминаций [8: 7]. Начиная с XVI в., и вплоть до наших дней Соединенные Штаты привлекают к себе наиболее предприимчивых, склонных к авантюризму и инновационно-ориентированных личностей. Значительная часть из них (и это тоже неслучайно) исповедует протестантизм, роль которого, по мнению ряда исследователей, в формировании экономического превосходства современных ядерных государств (в том числе США) чрезвычайно велика [5]. Следствием этого стало устойчивое (из поколения в поколение) и закрепленное в культуре народа воспроизведение такой базисной черты ТСЭП, как достижительность – ориентация на успех и вера в успех вопреки любым негативным обстоятельствам.

Таким образом, даже беглое сравнение территориальных различий и продуцируемых ими черт базисного уровня ТСЭП населения России, США и Китая показывает существенные дис-

тинкции между ними (табл. 1). Эти дистинкции самым непосредственным образом повлияли на формирование и последующую динамику базовых форм их ТСЭП в XX в. и, несомненно, будут оказывать пролонгированное воздействие на них в течение еще очень долгого времени.

Таблица 1

Черты базисного уровня ТСЭП населения США, России и КНР

Продуцирующий фактор	Черта базисного уровня ТСЭП населения		
	США	СССР/РФ	КНР
Геополитическое положение государства	геоцентризм	периферийность	этноцентризм
Территория как экономический ресурс	интенсивность	экстенсивность	экстенсивность
Территория как «вызов»	достижительность	упорство	трудолюбие
Ответ на «вызов»	индивидуализм	протекционизм, коллективизм	общинность, идентичность
Отношение к другим странам и народам	экстравертность	толерантность	интровертность, восприимчивость к инновациям

Для получения релевантных выводов относительно тренда динамических уровней ТСЭП населения США, России и КНР мы произведем компаративный анализ социально-экономической сферы трех государств на протяжении 1950–1990-х гг. в проекции теории длинных волн (циклов экономического развития) Н.Д. Кондратьева [9].

Уровень социально-экономического развития, достигнутый в США, СССР и Китае к середине XX в., в значительной степени был предопределен следующими двумя обстоятельствами. Первое – это эволюция их обществ и национальных хозяйств в предшествующие десятилетия (для США в этом плане важен период времени от окончания Великой депрессии 1929–1932 гг. и избрания президентом страны Ф.Д. Рузвельта до 1949 г. – образования НАТО и начала формирования биполярного мира; для СССР – от 1927–1929 гг., когда был провозглашен курс на индустриализацию промышленности и коллективизацию сельского хозяйства, до 1956 г. – XX съезда КПСС, открывшего новый, постсталинистский этап истории Советско-

го Союза; для Китая – от 1912 г. – провозглашения Китайской республики, до 1949 г. – образования КНР во главе с лидером китайских коммунистов Мао Цзэдуном). Второе обстоятельство – Вторая мировая война и ее последствия, которые привели к экономическому коллапсу одной страны и способствовали процветанию других (прежде всего, США).

В середине столетия (1940–1950-е гг.) ведущая роль в мире, бесспорно, принадлежала Соединенным Штатам. Положение ядерной мировой державы, которое они приобрели еще в начале XX в., существенно поколебав бывшее величие Британской империи, лишь упрочилось в годы Второй мировой войны и стало быстро нарастать, вопреки пророчеств марксистов о «загнивающем капитализме», «холодной войне» и спровоцированной ей гонке вооружений. Удачное геополитическое и геоэкономическое положение США, помноженное на достигнутую и интенсивную ориентированность ТЭСЭП значительной части американцев, позволило этой стране не только не потерять экономические позиции, достигнутые к концу 1930-х гг., но и значительно их превзойти, преимущественно за счет военных заказов и участия в кампании по снабжению СССР, которая вошла в историю как «Ленд-лиз». Следствием этого, помимо прочего, стал последовательный рост уровня жизни населения США, а также возникновение мифа об американском образе жизни и американских ценностях как некоем эталоне для всего остального мира. По большинству социально-экономических показателей США на рубеже 1940-х–1950-х гг. соответствовали 4-му кондратьевскому циклу, т. е. достигли пика индустриального этапа общественного развития и, по сути, имели все возможности для начала перехода к постиндустриализму. Достаточно сказать, что после окончания Второй мировой войны на долю США приходилось 60 % мирового промышленного производства и 70 % мирового торгового флота. Позже, по мере восстановления разрушенного войной хозяйства стран Западной Европы и перехода их к устойчивому развитию, доля США по всем экономическим показателям стала снижаться (например, по промышленному производству до 20 % в 2003 г.), но их лидирующее положение в мире оставалось незыблемым вплоть до начала XXI в. [8: 13].

В последующие десятилетия, несмотря на существенные колебания темпов хозяйственного развития, ряд экономических кризисов (особенно

во 2-й половине 1950-х гг. и в середине 1970-х) и существенную девальвацию национальной идеи, связанную с неудачами во Вьетнамской войне 1965–1973 гг., США сохранили статус ядерного государства и имидж супердержавы, а к концу XX столетия значительно упрочили их благодаря удачному экономическому курсу, последовательно проведенному Р. Рейганом в годы его пребывания на посту президента. На рубеже 1990–2000-х гг. США по-прежнему занимали первые позиции в мире практически по всем социально-экономическим показателям, обозначив общий мейнстрим технологической и финансово-экономической эволюции государств планеты. Это позволило исследователям утверждать не только о том, что Соединенные Штаты в целом завершили переход от индустриального к постиндустриальному этапу общественного развития, т. е. достигли уровня 5-го кондратьевского цикла, но и обозначили некоторые параметры пока еще достаточно туманного в концептуальном плане 6-го цикла.

СССР, в отличие от США, в 1950-х гг. все еще не преодолел последствий Второй мировой войны. Более того, население Советского Союза, руководимого догматически ориентированными ортодоксальными марксистами-ленинцами, воспитанниками сталинской школы политического и государственного управления, в отличие от жителей побежденных государств (прежде всего, ФРГ, возникшей в 1949 г., и Японии), по-прежнему продолжало терпеть лишения, жить в ужасающей нищете на полуголодном пайке. В 1950–1960-х гг. СССР по уровню социально-экономического развития в целом все еще находился на стадии перехода от аграрного этапа общественного развития к индустриальному (1–2-й кондратьевские циклы). Лишь в некоторых отраслях (прежде всего, оборонной) уровень производства достигал и даже превосходил аналогичные показатели в США. Но в любом случае ТЭСЭП населения Советского Союза оставалось крайне консервативным, особенно на селе. Причем эту консервативность, как ни парадоксально, поддерживало руководство страны, по-прежнему питавшее иллюзии относительно того курса, который в свое время был избран И.В. Сталиным. Отказ от сталинизма в его наиболее мрачных и антигуманных проявлениях не сопровождался отказом от сталинских идей относительно перспектив экономического развития государства, воспроизводился всеми лидерами КПСС от Н.С. Хрущева до М.С. Горбачева.

Следствием этого стало то, что практически

все по-настоящему инициативные и инновационно-ориентированные личности в большей или меньшей степени подвергались репрессиям, хотя и не сопоставимым по масштабам и жестокости со сталинскими (от отлучения от любимого дела до принудительной высылки из страны, заключения в «психушку» за «нарушение принципов марксизма-ленинизма» ученых, хозяйственников, деятелей искусства и т. д.). В обществе получили распространение соответствующие житейские «истины»: «инициатива наказуема», «начальник всегда прав» и прочие, спровоцировавшие массовое распространение адаптивных и консервативных моделей ТСЭП. В 1950-е–1970-е гг. завершилось формирование того распространенного в СССР типа личности, который позже стали пренебрежительно называть «совком».

В результате социально-экономические процессы в СССР шли достаточно вяло. Количественный рост показателей чаще всего не сопровождался качественными изменениями, нарастали застойные явления, которые в конце 1980-х гг. квалифицировали как «стагнацию». На протяжении 1950-х – 1-й половины 1980-х гг. социально-экономическая сфера СССР и РСФСР как его важнейшей и наиболее мощной в экономическом отношении части в целом эволюционировала от 2–3-го кондратьевских циклов (в разных отраслях и сферах социально-экономической активности населения) к 3–4 циклам. При этом на региональном уровне территория государства оставалась крайне гетерогенной, следствием чего были высокий уровень депривации населения полупериферийных и особенно периферийных регионов по отношению к ядерным регионам, высокий потенциал конфликтогенности региональных общностей и региональных элит, крайне низкая эффективность государственного регулирования экономическими процессами в стране [20: 265–345]. В 1990-е гг. такое положение лишь еще более усугубилось, сопровождаясь углублением отрыва ядерных регионов, достигших по ряду социально-экономических показателей 5-го кондратьевского цикла, от периферийных, совершивших реверсию от 2–3-го к 1–2-му циклам.

Тем не менее, отталкиваясь от ряда макроэкономических показателей и динамических форм ТСЭП, воспроизводимых большинством населения РФ, уровень социально-экономического развития России в целом по состоянию на конец 1990-х гг., мы относим к 4-му кондратьевскому циклу и полагаем, что этап ее общественного развития в этот период можно квалифицировать как развитой индустриальный.

Китай к концу 1940-х гг., изнуренный многолетней войной с империалистической Японией и гражданской войной между военно-политическими группировками, находившимися под властью компрадорского Гоминдана и Коммунистической партии Китая, оставался, по сути, полукOLONIALным государством со всеми, присутствующими ему социально-экономическими особенностями: аграрно-сырьевой ориентацией в экономике, почти абсолютной финансовой и технологической зависимостью от развитых западных стран (прежде всего Франции, Великобритании, Германии), а также Японии и крайне низким уровнем и качеством жизни населения, в массе своей ведущего полунатуральное хозяйство.

Сохранялся резкий контраст в уровнях социокультурного развития разных регионов страны. Еще в середине 1950-х гг., по утверждению члена Постоянного комитета ВСНП Ху Дэпина, «в Тибете, в округе Сишуйан Баньна провинции Юньнань и в южной части Синь-цзянского автономного района существовал феодально-рабовладельческий строй, а в пограничных районах, расположенных между провинциями Сычуань и Юньнань, в районах Большого и Малого горных хребтов Ляньшань сохранялось рабовладельческое общество. Более того, некоторые национальности страны все еще находились на последней стадии первобытного патриархального общества, между тем как в Гонконге и Макао уже давно господствовал классический капитализм» [23: 84].

Отставание в экономическом развитии, которое исследователи оценивают в 100–150 лет, проявлялось и в отраслевой структуре Китая. В 1949 г. доля легкой промышленности составляла 36 %, кустарно-ремесленной – 32 %, электроэнергетической, металлургической, химической и нефтяной в совокупности не превышала 5 %, тяжелой и угольной промышленности – 11 % и металлообработки – 9 % [12: 78–79]. Все это приводило к институционализации и воспроизведению большинством населения страны социально-экономических практик, характерных для сугубо отсталых периферийных государств аграрного типа.

После того, как при помощи СССР к власти в Китае пришли коммунисты, и в 1949 г. была провозглашена Китайская Народная Республика, в стране стали проводиться масштабные преобразования, целью которых, так же как в Советском Союзе, было построение социалистического, а в перспективе – коммунистического общества. Спецификой и в значительной степени, причиной катастрофичности социально-эконо-

мической эволюции Китая на протяжении трех последующих десятилетий стало неоднократное изменение парадигмы государственной экономической политики, проводимой китайским руководством в те годы. После взвешенного и положительно оцениваемого современными исследователями курса на последовательную модернизацию китайского общества, реализованного во временных рамках коренного социально-экономического переворота 1949–1952 гг. и первой пятилетки (1953–1957 гг.), когда возникли новые отрасли экономики (авиационная, автомобиль-, станко- и тракторостроение), на базе деревенских общин созданы сельскохозяйственные кооперативы и т. д., наступил период «революционных» преобразований, по сути – принудительной модернизации, не имевшей ни экономического, ни социокультурного обоснования и должного обеспечения.

В течение 1958–1962 гг. (вторая пятилетка) было проведено тотальное обобществление промышленности, кооперативы превращены в «народные коммуны», следствием чего стали снижение производства почти на 70 %, возрастающая международная изоляция и курс на тотальную автаркию. Во 2-й половине 1960-х гг. в стране сложилась ситуация, которую современные китайские аналитики характеризуют как «абсолютный хаос». И только лишь в 1976–1978 гг. политическое руководство КНР пришло к пониманию порочности избранного курса и необходимости разработки новой стратегии социально-экономического развития Китая.

Волонтаризм Мао Цзэдуна и его последователей дорого обошелся китайскому народу. Вместо ускоренного социально-экономического развития и построения коммунизма общество получило крайне несбалансированную экономику, массовые репрессии, голод и нищету. Только лишь после смерти «великого кормчего», устранения так называемой «банды четырех» и прихода к власти духовного лидера Китая Дэн Сяопина началось трудное, но, как показали последующие события, высокоэффективное развитие крупнейшего государства в мире. В рубежном для истории Китая 1978 г. был принят официальный курс на экономическую реформу, центральной доктриной которой стал перенос центра тяжести с политических проблем на экономическое строительство.

На протяжении 1980–1990-х гг. китайское общество наглядно продемонстрировало то, каких возможностей позволяет достичь взвешенная экономическая политика государства, не обремененная политико-идеологическими догмами и учитывающая как современные достижения экономиче-

ской науки и рыночной практики, так и социокультурные особенности населения (в нашем контексте – базисные черты ТСЭП) в сочетании с громадным ресурсным потенциалом страны.

К концу XX в. китайское общество в целом совершило гигантский рывок по направлению от отсталого аграрного к современному индустриальному обществу. По ряду макроэкономических показателей современный Китай вплотную приблизился к наиболее экономически развитым странам мира, например, по фактической покупательной способности в 1998 г. достиг 3-го места после США и Японии, по объему ВВП переместился на 6-е место, приблизившись к Франции и Великобритании, занимавшим в конце 1990-х гг. 5 и 4 места [2: 52; 24: 9]. При этом мнение современных аналитиков относительно характера и перспектив такого небывалого роста экономики КНР остается расколотым. Одни предрекают ему дальнейшее развитие, выход на первые позиции в мире и замену США в роли мирового экономического лидера. При наличии огромного демографического потенциала и наметившейся тенденции к выезду граждан Китая на временную работу и постоянное жительство во многие страны мира, в перспективе это может привести к глобальной «китаизации» населения планеты, чем-то подобной, а может быть и более глубокой, чем современная «вестернизация». Другие аналитики (особенно это характерно для исследователей из США) не склонны делать такие далеко идущие выводы. Они утверждают о временности быстрой динамики, опасности «перегрева» китайской экономики и угрозе глубокого экономического кризиса, опасного не только для самого Китая, но и всего мирового хозяйства [3; 26; 30].

О сохранении перекосов в социально-экономической сфере КНР на рубеже 1990–2000-х гг., несущих в себе потенциальную опасность для его последующего развития в XXI в., по мнению известного китайского экономиста Лю Гогуана, свидетельствуют структурные противоречия, особенно остро проявляющиеся в завышении доли второй сферы в производственной структуре Китая и соответственно занижении доли третьей сферы; низком уровне производственной структуры всех трех подразделений экономики; замедлении научно-технического прогресса; одновременном существовании чрезмерной конкуренции и административного монополизма; крайне неравномерном развитии восточных, центральных и западных провинций; медленных темпах урбанизации и др. [14: 66–67].

Что касается возможной оценки китайского экономического «чуда» с позиций теории терри-

ториального поведения, то, на наш взгляд, оно во многом объясняется базисными чертами ТСЭП жителей Китая, концептуализированными выше: трудолюбием; рачительным отношением к земле и ее ресурсам; готовностью сообща решать сложные проблемы (= общинностью или тем, что некоторые наблюдатели характеризуют как институт землячества); настойчивостью в решении поставленных задач; восприимчивостью к инновациям и т. д. Если в предшествующие периоды истории Китая (а особенно в годы японской оккупации и «культурной революции») эти черты не могли проявиться в полной мере по причинам военно-политического и идеологического характера, то в 1980-е – 1990-е гг. благодаря политике КПК, направленной на максимальное развитие личной инициативы, диверсификацию форм собственности, рост благосостояния населения, они стали важнейшими факторами небывалого экономического роста.

Немаловажен и тот факт, что в народной памяти сохранились воспоминания и практический опыт хозяйствования в условиях досоциалистического Китая. Несмотря на все недостатки этот опыт ориентировал людей на личную инициативу, индивидуальное предпринимательство, экономическую самостоятельность. По сути, развитие Китая после 1978 г. стало своеобразной калькой Новой экономической политики, проводимой в СССР в 1921–1926 гг. и поспешно свернутой И.В. Сталиным [19: 179–180]). Патологическая боязнь реставрации капитализма, помешавшая эффективно развиваться экономике СССР в 1920-х и последующих годах, оставалась мощным сдерживающим фактором в нашей стране на протяжении всех лет советской власти и была таковой в Китае годы правления Мао Цзэдуна и его ортодоксальных последователей. И если бы китайское руководство на рубеже 1970–1980-х гг. не нашло в себе силы отказаться от идеологизирования экономического развития в пользу науки и здравого смысла, никакого китайского чуда бы не произошло.

В любом случае современный Китай демонстрирует исключительно высокие темпы экономического развития, сопровождающиеся быстрой социокультурной динамикой всего китайского общества. Вместе с тем в разных провинциях страны социально-экономическая эволюция происходит крайне неоднородно. Наряду с экономически развитыми регионами (Гуандун, Фуцзянь, Цзянсу, Чжэцзян и Шанхай), социально-территориальные общности которых воспроизводят инновационную и адаптивную модели ТСЭП, и где уровень экономического развития соответствует 3–4-му кондратьевскому циклу, а

по некоторым показателям приближается к 5-му, существуют крайне отсталые консервативные регионы, население которых воспроизводит паттерны 0–1–2 циклов (северо-западные провинции Ганьсу, Цинхай, Шэньси и особенно Нинся-Хуэйский и Синьцзян-Уйгурский автономные районы, заселенные преимущественно национальными меньшинствами) [4: 68].

Также важно то, что высокие абсолютные социально-экономические показатели в большинстве случаев не поддерживаются относительными. Это подтверждают многие современные российские и китайские исследователи. Например, Л. Кондрашова утверждает, что вплоть до начала 2000-х гг. Китай еще «не вышел за пределы первого типа модернизации» [10: 91], известный китайский экономист Линь Ифу отмечает «внешне высокий рост и по существу низкий уровень развития» [13: 92]. В середине 1990-х гг. развитие КНР по целому ряду базовых позиций существенно отставало от целевых величин, обозначенных самими китайцами для оценки уровня модернизации (табл. 2). Все это свидетельствует о не завершившемся, хотя и очень динамичном, переходе китайского общества от аграрного этапа общественного развития к индустриальному, но все еще не позволяет отнести его к развитому индустриальному.

Таблица 2

Комплексная оценка уровня модернизации Китая по состоянию на 1993 – 1994 гг.*

Показатель	Ед. изм.	Целевая величина	Реальная величина
ВВП на душу населения	юани	32 000	7 245
Доля третичного сектора	%	65	35,3
Доля занятых в третичном секторе	%	60	25,3
Степень открытости	%	20	13,6
Обеспеченность водопроводом	%	95	87,9
Дороги с твердым покрытием	кв. м/чел.	8	2,48
Телефонная сеть	на 100 чел.	50	5,5
Автобусы	на 1000 ч.	2	0,21
Врачи	на 1000 ч.	8	2,6
Жилая площадь	кв. м/чел.	12	7,81
Студенты	на 1000 ч.	13	5,91

* Сост. по [11: 96].

В проекции длинных волн (циклов) Н.Д. Кондратьева общий итог социально-экономической эволюции США, РФ и КНР к концу XX в. может быть представлен следующим образом (табл. 3).

Таблица 3

Некоторые показатели социально-экономического развития США, РФ и КНР в конце 1990-х – начале 2000-х гг.*

Социально-экономический показатель	США	РФ	КНР
Индексы физического объема ВВП в 1998 г., 1990=100	122,6	57,6	226,2
Доля в мировом ВВП, 2003 г., %	20,0	2,4	12,2
Индексы физического объема розничного товарооборота в 1998 г., 1990=100	134,6	85,1	401,0
Распределение занятых по трем сферам экономики (с/х, промышленность, услуги), 1997 г., %	2,7 : 23,9 : 73,4	13,2 : 31,8 : 55,0	47,8 : 20,8 : 31,4
Соотношение городского и сельского населения, %	76,0 : 24,0 (1994 г.)	73,0 : 27,0 (1998 г.)	29,4 : 70,6 (1996 г.)
Студентов вузов на 10 000 населения, чел.	333 (1995 г.)	221 (1997 г.)	24,5 (1996 г.)
Кондратьевский цикл	5–6	4	1–2
Этап общественного развития	постиндустриальный	индустриальный	аграрно-индустриальный

* Сост. по [21: 26–28; 58–59; 65–66; 85–86; 97–98].

Таким образом, социально-экономическая сфера трех государств и соответственно динамический уровень ТСЭП их населения совершили реверсию по направлению: США – от индустриального этапа общественного развития к постиндустриальному, СССР/РФ – от индустриально-аграрного к индустриальному и КНР – от аграрного к аграрно-индустриальному.

В континууме «ядро – полупериферия – периферия» в первом десятилетии XXI в. в парадигмальных рамках глобализирующегося сообщества и с учетом все более глубокого вовлечения населения США, РФ и КНР в социально-экономические отношения, соответствующие эпохе постиндустриализма, уровень ТСЭП, достигнутый социумами этих стран, можно концептуализировать соответственно как ядерный постиндустриальный, полупериферийный постин-

дустриальный и периферийный постиндустриальный.

Однако в перспективе ближайших десятилетий данное соотношение может существенно измениться. В данном случае наиболее выигрышную позицию занимает Китай. По ряду макроэкономических показателей в 2000-е гг. он уже входил в первую десятку мировых лидеров. Но в отличие от США, Японии, ФРГ и др. ядерных стран, КНР располагает огромным демографическим ресурсом, который в настоящее время используется далеко не полностью вследствие нерешенности целого ряда социокультурных проблем (общий низкий уровень образования, консервативная ориентированность большей части населения, значительная явная и огромная скрытая безработица и др.). Проведение эффективной социальной политики в области образования и занятости, о чем уже заявило современное китайское руководство, к середине XXI в., а может быть и раньше, способно вывести КНР в абсолютные мировые лидеры. Это существенно поколеблет не только экономические, но и политические позиции США, заставит американское общество искать новые резервы развития, но ядерный статус Соединенных Штатов, безусловно, сохранится.

Что касается РФ, то ее центральной проблемой будет относительная малочисленность населения (в сравнении с КНР и США), которое даже при наличии огромных запасов природных ресурсов и достижении очень высокого экономического роста в расчете на душу населения окажется не в состоянии конкурировать с мировыми державами по объему ВВП и другим макроэкономическим показателям. В случае возможных просчетов в управлении государством со стороны Президента, Правительства, Федерального собрания, роста негативных процессов в социально-экономической сфере может произойти утрата ее экономической самостоятельности. Россия потеряет своих нынешних союзников и, скорее всего, будет разделена на сферы влияния между США, КНР и ЕС. Однако при благоприятном стечении обстоятельств и мудром политическом руководстве она сохранит и упрочит статус полупериферийного государства, будет лидировать в политическом и экономическом отношении среди стран «второго эшелона», включая СНГ, в военном отношении заставит считаться с собой все мировое сообщество.

Таким образом, учет своеобразия ТСЭП социально-территориальных общностей, в данном случае – населения государств, позволяет полу-

читать релевантные выводы относительно причин, характера и возможных результатов перемен, происходящих в них на макросоциальном, макроэкономическом и политическом уровнях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бао, Оу. Инновация – движущая сила развития китайского общества в современную эпоху / Бао Оу // Проблемы Дальнего Востока. – 2002. – № 4. – С. 95–109.
2. Бергер, Я. О достоверности экономического роста Китая и китайской угрозе / Я. Бергер // Проблемы Дальнего Востока. – 2002. – № 6. – С. 40–55.
3. Борох, О. Перспективы экономики КНР : зарубежные оценки в зеркале китайской критики / О. Борох // Проблемы Дальнего Востока. – 2003. – № 3. – С. 94–111.
4. Ван, Шаохуэй. Особенности экономического развития Северо-Западного Китая / Ван Шаохуэй // Проблемы Дальнего Востока. – 2000. – № 6. – С. 68–79.
5. Вебер, М. Избранное : протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер. – М. : РОССПЭН, 2006. – 648 с.
6. Витте, С.Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных Его Императорскому Высочеству князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 гг. / С.Ю. Витте. – М. : Фонд экон. кн. Начала, 1997. – 511 с.
7. Завалишин, А.Ю. Территориальное поведение. Опыт теоретико-методологического анализа / А.Ю. Завалишин, И.П. Рязанцев // Социологические исследования. 2005. № 10. С. 83–92.
8. Загладин, Н.В. США : общество, власть, политика : монография / Н.В. Загладин. – М. : ООО «Торгово-издат. дом "Русское слово – РС"», 2001. – 238 с.
9. Кондратьев, Н.Д. Основные проблемы экономической статистики и динамики / Н.Д. Кондратьев. – М. : Наука, 1991. – 569 с.
10. Кондрашова, Л. Модернизация с китайской спецификой: проблема экономического измерения / Л. Кондрашова // Проблемы Дальнего Востока. – 2002. – № 4. – С. 75–94.
11. Кондрашова, Л. Урбанизация в Китае / Л. Кондрашова, А. Островский // Проблемы Дальнего Востока. – 2000. – № 3. – С. 82–97.
12. Кривоборская, А.И. Экономическая география Китая : учеб. пособие / А.И. Кривоборская. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1996. – 219 с.
13. Линь, Ифу. Китайское чудо. Стратегия развития и экономическая реформа : пер. с кит. / Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжоу. – М. : ИДВ РАН, 2001. – 367 с.
14. Лю, Гогуан. Проблемы урегулирования экономической структуры Китая / Лю Гогуан // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 6. С. 64–70.
15. Малявин, В. В. Китайская цивилизация / В. В. Малявин. – М. : «Изд-во "Астрель"», Фирма "Изд-во АСТ"», «Издат.-продюс. центр "Дизайн. Информация. Картография"», 2000. – 632 с.
16. Муромцева, З. Стратегия экономического развития КНР в 1996–2020 гг. и проблемы ее реализации / З. Муромцева, И.Н. Наумов // Проблемы Дальнего Востока. – 2001. – № 6. – С. 174–176.
17. Наумов, И. Глобализация и регионализация как источник научно-технической реконструкции в КНР / И. Наумов // Проблемы Дальнего Востока. – 2000. – № 4. – С. 76–87.
18. Осипов, Г.В. Российская социология в XXI в. / Г.В. Осипов // Социологические исследования. – 2004. – № 3. – С. 3–14.
19. Певзнер, Я. Китайский вариант «третьего пути»: о книге Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжоу Китайское чудо. Стратегия развития и экономическая реформа : пер. с кит. / Я. Певзнер // Проблемы дальнего Востока. – 2001. – № 6. – С. 177–183.
20. Рязанцев, И.П. Территориальное поведение россиян (историко-социологический анализ) / И. П. Рязанцев, А.Ю. Завалишин. – М. : Академический Проект; Гаудеамус, 2006. – 456 с.
21. Содружество Независимых Государств и страны мира : стат. сб. / Статкомитет СНГ. – М., 1999. – 324 с.
22. Титаренко, М. Л. Китай : цивилизация и реформа / М. Л. Титаренко. – М. : Республика, 1999. – 240 с.
23. Ху, Дэпин. Размышления о теории и практике реформы в Китае / Ху Дэпин // Проблемы Дальнего Востока. – 2003. – № 3. – С. 79–87.
24. Цинь, Сяньюань. Пять десятилетий развития китайско-российских отношений : пройденный путь и перспективы / Цинь Сяньюань // Проблемы Дальнего Востока. – 2000. – № 3. – С. 5–13.
25. Corte, Ph. Le Nouvel Ordre American / Ph. Corte, M. Fore // L'Express. 1997. – Novembre 20. – P. 44–51.
26. Dirlic, A. Reversals, Ironies, Hegemonies / A. Dirlic // Modern China. – 1996. – № 2. – P. 249.
27. Freeman, C. Technology Policy and Economic Performance : Lesson from Japan / C. Freeman. – N.-Y., 1987. – 155 p.
28. Friedmann, J. Regional Development Policy / J. Friedmann. – Boston : Mass. Inst. Techn., 1966. – 317 p.
29. Gibbs, J. The Evolution of Population / J. Gibbs // Economical Geography. – 1963. – № 2. – P. 85–99.
30. Nathan, A. J. China's Transformation / A. J. Nathan. – N.-Y., 1997. – 313 p.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕХАНИЗМА ОРГАНИЗАЦИИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АКТОВ

Н.Е. Мерецкий

Мерецкий Николай Евгеньевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Статья посвящена изучению механизма совершения террористических актов. Анализируя его, можно установить корреляционные связи между обстановкой, деятельностью субъекта (руководителя преступной группы), способом совершения, влияющих на разработку тактических приемов направленных на раскрытие, расследование и предотвращение обозначенных преступлений.

Ключевые слова: террористический акт, механизм совершения преступления, криминалистика.

Изучение способов совершения преступлений, в частности по признакам терроризма, имеет важное теоретическое и практическое значение. Эти данные используются для разработки технических средств, тактических приемов и методических рекомендаций по обнаружению, раскрытию, расследованию и предупреждению рассматриваемых преступлений.

В современном русском языке под способом понимается прием, действие, метод, применяемые для исполнения какой-нибудь работы, при осуществлении чего-нибудь [8: 747]. В уголовно-правовой литературе способ совершения преступления рассматривается обычно как неотъемлемая часть объективной стороны преступления [6: 71; 2: 13–19; 7: 75–89]. Наши исследования показали, что его криминалистическое понятие применительно к террористическим актам имеет трехзвенную структуру, характеризующую образ действия субъектов до, во время и после совершения преступления. Разумеется, в деятельности субъекта основное место занимает корыстная направленность, а также степень и характер общественной опасности самого преступления. Это во многом определяет способ рассматриваемых нами преступлений, конкретизирует действия, образующие объективную сторону преступления, придает им качественную определенность, индивидуализирует их, наделяет устойчивыми признаками, которыми оно отличается от других иных смежных преступлений.

Для целей нашего анализа следует отметить, что данную проблему изучали многие ученые¹. Это позволило нам в основе классификации использовать элементы состава преступления. Например, если применить такой критерий, как субъект преступления, то все террористические преступления можно подразделить на совершаемые единолично или группой; по времени со-

вершения: впервые или повторно; если в качестве критерия взять объект посягательства, то обозначенные преступления можно подразделить по совершаемым в городской или сельской местности, в транспортном средстве или вне его, в пустынных местах или при скоплении людей; если взять за основу объективную сторону, то их можно классифицировать по способу совершения или сокрытия преступления: использование взрывного устройства и гибелью исполнителя или применение механизма так называемого ждущего режима, в том числе и по команде; если субъективную сторону, то совершенные с заранее обдуманым умыслом или в результате воздействия психотропных (наркотических) веществ. В связи с этим следует отметить, что при таком обилии оснований нарушаются элементарные требования логики исполнителя террористического акта.

Это дает основание обратить внимание на то, что в криминалистике способ совершения преступления используют, во-первых, для поиска лица (или круга подозреваемых лиц), совершивших преступление; во-вторых, для выяснения закономерностей механизма возникновения следов; в-третьих, для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию; в-четвертых, для пресечения подготовительных действий к совершению преступления, в-пятых, для установления причин и условий, способствовавших совершению преступления. В то же время установление повторяемости способа имеет доказательственное значение, если в процессе расследования будет установлено, что лицо ранее совершало преступление аналогичным способом или входило в состав группы по подготовке к террористическим актам. Наконец, способ совершения преступления связан со способом сокрытия.

Для установления очерченного круга задач, которые следует решать не только в период расследования, но и для предотвращения готовяще-

¹ Мы не стремились проанализировать их мнения по данной проблеме.

гося террористического акта важную роль играют действия по подготовке последнего, которые занимают значительную часть времени. Деятельность по подготовке условно можно разделить на три этапа.

Первый этап включает возникновение умысла у организатора² и поиск (назначение) руководителя преступной группы из лиц ближайшего окружения, а также сподвижников (соучастников) исполнителя преступного замысла. Этот этап является обязательным и может длиться достаточно продолжительное время: неделями, месяцами и даже годами. Следственной практике известны случаи, когда после неудачно предпринятой попытки совершения террористического акта организаторы прибегали к повторной реализации преступного замысла через несколько лет. После того как исполнитель назначен и получены определенные гарантии его «честности» наступает очередной этап подготовительной деятельности.

Второй этап также может быть достаточно длительным, поскольку здесь разрабатывается сценарий будущего преступления. На этой стадии оценивается: во-первых, обстановка, сложившаяся в преступной группе, и происходит распределение ролевых функций; во-вторых, положение в государственных организациях, способных принять меры к предотвращению планируемых действий; в-третьих, изучается структура государственных и охранных органов объекта; в-четвертых, выбирается и изучается личность исполнителя (исполнителей), которому даются определенные гарантии, в том числе и по перечислению определенной суммы его родственникам в случае его гибели; в-пятых, определяются пути и каналы транспортировки (перемещения) исполнителя, в том числе и в сопредельные государства; в-шестых, изучаются апшорные зоны, в которых возможно приобрести оружие, боеприпасы или взрывчатые вещества, открыть представительство фирмы и вложить капитал для реализации задуманного; в-седьмых, изучаются пути нелегальной транспортировки оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ через государственную границу; в-восьмых, приобретается недвижимость для проживания исполнителя; в-девятых, создается группа прикрытия.

² Наши исследования показали, что в большинстве случаев (93,2 %) субъект, имеющий умысел на совершение террористического акта, самостоятельно не направляет усилия на его организацию, а делает это через посредников, соучастников и т.д.

Кроме того, в ходе подготовки добываются поддельные оттиски печатей и штампов различных предприятий и организаций (или они подделываются), реквизиты бланков документов. В этот период субъекты главным образом ведут интенсивный сбор исходной информации и подготовку выбора такого способа, который был бы приемлем для успешной реализации задуманного. Без реализации преступного замысла подготовительный этап может потерять свое криминалистическое значение. В этом случае главная задача организационно-подготовительной стадии заключается в формировании совокупности условий, которые обеспечивали бы реализацию криминального решения, достижение мотивированной цели, т. е. на этой стадии разрабатывается конкретный план действий, определяется время и место совершения преступления.

Третий подготовительный этап заключается в осуществлении активных действий, направленных на террористический акт. Эти действия зависят от сценарного замысла преступления и распределения ролей³, осуществляемых организатором. В этот период продумываются не только способы и приемы, направленные на сокрытие следов преступления, но также и дальнейшие действия на случай задержания и разоблачения: а) разрабатывается ложное алиби; б) разрабатывается легенда, оправдывающая появление преступника в данное время в этом месте; в) продумываются способы применения оружия на случай задержания; г) изменяется внешность; д) изготавливаются подложные документы, в том числе и работников правоохранительных органов. Следует отметить, что этот этап не является обязательным и может отсутствовать вообще.

Следовательно, в период подготовки к террористическому акту прослеживается достаточно четко выраженная корреспонденция конкретных действий субъекта, направленная на достижение преступного результата. Кроме того, определение способа совершения преступления раскрывает содержание и направленность умысла виновного, т. е. он связан с другим элементом – виновностью субъекта и установлением мотива. При этом, как правильно отмечает В.Н. Кудрявцев, законодатель, вводя в норму описание того или иного способа, учитывает три фактора: опасность способа для объекта посягательства, частота его встречаемости на практике и юридическая возможность криминализации [5: 112].

³ Практика показывает, что некоторые исполнители преступного замысла даже и не догадываются о своей роли в предстоящем процессе.

Способ совершения преступления, в частности при террористических актах, не избирается преступником произвольно, его выбор всегда обусловлен как объективными, так и субъективными факторами. Они, как правило, многочисленны и состоят из активных действий непосредственно направленных на реализацию задуманного⁴. В связи с этим представляется, что определение (понятие) способа должно рассматривать все этапы прохождения преступления: приготовление, совершение и сокрытие. В этом отношении мы полностью солидарны с Р.С. Белкиным, который отмечает целесообразность употребления термина «способ преступления» для интегрального обозначения способов осуществления всех этапов деятельности [1: 215]. Кроме того, «способ совершения преступления не сводится лишь к механической сумме определенных действий по приготовлению, совершению и сокрытию преступления» [4: 10].

Чтобы стать способом они (действия) должны быть упорядоченной системой соответствующих мероприятий, взаимосвязанных причинной и виновной связью, направленных на достижение преступного результата. В данном случае на террористический акт. Дело в том, что в данных о способе совершения конкретного преступления содержится наибольший объем криминалистически значимой информации, позволяющий наметить оптимальные методы работы с доказательствами для полного расследования преступления или группы различных преступлений взаимосвязанных с террористическим актом или предшествующих ему.

Из сказанного следует, что под террористическим актом следует понимать систему объективно взаимосвязанных, целенаправленных индивидуально-конкретных действий, приемов и средств, объединенных между собой общим умыслом направленным на противоправное нарушение политического, правового механизма государства.

Конкретные действия по осуществлению террористического акта выражаются не только в реализации выбранного варианта, но и в активности его внедрения. При этом способы могут как отличаться друг от друга, так и повторяться. И на их выбор оказывает значительное влияние объективная обстановка. В этом случае субъект или использует благоприятные обстоятельства, или

приспосабливается к существующей обстановке, или своими действиями старается изменить ее.

Как показали наши исследования, при использовании конкретного приема, входящего в способ совершения террористического акта, субъект неизменно учитывает характер государственных мер, направленных на предотвращение преступной деятельности созданной организации. В силу этого, установление в полном объеме всей цепочки (последовательности) действий ведет к обнаружению важных доказательств по делу.

Очевидно, что сведения об обстановке всегда имеют существенное значение для первичного криминалистического анализа сущности события преступления, способа его совершения и его обстоятельств. Поэтому выявление и анализ отдельных взаимодействующих между собой объектов, явлений и процессов, характеризующих условия объективной реальности, свойственные моменту совершения расследуемого преступления, дают весьма ценную криминалистическую информацию для выбора наиболее правильных путей и методов расследования. В частности, правильная оценка выявленных данных об обстановке, способствующей террористическому акту, с учетом сведений о способе и механизме расследуемого преступления обычно помогает выбрать наиболее эффективные пути и средства розыска и задержания организатора преступной группы. Кроме того, надлежащая оценка информации способствует определению наиболее действенных методов выявления факторов, тем или иным образом повлиявших на подготовку к совершению преступного деяния и реализацию преступного замысла.

Итак, к обстановке, способствующей совершению террористического акта, можно отнести:

во-первых, отсутствие законодательных норм и правил, препятствующих вывозу капитала за пределы государства⁵;

во-вторых, просчеты в работе правоохранительных органов, действующих на предотвращение обозначенных преступлений;

в-третьих, недостаточная защищенность компьютерных систем;

в-четвертых, слабый контроль правоохранительных органов за соблюдением установленного порядка перемещения лиц, вызывающих подозрение, в том числе и находящихся в розыске за различные преступления.

Практика показывает, что в большинстве случаев (78,2 %) субъект преступления так или

⁴ Эти действия нами описаны в первом этапе подготовки к террористическому акту.

⁵ Известно, что для терроризма необходимы значительные денежные средства.

иначе связан с обстановкой, в которой совершаются обозначенные преступления. Прямо или косвенно конкретные проявления этой связи многообразны и оказывают существенное влияние на выбор тактических приемов расследования. Например, если в сложившейся обстановке возможна преступная деятельность конкретного лица или группы лиц и данные о ней дают серьезные основания для такого вывода, то основной акцент делается на методах собирания доказательств и изобличения преступников. Если сведения об обстановке не дают конкретной информации о субъекте преступления, целесообразно прежде всего обеспечить получение из объективной обстановки дополнительные сведения о способе совершения преступления, о том, что в ней оказало детерминирующее влияние на указанный способ. На этой основе необходимо выделить круг возможных субъектов, осуществляющих подготовительные мероприятия к террористическому акту, разработать план мероприятий по их розыску и изобличению.

Сказанное дает основание для вывода о том, что во многих ситуациях расследования и особенно при дефиците криминалистической информации о способе и механизме совершения обозначенных преступлений, принципиально важно осуществлять их раскрытие на основании выявления и тщательного изучения данных об обстановке. И вообще, как показали наши исследования, познание преступного события вне зависимости от его вида или разновидности, всегда начинается с осмысления обстановки, способствующей его совершению, выявления ее составных частей, определения их функций и роли, а также уяснения характера взаимосвязей обстановки с другими элементами механизма преступления. Именно в результате познания обстановки, в которой реализуется предполагаемый террористический акт, и могут быть получены сведения о следующих существенных обстоятельствах:

во-первых, степени подготовленности преступления;

во-вторых, характере осведомленности преступников о степени защищенности объекта преступного посягательства;

в-третьих, своеобразии влияния обстановки на способ и механизм совершения преступления и другие его криминалистические особенности;

в-четвертых, специфике возможного влияния противоборствующей (конкурентов преступного мира) стороны;

в-пятых, об установлении тех элементов обстановки, которые оказали основное влияние на

подготовку к совершению и реализации задуманного;

в-шестых, об определении, каким образом обстановка способствовала реализации прогнозируемого результата.

Анализ результатов проведенных исследований позволил установить, что наибольшее количество террористических актов, совершаются в тех государствах, которые ведут активную борьбу с преступлениями, направленными на ущемление конституционных прав и свобод человека. Очевидно поэтому содержание большинства работ, посвященных обозначенной проблематике, направлено на изучение способов совершения, сокрытия преступлений против свободы, чести и достоинства личности (например, похищения человека, торговли людьми, использование рабского труда и т. д.), в том числе и обстановке, в которой не только действуют преступники, но и которая так или иначе способствует их деятельности.

Однако на практике, к сожалению, сведения об обстановке совершения рассматриваемых нами преступлений, в целях решения указанных и иных существенных для расследования вопросов работниками правоохранительных органов еще используются недостаточно. Именно поверхностное изучение обстановки и формальный ее анализ чаще всего (64,8 %) является основной причиной различного рода серьезных недостатков в ходе следствия и приостановления (86,8 %) расследования.

Рассмотрим более подробно процесс совершения террористических актов, обращая внимание на закономерности отражения следов для установления причинной связи между фактами. Дело в том, что обозначенные закономерности проявляются и при отражении преступной деятельности, но здесь процесс сложнее и многообразнее. Взаимодействие обозначенных объектов приводит к различным изменениям (например, материальным) и позволяют установить отдельные обстоятельства расследуемого события.

Приходится в частности отметить что при совершении террористических актов, может наблюдаться следующая ситуация: преступники уже имеют определенное направление преступной деятельности. А поскольку большинство обозначенных преступлений предполагается совершить в иной местности, а иногда и в другом государстве, то наибольшую трудность у преступников вызывает сама транспортировка оружия, взрывчатых веществ или переезд группы до места предполагаемого теракта.

Это подтверждают результаты анализа преступной деятельности организованной группы. С точки зрения субъекта, совершающего террористический акт, обстановка, в которой он действует умышленно, может ему представляться по-разному.

Во-первых, как полностью благоприятная: имеются пути транспортировки оружия и взрывчатых веществ, свободные подходы (подъезды) к объекту, отсутствие охраны и т. д. В этом случае оценка обстановки укрепляет решимость организатора в реализации преступного замысла, позволяет ему действовать при его реализации спокойно и продуманно, не оставлять или уничтожать следы. Поэтому в начале расследования возникает следственная ситуация со многими неизвестными.

Во-вторых, не совсем благоприятная: намечены пути транспортировки оружия и взрывчатых веществ, составлен план перемещения преступной группы к месту, подходы (подъезды) к объекту охраняются спецподразделениями. В этом случае обстановка не мешает реализации преступного замысла, однако заставляет субъекта торопиться, нервничать, что ведет к некоторым промахам, а в итоге оставлению значительного числа следов, помогающих изобличить преступника. В результате возникает в большей части благоприятная для расследования следственная ситуация.

В-третьих, неблагоприятная: террористическая группа находится под наблюдением соответствующих структур правоохранительных органов, которые оказывают активное противодействие, что может лишить всю операцию благоприятного исхода и она станет достоянием общественности, руководитель группы и все ее участники будут задержаны и переданы суду. Указанные обстоятельства нередко способствуют принятию мер по сокрытию следов преступной деятельности вплоть до физической ликвидации так называемых членов террористической группы. В этом случае расследование умышленного убийства или покушение на него может привести к возможности раскрытия рассматриваемых нами преступлений. Следственная ситуация начального этапа расследования может указать на основную причину совершенного деяния.

В-четвертых, в значительной степени или полностью неблагоприятная: основной костяк преступной группы задержан работниками правоохранительных органов. Руководитель организованной преступной группы предпринимает активные меры по нейтрализации информации, совершает значительные ошибки, позволяющие

его задержать или отказаться от преступного замысла. Указанные обстоятельства часто приводят к созданию благоприятной следственной ситуации начального этапа расследования и в то же время к ее осложнению.

Результаты указанной оценки ситуаций обычно существенным образом влияют на ход, интенсивность преступной деятельности и степень ее значимости. Соответственно это оказывает влияние на характер возникающей первоначальной информации. Как нам представляется, своеобразие обстановки совершения преступления, в той или иной мере определяют способ террористического акта, его механизм, а также различного рода отклонения в поведении руководителя преступной группы, существенным образом влияют на объем и важность криминалистической информации, могущей быть выявленной в период расследования.

При заранее обдуманном плане совершения террористического акта, как правило, создаются лжегруппы. Далее происходит процесс планирования их преступной деятельности вплоть до переправки (транспортировки) в различные регионы в целях отвлечения внимания правоохранительных органов от основной организации.

Непосредственное совершение данного преступления выражается в следующих действиях организатора:

1) вложением через посредников денежной массы в коммерческие и другие банки с последующим их получением или вложением в банки зарубежных государств;

2) возмещением причиненных убытков членам группы или представителям их семей;

3) оплатой поездок за рубеж в целях изучения обстановки с последующим изменениями в планах;

4) покупкой физическим лицом недвижимости, в том числе и автомобилей для проживания и беспрепятственного передвижения;

5) внедрение членов группы в различные диаспоры, сформированные как по национальному признаку, так и по экономическому;

6) внедрение членов группы под видом иммигрантов (переселенцев), в том числе и получение вида на жительство;

7) создание подпольной сети банков для организации и функционирования конкретной террористической группы;

8) расширение численности террористической группы за счет привлечения иммигрантов, в том числе и потерявших работу.

Опрос лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершенные преступления,

свидетельствует о том, что на данном этапе они были готовы к следующим действиям: а) избавлению от нежелательного свидетеля; б) недопущению принятия жертвой каких-либо мер сопротивления; в) оказанию сопротивления работникам правоохранительных органов и охранных структур в момент задержания, ареста и т. п.; г) избавлению от соучастников преступной группы. А в период предварительного расследования предпринимались попытки: а) к отказу от дачи показаний; б) предлагалось вознаграждение следователю или дознавателю; в) осуществлялось запугивание как следователя, так и его родственников; г) реализовывалась предварительная договоренность подозреваемых; д) предлагалось вознаграждение потерпевшим и свидетелям, в том числе их запугивание; е) проводились другие действия в отношении родственников участвующих в расследовании субъектов.

Кроме того, как свидетельствуют результаты исследования, проведенного И.М. Дьяченко, «...более половины всех возбужденных уголовных дел на участников организованных преступных формирований, имеющих коррумпированные связи в органах власти и управления, не доходят до суда» [3: 324–325]. Во время судебного разбирательства отмечалось следующее: а) предполагалась передача (через адвоката) вознаграждения судье; б) заявлялось о ведении предварительного расследования с нарушением конституционных прав и действующего законодательства; в) оказывалось психологическое и физическое воздействие на субъектов, участвующих в судебном разбирательстве.

В то же время некоторые подозреваемые (обвиняемые) предпринимали попытки оказать противодействие указанными способами на всех перечисленных этапах в зависимости от наступления желаемого результата.

Отсюда наступательные и защитные функции применения всех разрабатываемых мероприятий, направленных на раскрытие, расследование и предотвращение террористических актов имеют две стороны: *внешнюю*: а) содействие розыску объектов, данные о которых имеются в правоохранительных органах; б) информационное криминалистическое сопровождение процесса раскрытия, расследования и предупреждения преступлений на всех этапах правоприменительной деятельности; в) разработка, наполнение и совершенствование информационных картотек и достижение максимальной эффективности используемых из базы данных; д) защита всех участников расследования от противоборствующей

стороны; *внутреннюю*: а) предоставление всем лицам, участвующим в розыске и установлении лиц, совершивших преступление, необходимой ориентирующей и справочной информации; б) познание каждым участником расследования своего предмета, без чего немыслимо достижение «внешней» стороны; в) сбор и накопление необходимых данных о субъекте и интересуемом объекте преступления; г) достижение максимальной эффективности и оперативности поступающей информации как о преступлении в целом, так и об его отдельных элементах; д) расширение круга предоставляемых услуг членам следственно-оперативной группы со стороны работников не только правоохранительных органов, но и государственных структур; е) правовое обеспечение проведения процессуальных действий в отношении лица (лиц), совершившего преступление.

Каждый из этих элементов может иметь самостоятельное значение, а в совокупности выполнять задачи, необходимые в работе по уголовному делу.

Для каждого из перечисленных способов характерны соответствующие признаки, несущие в себе информацию о механизме преступления, хотя и он также зависит от выбранного преступником конкретного способа.

Поэтому после возбуждения уголовного дела необходимо наиболее полно установить комплекс обстоятельств, подлежащих доказыванию. Вместе с тем необходимо отметить, что предмет доказывания по каждому конкретному уголовному делу, при наличии общих черт, отличается своеобразием и индивидуальностью, что следует учитывать при проведении предварительного следствия по рассматриваемой категории уголовных дел.

Из приведенного анализа можно заключить, что в этой системе элементарной единицей описания является «действие» конкретного субъекта, которое несет волевою, психологическую, а также информационную нагрузку. Поэтому способ совершения террористических актов, во-первых, имеет одни и те же цели, во-вторых, применяется во взаимосвязи и взаимозависимости с подготовкой и сокрытием, хотя и имеет разрыв во времени; в-третьих, следы, оставляемые в результате подготовки и сами действия при ее осуществлении конкурируют между собой, что используется для выявления негативных обстоятельств и установления виновного; в-четвертых, информация, полученная как при осмотре, так и в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий реализуется при построении алгоритма расследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белкин, Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике / Р.С. Белкин. – М.: Юрид. лит., 1988. – С. 215.
2. Бушуев, Г.В. Способ совершения преступления и его влияние на общественную опасность: лекция / Г.В. Бушуев. – Омск: ВШ МВД СССР, 1988. – С. 13–19.
3. Дьяченко, И.М. Организация и тактика деятельности оперативных служб органов внутренних дел по борьбе с организованной преступностью в сфере экономики (Вопросы теории и практики): дис. ... д-ра юрид. наук / И.М. Дьяченко. – М., 1993. – С. 324–325.
4. Зуйков, Г.Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления : автореф. дис ... д-ра юрид. наук / Г.Г. Зуйков. – М., 1970. – С. 10.
5. Кудрявцев, В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования / В.Н. Кудрявцев. – М., 1998. – С. 112.
6. Кудрявцев, В.Н. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение / В.Н. Кудрявцев // Советское государство и право. – 1957. – № 8. – С. 71.
7. Мальцев, В.В. Категория «Общественно-опасное поведение» в уголовном праве / В.В. Мальцев. – Волгоград: Юрид. ин-т МВД РФ, 1995. – С. 75–89.
8. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М., 1964. – С. 747.

ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ СЕМЬИ И ЕЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

А.В. Винокурова

Винокурова Анна Викторовна – старший преподаватель кафедры социальных технологий, декан факультета социальных коммуникаций филиала Дальневосточного государственного технического университета (г. Находка).

В данной работе рассматриваются главные тенденции в развитии семьи как социального института во взаимосвязи с процессами изменения ее ценностных ориентаций в контексте общественных трансформаций. В ходе общественного развития достаточно четко прослеживается переход от патриархальной (традиционной) семьи к детоцентристской (современной) и от детоцентристской (современной) к супружеской (постсовременной). Соответственно в представленной статье освещаются вопросы, связанные с характеристикой указанных типов семьи и их ценностных ориентаций. Основное внимание уделено анализу факторов, обуславливающих трансформацию ценностных ориентаций семьи, и социальных последствий изменения этого института в целом.

Ключевые слова: социальные институты – институт семьи – ценностные ориентации семьи – типология семьи – трансформация семьи.

Изучение семейной проблематики является одним из наиболее актуальных направлений современной социологической науки. Этот институт общества, обеспечивающий своим членам физическую, экономическую и социальную безопасность, выступает одновременно и важнейшим инструментом социализации личности. Благодаря семье происходит историческая трансляция культурных, этнических, нравственных ценностей. При этом семья, оставаясь наиболее устойчивым и консервативным элементом социума, развивается вместе с ним. В связи с изменением способа производства и коммуникации в социуме постоянно меняются и отношения между семьей и обществом.

Состояние института семьи всегда отражает уровень развития общества и зависит от исторического контекста. Наиболее архаичной из известных науке типов семьи является патриархальная семья, которая существовала в эпоху феодализма. В качестве главных особенностей этого исторического периода, определяемого как доиндустриальное (традиционное) общество, следует обозначить: основной производственный ресурс, которым являлись первичные условия производства, сырье; тип производственной деятельности, характеризующийся как добыча; тип базовых технологий, определяемых как трудоемкие.

Исходя из указанных признаков Д. Белл сформулировал положение, согласно которому доиндустриальное общество базируется на взаимодействии человека и окружающей его природы. Это означает, что рабочая сила занята преимущественно в добывающей промышленности: сельском и лесном хозяйстве, горном деле и рыболовстве. Человек использует грубую мускульную силу, и его восприятие окружающего мира

формируется под влиянием природных условий определенной местности – смены времен года, плодородия почвы, запасов воды, глубины залегания полезных ископаемых и т. д. Жизненные ритмы определяются обстоятельствами, которые невозможно предвидеть [6: 132].

В пределах традиционного общества складываются и функционируют преимущественно естественные по форме сообщества людей. Отмечая данный факт, следует обратить внимание на характер личностных взаимоотношений, типичных для этого исторического периода. В доиндустриальном обществе важнейшим аспектом социальной связи была имитация действий других людей, которая предполагает использование унаследованных от предыдущих поколений методов, что, в конечном итоге, определяет свойства всех элементов социальной структуры, в том числе и семьи.

В традиционной семье, которая являлась в этот период ее основным типом, преобладали родственные отношения, в которых с достаточной очевидностью прослеживалась зависимость жены от мужа, а детей от родителей. Такое положение находит свое отражение в основном принципе семейных взаимодействий – это иерархизм и неравенство членов семьи. Малейшее нарушение этих принципов приводило к неотвратимым санкциям, поэтому на протяжении многих веков в такой семье господствовала авторитарная система отношений.

Женщина в этот период по преимуществу отвечала за естественное воспроизводство поколений, а мужчина – за культурное воспроизводство. Роль транслятора навыков и образцов, т. е. собственно человеческого опыта, предопределила господствующее положение мужчин в обще-

стве. Главенство мужа практически осуществлялось за счет сосредоточения в его руках экономических ресурсов и принятия основных решений, что способствовало жесткому закреплению внутрисемейных ролей. Общие интересы семьи, как их понимали старейшины, не просто главенствовали, они являлись некой абсолютной ценностью, при этом индивидуальные интересы отдельных членов семьи в расчет не принимались.

Суммируя вышесказанное, можно выделить следующие фундаментальные признаки патриархальной семьи.

Во-первых, это семейная экономика. Понятия «семья» и «экономика» были неразделимыми, производственные отношения существовали в форме семейных, семейные проблемы были продолжением вопросов собственности и труда. Дети благодаря существовавшим культурным нормам возрастного старшинства рассматривались одновременно и как находящиеся на содержании, и как работники. Взрослые также были зависимы от своих детей, нуждаясь в их экономической поддержке в старости, и поэтому уделяли огромное внимание успешной передаче экономических ресурсов семьи следующим поколениям.

В качестве еще одного признака, следует отметить неразрывную связь существования семьи с формами хозяйствования на земле. Для семьи патриархального типа земля была не только всеобщим базисом производства, но и основой, на которой держалась вся жизнь семьи. Это означает, что землевладение делало семью важнейшей хозяйственной ячейкой общества, следовательно, создавались условия для жизнеобеспечения всех членов семьи. В традиционном обществе семья являлась главным производителем материальных благ, и, следовательно, основным гарантом выживания индивида.

Подобная взаимосвязь, когда благополучие каждого определяется благополучием всей семьи, способствовала доминированию отношений родства, упрочению многообразных родственных связей. Соответственно можно обозначить третий признак патриархальной семьи – власть родственных отношений, которая выступала в качестве доминанты общественной жизни в традиционном социуме.

Еще одним критерием патриархальной семьи является широкое распространение многодетности. Установки личности на многодетность укреплялись благодаря нормам всеобщей и ранней брачности, пожизненного брака и удлинения периода деторождения, запретам на предупреж-

дение и прерывание беременности, на разводы. Многодетность напрямую влияла на увеличение численности семьи, что, в конечном счете, определяло ее могущество и благосостояние ее отдельных членов.

Наконец, отличительным свойством патриархальной семьи выступала мощная власть межпоколенных связей. Возраст был основным агентом социального контроля, при котором старшие поколения, используя свое право распоряжения ресурсами семьи, отстаивали и увеличивали статус и власть.

Эти фундаментальные признаки – семейная экономика, нераздельная связь с землей, власть родственных связей, многодетность и приоритет старших поколений, определяют характер ценностных ориентаций, свойственных патриархальной семье.

В традиционной семье главенствующее место занимает сохранение ее целостности. Следовательно, на первый план выдвигаются ориентации на ценности долга, семейной ответственности, детей как залога благополучной старости родителей, авторитета родителей и старших родственников. Соответственно основным компонентом ценностных ориентаций патриархальной семьи являлась их преимущественная направленность на кровное родство, поддержание родственных уз.

В целом для доиндустриального общества характерен родственно-семейный уклад организации жизни, где существует взаимная дополнительность семейных и производственно-хозяйственных ролей супругов, родителей и детей, других родственников, зависимость личного статуса от семейно-родственных связей.

В традиционном социуме семья и сообщество были объединены в одно целое производственной ячейкой. Но по мере перехода от феодальных отношений к капиталистическим стали происходить экономические и социальные изменения, стимулирующие и перемены в семейной жизни.

В индустриальном (современном) обществе по сравнению с доиндустриальным (традиционным) качественно изменились все основные социально-экономические характеристики. Основным производственным ресурсом этого общества является энергия, доминирующим типом производственной деятельности становится изготовление, а характер базовых технологий определяется как капиталоемкий. Это означает, что главной движущей силой перехода от традиционного к индустриальному обществу выступает совершенствование форм и методов материального

производства, повышение производительности труда. Индустриальное общество строится на взаимодействии человека с преобразованной им природой, что подразумевает осознанную активность, определяемую материальными интересами и направленную на преодоление факторов, препятствующих достижению человеком его материальных целей. Распространение получают технологические сообщества людей, основное значение приобретает усвоение знаний и возможностей прошлых поколений, порожденное взаимодействием индивидов в процессе создания материальных благ. Процесс производства является основным содержанием социальной жизни.

Вышеуказанные изменения определяют основные черты современного общества, а, значит, и его базовых институтов, в том числе и института семьи.

С возникновением и развитием промышленного производства разделение труда в доме и на работе усилилось, а величина семьи уменьшилась. Как указывают Дж. Л. Томпсон и Дж. Пристли, укрепилось представление о женщинах как «естественно опекающих» и о мужчинах как «кормильцах», семья стала частной сферой, отделенной от более социальных сфер – работы, политики и общественной жизни [8: 181].

Со второй половины XIX в. в большинстве индустриально развитых стран широкое распространение получила детоцентристская семья, которой присуще возвышение роли частной жизни, интимности и ценности детей. Супруги осознают необходимость регулировать сроки и частоту зачатий, в силу чего репродуктивный период ограничивается пределами 5–10 лет и рождением 1–2 детей [3: 112]. Обычай многодетности постепенно исчерпывает себя, решение о количестве детей принимают по преимуществу сами супруги, а возможности внешнего давления предельно малы, поэтому можно говорить о приобретении социализацией иного смысла.

Во-первых, нарушаются горизонтальные отношения. В семье либо нет брата (сестры), либо есть, но того же пола, мало кузенов и с ними вследствие социальной мобильности редко или вовсе никогда не контактируют.

Во-вторых, желанный ребенок превращается в объект родительской заботы и стойкой привязанности. Это означает, что в детоцентристской семье имеет место гиперопека над детьми со стороны родителей. Молодое поколение пользуется намного большим числом материальных и духовных благ, чем в патриархальной семье. Дети, по словам большинства родителей – главный смысл семьи.

По данным американского исследователя К. Леш, в большинстве семей дети как объект и вид деятельности стоят на первом месте среди других форм проведения свободного времени (общение с друзьями, спорт, общение с родственниками). При этом они обеспечивают высокую степень удовлетворенности досугом. По мнению большинства супругов, совместное проведение свободного времени с детьми оказывает положительное влияние на микроклимат семьи, повышает жизнестойкость, несмотря на то что дети сами по себе являются стрессовым фактором [5: 47].

Повышение материальной и духовной заботы о детях – явление в целом позитивное, хотя может приводить и к негативным последствиям. Так, одним из результатов воспитания в такой семье могут быть дети-невротики. Однако это не уменьшает положительного значения трансформации патриархальности в сторону детоцентризма, к тому же данный тип семьи больше базируется на личностном выборе супругов.

Следует отметить, что распространенность детоцентристских семей в современном социуме является следствием широкого вовлечения женщин в производственную деятельность общества и роста образовательного и квалификационного уровня населения. В целом данное обстоятельство можно объяснить и тем, что дети перестают быть гарантией обеспеченной старости родителей. Следовательно, заинтересованность семьи в детях обусловлена не экономической, а нравственно-эмоциональной потребностью. Семьи и индивиды имеют потребность преимущественно в одном ребенке, а не в детях. Соответственно средства и силы, которые они считают необходимым вложить в этого ребенка, резко возрастают.

Таким образом, в детоцентристской семье смыслом ее существования становится ребенок. Доминирующими являются отношения порождения, их преобладание и характер служат критерием, определяющим ценностные ориентации современной семьи.

Центральное место в ценностях детоцентристской семьи имеют ориентации на родительство – принятие социальных ролей матери и отца, а также рождение определенного числа детей.

Данные ценностные ориентации проявляются в том, что осознанно проводится позитивный и не только количественный (планирование зачатия), но и качественный принцип детоцентризма. Родители осуществляют по преимуществу культурную инвестицию в детей (частные дошкольные группы, престижные учебные заведения, музыкальные, языковые и прочие кружки), питая

надежду на осуществление нереализованных ими ценностей и потребностей.

Преобладание детоцентристской семьи в индустриальном обществе подтверждается исследованиями С.И. Голода (Ленинград, 1981), который отмечает преимущественное распространение детоцентристской модели семьи среди всех страт населения. Повторный опрос, проведенный им через 10 лет, зафиксировал дальнейшее расширение этих границ [2: 103–107].

Этот факт отмечается и зарубежными авторами. Так, С. Вествуд и К.-К. Бхашу утверждают, что в афро-карибских, азиатских и киприотских семьях, проживающих в Великобритании, «дети желанны и высоко ценятся, а отношения между детьми и родителями являются теплыми и очень близкими» [8: 204]. Данное обстоятельство позволяет предполагать, что детоцентристская модель семьи распространена достаточно широко, и этнический фактор не является барьером для ее развития.

В то же время в работах многих авторов отмечается, что современная (детоцентристская) семья претерпевает значительные изменения, которые связаны с переходом от индустриального к постиндустриальному обществу. Постиндустриальное общество противостоит индустриальному по трем, выделенным выше важнейшим параметрам. Во-первых, это основной производственный ресурс. В постсовременном обществе им является информация, т. е. знание (как теоретическое, так и прикладное), которое приобретает исключительно важную роль в производственном процессе.

Во-вторых, главной характеристикой постиндустриального общества является тип производственной деятельности. На этом историческом этапе ее основное содержание составляют социально-технологические процессы, что предполагает снижение роли материального производства и развитие сектора услуг.

В качестве еще одного параметра постсовременного общества следует отметить характер базовых технологий, которые в постиндустриальном социуме определяются как наукоемкие. Это значит, что внедрение нововведений во все более зависит от достижений теоретического знания.

Можно сказать, что для постсовременного общества в процессе трудовой деятельности характерным становится проявление творческой активности. Важное значение приобретает развитие способностей человека, наблюдается преоб-

ладание субъект-субъектных взаимодействий между людьми, что и определяет новые свойства всех элементов социальной структуры.

Это утверждение вполне справедливо и в отношении семьи постиндустриального общества. Наиболее распространенной в эпоху постиндустриализма (вторая половина XX – начало XXI вв.) является супружеская семья.

Супружеская семья – наименее стереотипизированное образование. В этой модели преимущественная направленность взаимодействий определяется отношениями свойства. Согласно точке зрения С.И. Голода, свойство – явление не институциональное по характеру связи, оно выражается в личном взаимодействии мужа и жены, которое регулируется моральными принципами и поддерживается имманентными ему ценностями [2: 147]. Следовательно, главная особенность данного типа состоит в том, что основополагающие семейные ценности формируются во взаимодействиях мужа и жены и лишь впоследствии становятся естественной базой для родственных отношений.

При этом супружеская семья не сводима только к отношениям свойства. Безусловно, значимыми остаются родство и порождение, однако, в традиционной семье, где доминировали родственные взаимодействия, они носили авторитарный характер, поскольку благополучие каждого определялось благополучием всей семьи. В семье индустриального общества, для которой ведущими являются отношения родителей и детей, последние связаны с экономической зависимостью детей от родителей. В свою очередь, супружеская семья предоставляет возможности для отказа от подчиненных отношений и раскрытия широких возможностей взаимодействия по всем структурным составляющим: муж – жена, родители – дети, супруги – родственники, дети – прародители. Данное обстоятельство способствует целенаправленному формированию индивидуальности человека, способного самостоятельно принимать ответственные решения. Супруги отказываются безоговорочно подчинять собственные интересы интересам детей, других родственников, сексуальность не сводится к прокреации, а эротизм выступает основным моментом постсовременной семьи.

В индивидуальных представлениях о семье начинает преобладать ориентированность на сексуальное партнерство, товарищество, на дли-

тельное сожительство партнеров (супружество) и совместное ведение домашних дел.

Другими словами, отношения свойства, являясь основой семейной жизнедеятельности в постиндустриальном обществе, конституируют характер ценностных ориентаций постсовременной семьи, которые в основном сводятся к ориентациям на супружество, включая ориентацию как на сам брачный статус, так и на брачного партнера.

В этом ключе определенный интерес представляют результаты исследований С.И. Голода (Санкт-Петербург, 1994). По его мнению, важнейшим показателем субъективной ценности супружества для респондентов является мотивация вступления в брак. Наиболее часто такими мотивами оказывались любовь и общность интересов, взглядов, позитивные взаимоотношения, включающие доверие, уважение и взаимопомощь, а также мотивы избавления от одиночества [4: 196].

Б.И. Говако, исследовавший ценности супружества в среде студенческой молодежи, приводит следующие данные. Среди девушек 58,6 % указали «любовь, влечение», 15,8 % – общность интересов, притягательные черты характера, 7 % – случайность, 3,4 % – вероятность скорого рождения ребенка и 2,6 % – материальную обеспеченность будущего супруга [1: 95].

Другие исследователи, в частности С.В. Ковалев, обращают внимание на то, что отношения в семье индивидуализируются, становятся партнерскими. Меняются традиционные гендерные экспектации: оба партнера ожидают друг от друга проявления традиционных «женских» качеств, таких как чувствование и экспрессивность [7: 53].

Таким образом, в постсовременной модели семьи наблюдается приоритетность ценности супружества, при сохранении ценности родительства и частичной девальвации ценности родства.

В целом исторические тенденции, присутствующие процессу модернизации общества, привели в индустриально развитых странах к прекращению стабильности и устойчивости расширенной семьи многодетного типа. В дальнейшем, по мере перехода к постиндустриальному обществу, суть произошедших с семьей изменений можно охарактеризовать как преобразование горизонтальных отношений с установлением равноправия и эмоционального созвучия мужа и

жены, с одной стороны, и появлением новых вертикальных отношений, исключающих зависимость детей от родителей, с другой. Изменились не только межличностные отношения супругов, родителей и детей, отношения с родственниками, но и сам облик семьи, структура ее ценностных ориентаций.

Применительно к ценностным ориентациям постсовременной семьи это означает, что в большинстве семей преобладает направленность прежде всего на эмоциональные отношения и интересы. Семья для человека становится сферой удовлетворения потребностей в общении, эмоциональном контакте, признании, самореализации.

Безусловно, проблема изменения ценностных ориентаций семьи имеет самые разнообразные последствия как для самой семьи и ее членов, так и для общества в целом.

Позитивной тенденцией является смещение ориентаций на супружество, становление «брачной семьи», превращение ее в самую интимную группу, обладающую близко разделяемым чувством солидарности и отвечающую глубоким, взаимно требовательным личным потребностям. Соответственно задачи семейной политики постсовременных государств состоят в том, чтобы ускорить объективный ход событий, завершить процессы «модернизации» в семейной сфере, акцентировать внимание на стабильности семьи и характеристиках внутрисемейного взаимодействия.

В то же время семейные изменения включают и некоторые негативные для социального воспроизводства явления, связанные с постепенной переориентацией населения с ценностей семьи с несколькими детьми, основанной на стабильном браке, на ценности внесемейные, отражающие устремления людей к индивидуальным достижениям во внесемейной сфере жизнедеятельности, прежде всего к статусным.

Таким образом, изменения в сфере семейно-брачных отношений характеризуются возрастанием сложности, разнообразия и противоречивости в ценностных ориентациях. Вовремя получить хорошее образование, достигнуть высокого уровня квалификации и соответствующего материального статуса, чтобы самостоятельно и достойно содержать семью, дать детям образование, самому испытать удовлетворение и удовольствие от того, что ты имеешь прочное социальное положение, – вот основные приори-

теты, определяющие этапы жизненного пути человека в современном обществе.

В то же время исследование, проведенное Центром изучения социокультурных изменений ИФ РАН в рамках всероссийского социологического мониторинга «Наши ценности и интересы сегодня» в 2002 г., показало, что семья является наиболее значимой для россиян ценностью. Так, 72,8 % опрошенных поставили ее на первое место. К этому можно добавить, что большая часть населения нашей страны (54 %) видит свое главное предназначение в том, чтобы состояться как родителям, дать своим детям надлежащее воспитание и обеспечить им достойное существование.¹

Это свидетельствует о том, что люди по-прежнему ценят семью как неотъемлемую часть своей индивидуальной судьбы. Общечеловеческая значимость семьи, безусловно, сохраняется. Отношения «муж – жена», «родители – дети», «братья – сестры» и т. д. остаются естественными и жизненно необходимыми для каждого человека. Ценности семьи, родительства и супружества уникальны и не могут быть заменены никакими другими.

ЛИТЕРАТУРА

1. Говако, Б.И. Студенческая семья / Б.И. Говако. – М. : Мысль, 1988. – С. 95.
2. Голод, С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ / С.И. Голод. – СПб. : Питер, 1998. – С. 103–107.
3. Голод, С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ / С.И. Голод. – СПб. : Питер, 1998. – С. 147.
4. Голод, С.И. Современная семья: плюрализм моделей / С.И. Голод // Социологический журнал. – 1996. – № 3–4. – С. 112.
5. Голод, С.И. Состояние и перспективы развития семьи / С.И. Голод, А.А. Клецин. – СПб. : Питер, 1994. – С. 196.
6. Елизаров, А.Н. К проблеме поиска интегрирующего фактора семьи / А.Н. Елизаров // Вестник МГУ. – 2003. – № 1. – С. 47. (Серия 14. Психология)
7. Иноземцев, В.Л. Новая постиндустриальная волна на Западе / В.Л. Иноземцев. – М. : Академия, 2000. – С. 132.
8. Ковалев, С.В. Психология современной семьи / С.В. Ковалев. – М. : Просвещение, 1988. – С. 53.
9. Томпсон, Дж. Л. Социология / Дж. Л. Томпсон, Дж. Пристли. – М. : ООО Фирма Изд-во АСТ, 1998. – С. 181.
10. Томпсон, Дж.Л. Социология / Дж.Л. Томпсон, Дж. Пристли. – М. : ООО Фирма Изд-во АСТ, 1998. – С. 181.

¹ <http://socis.isras.ru>

ИССЛЕДОВАНИЕ МОЛОДЕЖИ КАК СУБЪЕКТА СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

С.Н. Шелепова

Шелепова Светлана Николаевна – преподаватель Хабаровского педагогического колледжа.

В статье рассмотрены основные методологические подходы к изучению молодежи как субъекта социальных отношений. Проанализированы социальные проблемы молодежи в изменяющемся обществе, описаны критерии дифференциации молодежных когорт.

Ключевые слова: молодежь, субъект социальных отношений, социальная группа, молодежные когорты.

Современное российское общество переживает сложный переход от советского и постсоветского к гражданскому обществу, успешность которого в немалой степени зависит от социальной активности молодого поколения. Именно этим обстоятельством объясняется наше обращение к теме молодежи, у которой под влиянием таких факторов современного цивилизационного развития общества, как урбанизация, акселерация, информатизация, сдвинулись возрастные границы социальной активности в сторону омоложения, о чем свидетельствует увеличение на постсоветском пространстве количества молодых людей, выступающих в роли удачливых менеджеров, руководителей финансовых, промышленных структур, известных политиков, представителей верхних эшелонов исполнительной власти [10: 5].

Молодежь является социальной группой, оказавшейся в последнее время в фокусе внимания многих наук, каждая из которых определяет собственные границы ее изучения [7: 66].

По поводу определения молодежи, критериев выделения в самостоятельную социальную категорию, возрастных границ ведется давняя полемика между учеными. Существуют разные подходы к объекту изучения, а также классификационные традиции, сформировавшиеся в тех или иных научных школах [12: 51].

Проанализировав исследования зарубежных и отечественных ученых по теории молодежи, можно выделить некоторые методологические подходы в ее изучении.

Психоаналитическое направление основывается на идеях З. Фрейда, Р. Бенедикта, Л. Фойера, Л. Шелеффа, Э. Эриксона. В рамках данного направления сформировался системный взгляд на развитие личности, особенно в переходный период от детства к зрелости. Преодолев биологизм Фрейда, исследователи изучали этот процесс с учетом влияния разнообразных социальных факторов, а не только психофизиологических. Исследователи разрабатывали теорию

«эдипова комплекса», помогающую объяснить проблемы межпоколенческих конфликтов, агрессивности и массовых выступлений молодежи на Западе, в основе которых лежал бунт молодежи против старшего поколения, существующих норм и порядков [1: 7].

Л. Фойер утверждал, что «конфликт поколений – универсальная тема человеческой истории. Он основывается на самых изначальных чертах человеческой природы и является, может быть, даже более важной движущей силой истории, чем классовая борьба... История всех до сих пор существовавших обществ есть история борьбы между поколениями» [14: 527].

В этом же контексте работали отечественные социологи Л. Архангельский, С. Иконникова, И. Кон, В. Лисовский, В. Ольшанский, Д. Фельдштейн и др. Накопленный опыт и знания послужили толчком в 1970-е гг. к комплексному исследованию социализации молодежи, ее различных социальных групп. Благодаря аналитическому подходу удалось приоткрыть глубинные пласты молодежного сознания, понять особенности молодой личности, способствовать ее самореализации и преодолению социального отчуждения. Дальнейшее развитие данного направления было связано с освоением принципов «понимающей социологии», что позволило полнее раскрыть индивидуальность молодого человека [9: 11].

Структурно-функциональное направление, с точки зрения которого молодежная группа рассматривается как система позиций, заполняемых индивидами с целью приобретения соответствующего социального статуса и исполнения определенной социальной роли. Странники этого направления делают акцент на анализе межпоколенческого взаимодействия (Ш. Айзенштадт, «От поколения к поколению»), «сексуальной революции» (В. Райх, Г. Маркузе), «конфликте поколений» (Д. Белл, Э. Фромм, Р. Мертон). Особое внимание уделялось тенденциям форми-

рования молодого пополнения различных социальных классов и слоев социалистического общества, проблемам освоения молодыми людьми социальных ролей. Значительный вклад в это направление внесли социологи В. Боровик, В. Васильев, А. Капто, А. Колесников, В. Мансуров, Л. Рубина, В. Староверов, С. Фролов, В. Шубкин и др. Они изучали тенденции формирования молодого пополнения рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции, его социальное положение, трудовую и общественную активность, а также проблемы несоответствия профессионального статуса и квалификационной подготовки уровню образования и материального обеспечения.

Культурологическое направление, для которого характерно рассмотрение социальных явлений под углом зрения феноменологии человеческой культуры. Социологи этого направления стремятся осмыслить мир молодежи через процесс отражения в определенных типах культуры, преобладающим становится анализ молодежных субкультур, молодежного образа и стиля жизни, жизненных планов молодежи. Достоинством этого подхода является возможность системного изучения проблем разных поколений молодежи.

Поколение – это целостная социально-демографическая группа, характеризующаяся схожими условиями социализации и формированием жизненного опыта, общностью выполняемых ролей и функций, доминирующими ценностями и установками, социально-психологическими характеристиками, образом жизни. Классическим образцом культурологического направления являются работы немецкого социолога К. Маннгейма. Исследуя феномен поколенческого единства, К. Маннгейм раскрыл механизм социального наследования и передачи материального и культурного опыта от старших младшим поколениям. Смена поколений – универсальный процесс, основанный на биологическом ритме человеческой жизни, вследствие которого «а) в культурном процессе появляются новые участники, тогда как б) старые участники этого процесса постепенно исчезают; в) члены любого данного поколения могут участвовать только в хронологически ограниченном отрезке исторического процесса; и г) необходимо поэтому постоянно передавать накопленное культурное наследие; д) переход от поколения к поколению есть последовательный процесс» [13: 292].

Взаимное отчуждение, конфликты между по-

колениями возможны в периоды смены социального устройства общества, кризисов и социальных перемен. Они в свою очередь порождают кризис сложившегося механизма преемственности в передаче культуры, ценностей, социального опыта.

Современные исследователи выделяют различные типы поколений:

– демографическое поколение – реальные возрастные когорты, группы сверстников, родившиеся в одно и то же время;

– генеалогическое – охватывают генеалогическое дерево родственников, происходящих от общего предка (прабабушка, бабушка, мать, дети; прадед, дед, отец, дети);

– символическое – поколение современников, живущих в определенное историческое время, связанное общими историческими событиями, объединенное общностью судьбы, схожими переживаниями;

– историческое поколение – выделяют на основе шага поколения (среднего возраста между родителями и детьми). Выделяют поколение детей, родителей, прародителей.

– хронологическое – возрастная группа, живущая и активно действующая в конкретный период времени [1: 9].

Американский антрополог Маргарет Мид, изучая закономерности процесса социализации детей в архаичных культурах, сделала вывод об отсутствии в нем специфических конфликтов подросткового возраста, характерных для современного общества. Связывая межпоколенные отношения с темпом общественного развития и типом семейной организации, Маргарет Мид разграничила три типа культур и три типа механизма преемственности:

– постфигуративная культура – преобладает в традиционном обществе, ориентированном на опыт прежних поколений и традиции. Дети перенимают традиции, обычаи, установки и ценности своих родителей, изменения в обществе происходят медленно и незаметно;

– кофигуративная культура – характерна для современных обществ, с преобладанием нуклеарных семей с одним-двумя детьми. Дети прежде всего осваивают ценности и нормы своих сверстников и референтных групп. Ценности молодежной субкультуры оказываются для них более значимыми, чем ценности родителей, и оказывают серьезно влияние на формирующуюся личность;

– префигуративная культура – формирующаяся культура будущего, когда дети вырабатывают новые ценности и нормы поведения. Старшие поколения прислушиваются к молодежи, а

порою и учатся у нее [5: 323].

Своими исследованиями М. Мид показала зависимость межпоколенных отношений от темпов научно-технического и социального развития общества и подчеркнула, что межпоколенная трансмиссия культуры включает в себя информационный поток не только от родителей к детям, но и интерпретацию современной ситуации и культурного наследия молодежью, что оказывает позитивное влияние на старшее поколение.

Социологи, изучающие состояние отношений «отцов» и «детей» выделяют различные их виды: сотрудничество (отношения, основанные на принципах взаимоуважения и взаимопонимания); соперничество (отношения, основанные на конкурентной борьбе младших и старших поколений); воздействие взрослых на молодежь (отношения, основанные на социальном контроле взрослых за молодежью, когда молодежь рассматривается взрослыми, как объект и субъект воспитательного воздействия); сосуществование (изолированные друг от друга культуры взрослых и молодежи, характеризующиеся взаимонепониманием).

Идеи и методологию данного подхода применили в исследовании молодежных проблем В. Боровик, В. Добрынина, Л. Коган, В. Култыгин, В. Немировский, Е. Слуцкий, В. Харчева и др. [9: 13].

Дальнейшее развитие отечественной социологии молодежи связано с изучением молодежи как субъекта общественной жизни, ее интересов и потребностей. В социологии молодежи в 60–80-е гг. XX века прочно установился проблемный подход, и исследователи чаще ориентировались на объективный анализ ситуации в молодежной среде. Это направление заложило реальную основу для становления социологии молодежи как особой научной отрасли. Авторы коллективной монографии «Социология в России» выделили несколько наиболее известных школ отечественной социологии [8: 339].

1. Комсомольские исследования молодежи (И.М. Ильинский и др.) – исследования эффективности работы комсомола по формированию нравственности и коммунистическому воспитанию молодежи, ее активной жизненной позиции.

2. Исследования В.И. Шубкина (Новосибирск, Москва) – изучение социальных ожиданий молодого поколения, профессиональных ориентаций и выбора профессии, жизненных планов и путей молодежи в социалистическом обществе.

3. Исследования Ф.Р. Филиппова, М.Н. Руткевича (Свердловск, Москва) – изучение жиз-

ненных планов молодежи, роли образования как фактора социальных перемещений (социальной мобильности) и межпоколенческой мобильности.

3. Школа лонгитюдных исследований (М.Х. Титма и др.) – изучение жизненного пути поколения на отрезке от 17 лет до завершения социального становления на основе периодически повторяющихся опросов возрастной когорты 1965–1967 гг. рождения, выявление региональной и поселенческой дифференциации процессов жизненного самоопределения молодежи.

4. Ленинградская школа (И.С. Кон, В.Т. Лисовский, С.Н. Иконникова и др.) – изучение психологии юношеского возраста и молодежной субкультуры, типов жизнедеятельности молодежи (особенно студенческой, развития личности молодого человека). Основателем ленинградской школы является В.Т. Лисовский, руководитель первой лаборатории исследования проблем молодежи в НИИ комплексных социальных исследований Ленинградского университета.

5. Исследования молодежной субкультуры – изучение неформальных объединений и асоциальных молодежных группировок, отношения молодежи к ним и к явлениям субкультуры (Т.Б. Щепанская, Е.Л. Омельченко).

6. Современная проблематика изучения молодежи. Преобразования российского общества вызвало к жизни новые направления в области молодежных исследований, касающихся проблем трудоустройства молодежи и рынка труда, безработицы, актуальных направлений молодежной политики, политической социализации молодежи, социальной защиты молодых семей, стиля жизни молодых людей. Эти и другие темы успешно исследуются в Центре изучения занятости Института социологии РАН (Л. Колягина), новые формы потребительского поведения молодежи – сфера интересов В. Магуна, проблематика бездомных – В. Журавлева. Вопросы материального благосостояния и социальной защиты молодежи находят отражение в работах В.И. Чупрова в Институте социально-политических исследований РАН, изучение социально-дифференцирующих функций среднего и высшего образования продолжается В.Н. Шубкиным в Институте социологии РАН. В течение ряда лет в СПбГУ разрабатывается комплексная программа «Молодежь России», направленная на формирование социальной политики в отношении молодежи.

Дискуссия между учеными по поводу определения и уточнения понятия «молодежь», критериев выделения ее в самостоятельную группу, возрастных границ имеет свою историю и про-

должается в настоящее время [2: 8].

Молодежью большинство социологов считают часть населения в возрасте от 14 до 30 лет, характеризуемую современным образом жизни, участием в одном из видов жизнедеятельности, труда и являющуюся носителем и потребителем всех форм культуры [4: 236].

Категорией, позволяющей структурировать объект изучения, является понятие «когорты». Критериями ее выделения являются:

1) принятая в ювенологии периодизация взросления молодежи: дети подросткового возраста – 14–17 лет; юношеский возраст – 18–21 год; собственно молодежь – 22–29 лет;

2) групповая идентичность общности, сплоченной общими идеями, целями, желаниями.

Выделение когорт молодежи связано с психоэмоциональными особенностями возрастных групп и спецификой периода достижения физической и психоэмоциональной зрелости. Выделение когорт позволяет разбить периодизацию взросления на конкретные этапы, более четко определить цели и задачи социализации, повышается возможность выяснить степень освоения культурных ценностей и идеалов различными возрастными группами. Выделение когорт служит эффективным методом исследования социальных изменений молодежи [7: 68].

По мнению А.Л. Маршака, молодежь – социальная группа, которая отражает сложную дифференциацию социальной жизни современного общества. Молодежь в социологии обычно разделяют на следующие социально-психологические группы: а) выпускники неполных и средних школ, вливающиеся в ряды трудящихся; б) молодежь в возрасте от 16 до 19 лет, работающая в различных сферах хозяйства; в) в возрасте от 20 до 24 лет; г) от 25 до 30 лет – молодая интеллигенция.

Еще более полно содержание понятия молодежи может быть выражено в представлении о ней как социально-демографической группе общества, где в равной степени учитываются как возрастные психологические особенности, так и внутренняя социально-классовая дифференциация, специфичная для условий современной жизни.

Исходя из всего этого в категорию «молодежь» будем включать следующие группы молодого населения:

– производственные рабочие. Механизаторы, работники ферм, транспортники, строители в основном со специальным образованием на базе курсов и ПТУ;

– лица неквалифицированного и ручного

труда представляют еще довольно многочисленную и востребованную в обществе группу молодежи, пусть и вдвое меньшую, чем у людей старше 30 лет;

– техники, технический обслуживающий персонал. Активно растущая прослойка молодежи в условиях компьютеризации труда и появления новых профессий, связанных с обслуживанием современной техники;

– менеджеры, риэлтеры, агрономы, зоотехники, а также организаторы производства и специалисты сфер хозяйства. Эта группа достаточно многочисленна и по разным данным составляет 33–50 % молодого населения. В ней наиболее высок уровень среднего и высшего образования;

– научная и творческая интеллигенция – группа, в последнее время формирующаяся наиболее активно. К ней следует отнести медицинских работников, учителей и других работников народного образования, культуры. В этой группе самый высокий процент «утечки мозгов»;

– учащаяся молодежь. Группа неоднородна по своему возрастному составу и структуре. Это 1) школьники, обучающиеся в средних учебных заведениях; 2) учащиеся колледжей, лицеев, ПТУ; 3) учащиеся средних профессиональных и высших учебных заведений, обучающиеся заочно. Возрастные границы этой группы молодежи от 14 до 30 лет, и потребности людей здесь весьма разнообразны [4: 234].

Периодизация взросления в России является очень запутанной. В современной России фактическое равноправие молодежи с другими общественными группами определено в возрасте от 14 до 30 лет. При этом существуют дополнительные правовые гарантии, обеспечивающие реальную возможность реализации прав и свобод. Между тем действующим законодательством верхняя возрастная граница поднимается для молодых специалистов высшей возрастной порог установлен в 33 года; молодым ученый считается до 35 лет; в экономической науке нижней границей трудоспособного возраста считается 16 лет, а в отдельных случаях – 15 и даже 14 лет. Минимальный возраст для уголовной ответственности и лишения свободы наступает с 14 лет. Запутанность ситуации, связанной с несовпадением прав, определенных когорт молодежи и обязанностей и возможностей, предоставляемых обществом, создают негативные тенденции: потребительство, омоложение преступности, падение традиционных ценностей [7: 69].

Молодежные когорты имеют подвижные границы своего возраста, которые зависят от со-

циально-экономического и политического развития общества, уровня культуры, условий жизни, а также от этнических особенностей, национальных традиций страны [3, 12].

Определение возрастных границ молодежи принципиально по ряду причин: во-первых, оно дает возможность выбрать для социологической и других областей научных знаний конкретную группу населения с целью эмпирических исследований; во-вторых, позволяет выявить виды деятельности, занятий исследуемой возрастной группы не только для научного анализа, но и для разработки государственной молодежной политики, в-третьих, дает дополнительные возможности для изучения особенностей социализации данной возрастной группы и социальных деформаций [9: 3].

Сегодняшняя молодежь вступает в самостоятельную жизнь в сложное динамичное время. Произошли кардинальные изменения в политической, экономической, культурной жизни страны. Освоение обновленного социального пространства для представителей молодежи сопряжено с множеством различных проблем. Это безработица, образование, досуг, здоровье, любовь, брак, семья, культура, преступность, наркотики, проституция, права, родина [9: 15].

Решение молодежных проблем сегодня – это не только и не столько сфера ответственности государства и общества, но и сфера актуализации молодежью своих потенциальных сил. Молодежная активность – значимый фактор в решении проблем этой социальной группы, но при этом определяющим является ее ценностный фактор. Ценностные установки – важнейшие элементы культуры личности, закрепленные жизненным опытом индивида, всей совокупностью его переживаний и ограничивающие значимое, существенное для данного человека от незначимого, несущественного [6: 27].

Какие ценности значимы для молодых? Чем они мотивируют поступки, поведение? К чему стремятся? – эти вопросы весьма актуальны. Известно, что если ответы молодых людей для себя на эти вопросы совпадают с общественным прогрессом, они детерминируют социальную и профессиональную активность, выступают в качестве движущих сил развития и формирования личности. В тех же случаях, когда такие ответы (а значит, и взгляды, и установки) идут в разрез с нравственными нормами, они деморализуют молодых людей, направляют их поведение в асоциальное русло [11: 57]. Поэтому при анализе динамики ценностных ориентаций молодежи важно учитывать действие двух механизмов – приемст-

венности и изменчивости [3: 13].

Таким образом, современные проблемы российского общества требуют дифференцированного подхода к изучению молодежи. В этом направлении в настоящее время и работает автор, исследуя соотношение единства и разнообразия, целостности и дифференциации молодежных когорт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безрукова, О.Н. Социология молодежи: учеб.-метод. пособие / О.Н. Безрукова. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. – 35 с.
2. Березутский, Ю.В. Социальный потенциал молодежи региона: социологический анализ / Ю.В. Березутский. – Хабаровск : ДВАГС, 2005. – 148 с.
3. Молодежь Востока России: история и современность // Материалы Третьей Всероссийской науч.-практ. конф. Ч. 1 / под ред. Н.М. Байкова. – Хабаровск : Изд-во ДВАГС, 2007. – 330 с.
4. Маршак, А.Л. Общая социология / А.Л. Маршак. – Ростов н/Д., 2004. – 337 с.
5. Мид, М. Культура и мир детства / М. Мид. – М., 1988. – 437 с.
6. Подласный, И.П. Педагогика / И.П. Подласный. – М.: ВЛАДОС-пресс, 2004. – 277 с.
7. Социальная работа и технология профессиональной деятельности: сб. науч. тр. / под ред. Б.В. Смирнова. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2003. – 143 с.
8. Социология в России / под ред. В.А. Ядова. – М., 1996. – гл. 12. – 525 с.
9. Социология молодежи: учеб. пособие / под ред. Ю.Г. Волкова. – Ростов н/Д.: Феникс, 2001. – 576 с.
10. Социология молодежи: учеб. / под ред. В.Н. Кузнецова. – М. : Гардарики, 2005. – 335 с.
11. Социология молодежи / отв. ред. В.Т. Лисовский. – СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1996. – 333 с.
12. Чупров, В.И. Социология молодежи на рубеже своего тридцатилетия / В.И. Чупров // Социологические исследования. – 1994. – № 6. – С. 50–57.
13. Mannheim, K. The Problem of Generation / K. Mannheim // Essays on the Sociology of Knowledge. – London, 1952. – P. 292.
14. Feuer, L.S. The Conflict of Generation. The Character and Significance of Student Movement / L.S. Feuer. – New-York, 1969. – P. 527.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ТРАНСПОРТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ (1891 – ИЮНЬ 1941 гг.): ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ И МОДЕРНИЗАЦИИ ОТРАСЛИ

М.А. Ковальчук

Ковальчук Михаил Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

В статье рассматриваются процессы становления и технической модернизации важнейшей транспортной отрасли Дальнего Востока. Написана с использованием большого фактического материала, извлеченного из центральных, ведомственных и местных архивов России.

Ключевые слова: история развития Дальнего Востока России – железнодорожный транспорт на Дальнем Востоке России – формирование и развитие железнодорожной отрасли на Дальнем Востоке России.

Железнодорожное строительство в России началось с середины 30-х годов прошлого века. Ко времени присоединения Приамурья и Приморья к России железные дороги начинают играть важную роль в развитии страны, надолго определяя ее технический прогресс. В 1857 г. военный инженер, штабс-капитан Д.И. Романов составил проект частной компании для сооружения железной дороги от поста Софийское на р. Амур до залива Де-Кастри в Татарском проливе. Но этот, как впрочем, и другие проекты строительства дорог, по различным причинам оказался неосуществимым для того времени [21]. Однако определенный опыт строительства небольших по протяженности железных дорог в регионе имелся. Так, в 1863 г. военным ведомством была проложена железная дорога от Николаевска до крепости Чныррах [1].

В 1882–1892 гг. прокладывается железнодорожное полотно от Самары до Челябинска. Последний стал начальным пунктом строительства Транссибирской магистрали, соединившей центр страны с ее дальневосточной окраиной. Решение о строительстве было принято царским правительством в 1887 г. Тогда же изыскания трасс Средне-Сибирской, Забайкальской и Южно-Уссурийской железных дорог.

В 1891 г. образуется Комитет по сооружению Сибирской дороги. Кабинет министров признал возможным начать работы по сооружению магистрали одновременно с двух сторон – от Челябинска и Владивостока. В мае того же года во Владивостокской крепости, в присутствии цесаревича Николая состоялось торжество по случаю официального начала строительства Уссурийской железной дороги (УссЖД). Работу возглавил А.И. Урсати, которого вскоре сменил О.П. Вяземский. Строительство велось в два этапа. Южно-Уссурийский участок (от Владивостока до ст. Муравьево-Амурская) (409 км) был построен в 1891–1896 гг., Северо-Уссурийского

участка (от ст. Муравьево-Амурская до Хабаровска) – в 1894–1897 гг.

В 1897 г. УссЖД на всем протяжении от Владивостока до Хабаровска вступила в эксплуатацию. Это была дорога магистрального типа, но сооруженная по облегченным нормам. Предельный подъем земляного полотна составлял 0,015, наименьший радиус – 256,8 м, ширина полотна 4,7 м, толщина балласта 0,12 м. На всем протяжении пути были уложены легкие рельсы весом 24,1 кг/м (18 фунтов на один погонный фут). Условия постройки создали ограничения пропускной способности дороги не более 7 пар поездов в сутки [37].

Главные ремонтные мастерские дороги располагались в Никольск-Уссурийске, паровозоремонтные депо (первоначально мастерские) – на станциях Владивосток, Евгеньевка, Муравьево-Амурская, Бикин, Вяземская, Хабаровск, Кангауз.

Связи между станциями осуществляли телеграфные аппараты Морзе. Диспетчерская поездная связь была лишь на участке Владивосток–Уссурийск. Из устройств сигнализации имелась только жезловая сигнализация английской фирмы Веб-Томсон. Сигнальные устройства были представлены однокрылькими семафорами фирмы Макс Юдель и одנותяговыми семафорами Уссурийского типа. Селекторная (избирательная) телефонная связь была установлена американскими специалистами в 1915 г. на участке Владивосток–Уссурийск [8: 101–102].

Сооружение Уссурийской магистрали положило начало грандиозному железнодорожному строительству, которое вела царская Россия на своих дальневосточных окраинах (табл. 1), [3–5].

Рассматривалось два варианта прокладки железнодорожного полотна на Восток: 1) по русской территории от Сретенска до Хабаровска параллельно Амуру (Амурская железная дорога); 2) по иностранной территории кратчайшим путем на соединение Забайкалья с Приморьем. Царское правительство склонилось к последне-

му. В 1896 г. оно добилось от китайских властей разрешения на строительство по территории Северной Маньчжурии железной дороги, получившей название Китайско-Восточной (КВЖД).

Таблица 1

Основные этапы русского железнодорожного строительства на Дальнем Востоке (1891–1917 гг.)

Годы строительства	Железные дороги	Конечные пункты (станции)	Протяженность, км	Стоимость сооружения, млн руб.
1891–1897	УссЖД	Владивосток – Хабаровск	769	46,26
1895–1900	Забайкальская	Мысовая – Сретенск	1105,2	79,9
1907–1903	КВЖД	Карымская – Уссурийск	2941,6	563,1
1908–1916	Амурская	Куэнга – Хабаровск	1993

Изыскание трассы будущей КВЖД началось в 1897 г. В августе того же года на ст. Полтавская УссЖД (на границе с Китаем) состоялось официальное открытие строительства КВЖД [11]. Укладка стального полотна на КВЖД была закончена в 1902 г., а на следующий год начинается ее регулярная эксплуатация. В 1900 г. вступает в строй Забайкальская железная дорога. Стальной путь от Челябинска до Владивостока был проложен.

Длина основной линии КВЖД от ст. Маньчжурия до ст. Пограничная составляла 1507,4 км. Основная линия дороги делилась на восточную (к востоку от Харбина) и западную (к западу от Харбина) части. От Харбина в направлении Порт-Артура и Дальнего на юг отходила ветка, протяженностью 950,4 км. К КВЖД по русской территории примыкали со стороны Забайкальской железной дороги ветка Карымская–Маньчжурия (366 км), а со стороны Уссурийской – Уссурийск – Пограничная (118 км). Таким образом, в 1903 г. общая протяженность русских железных дорог на Дальнем Востоке, включая Забайкалье, составляла 4857,8 км [6].

После Русско-японской войны правительство вернулось к проекту Амурской железной дороги. В 1906 г. возобновились изыскательские работы на трассе, которые вели инженеры Ф.Д. Дроздов, Е.Ю. Прудницкий, Б.У. Савримович. В июне 1907 г. Государственный совет принял решение о начале строительства Головного

участка Амурской магистрали от ст. Куэнга Забайкальской железной дороги до ст. Урюм протяженностью 193 км. На эти цели из казны отпускалось 169,9 млн руб. [23].

В 1909–1913 гг. ведется строительство Западно-Амурского участка магистрали от ст. Урюм до ст. Керак (636 км). Работы возглавлял инженер Е.Ю. Прудницкий. От ст. Керак в 1911 г. идет строительство Средне-Амурской железной дороги, конечным пунктом которой была ст. Буряя. От ст. Бочкарева (ныне г. Белогорск) шла ветка к Благовещенску-на-Амуре. Средне-Амурская дорога вместе с Благовещенской веткой были переданы Управлению временной эксплуатации Амурской железной дороги в 1915 г. В 1912 г. выдающийся русский инженер А.В. Ливеровский приступил к строительству Восточного участка дороги от ст. Буряя до г. Хабаровска. В 1915 г. и этот участок Амурской магистрали был сдан во временную эксплуатацию [18: 16–17; 37].

Накануне Первой мировой войны началось строительство моста через р. Амур. Это величайшее для своего времени искусственное сооружение длиной 2,5 км проектировали русские инженеры А.В. Ливеровский, Г.П. Передерий, Л.Д. Проскураков. Мостовые фермы изготовлялись в Варшаве и доставлялись в Одессу по железной дороге. Затем их морем через Суэцкий канал везли во Владивосток, где они вновь перегружались на железную дорогу и доставлялись в Хабаровск. Во время войны судно, перевозившее две мостовые фермы, было потоплено. Но, невзирая на это, в октябре 1916 г. мост через Амур был сдан в эксплуатацию [18: 18].

Строители Амурской железной дороги столкнулись с множеством трудностей. Трасса шла по безлюдной местности, бездорожью, марям и топям. Серьезной проблемой была вечная мерзлота, которая шла сплошь по трассе, а не залегала, как в Забайкалье, отдельными островками. В ходе строительства было найдено много новых интересных и оригинальных инженерных решений [9]. Однако завершение работ совпало с началом Первой мировой войны, когда средств на сооружение дороги выделялось все меньше и меньше. По этой причине ремонтные предприятия, технические сооружения оставались к революции недостроенными, 170 км земляного полотна отсыпано с одним слоем балласта, а 60 км – совсем без него. Общая сумма недоделок оценивалась в 50 млн руб. [33]. Несмотря на это, Амурская железная дорога была одной из самых дорогих в России по стоимости со-

оружения. Один километр пути на Уссурийской, Забайкальской и Китайско-Восточной железных дорогах обходился казне от 60,5 до 106,1 тыс. руб. На Центральном и Восточном участках Амурской магистрали – 657,5 тыс. руб. [18: 16–17; 6: 24]. Здесь укладывались более тяжелые, чем на Уссурийской, рельсы весом 30,89 кг на один погонный метр. Расчетная пропускная способность Амурской магистрали – 9 пар поездов в сутки, а при открытии дополнительных развязок – до 20 пар [37: л. 2–3].

В 1908 г. правительство России приняло указ «Об устройстве второго пути на Сибирской железной дороге и об определении стоимости первоочередных работ» [23]. К 1913 г. укладываются вторые пути по всей длине Транссибирской магистрали вплоть до ст. Карымская Забайкальской железной дороги. Для усиления пропускной способности на трассе КВЖД легкие рельсы заменяются тяжелыми, наращивается длина подъездных и станционных путей. Но дорога по-прежнему оставалась однопутной, хотя была уже способна пропустить до 16 пар поездов в сутки (в 1903 г. – 7 пар). В 1907 г. после передачи УссЖД в аренду КВЖД возник вопрос о расширении пропускной способности первой до уровня второй. Для этого на УссЖД планировалось пробить новые тоннели, «смягчить» профиль пути на перевалах, расширить станции и развязки, заменить легкие 18-фунтовые рельсы на тяжелые. Однако до 1917 г. удалось лишь расширить станцию Владивосток, смягчить профиль пути между станциями Владивосток и I-я Речка. От Владивостока до Уссурийска были уложены вторые пути, легкие рельсы заменены на тяжелые. Накануне Первой мировой войны началось строительство тоннеля на перевале Кипарисово [18: 20; 16: 67; 37: л. 2].

Растет подвижной парк железных дорог. В 1894 г. для временной эксплуатации на Южно-Уссурийскую дорогу было завезено из Европейской России 27 паровозов и 534 вагона [19]. В 1913 г. на УссЖД работало 182 паровоза и более 4 тыс. вагонов [25]. Большинство паровозов отечественного производства (в 1910 г. из 147 паровозов – 95) [17].

В годы Первой мировой войны МПС рассчитывало наполовину ускорить продвижение грузов по железным дорогам Сибири и Дальнего Востока за счет увеличения вагонного парка и мощных паровозов, закупленных за рубежом. В июне 1915 г. представители министерства заключили договоры с рядом канадских и американских компаний на поставку 400 машин, из

которых 250 – мощные локомотивы типа «Декапод» стоимостью 23 тыс. долларов каждый. На следующий год в Харбинских железнодорожных мастерских началась их сборка [32]. В 1915 г. Владивостокские временные вагонсборочные мастерские приступили к сборке вагонов, доставленных из-за рубежа. Предприятие было оснащено закупленным в США оборудованием [12]. В 1916 г. мастерские закончили сборку первой партии вагонов (13 тыс. единиц) из комплектующих деталей, доставленных из-за границы. Русская миссия МПС в Вашингтоне попыталась заказать в США еще 50 тыс. вагонов, но события в России помешали это сделать [32].

Большой урон транспорту нанесла гражданская война и интервенция. Во-первых, были приостановлены работы по реконструкции имеющихся и достройки введенных во временную эксплуатацию железных дорог. Во-вторых, была нарушена нормальная эксплуатация железных дорог, что вело к постепенному разрушению верхнего строения пути, увеличению числа «больных» паровозов и вагонов. В-третьих, железные дороги подверглись прямому ограблению, интенсивному разрушению в ходе боевых действий. Так, на Амурской магистрали было разрушено 7062 погонных метров железных и 10058 погонных метров деревянных мостов. Наиболее значительные из них мосты через реки Зею (разрушено 2 пролета), Амур (2 пролета), Бурею (1 пролет), Архару (1 пролет). Дорога лишилась 10 казарм, 43 полуказарм, 8 пассажирских зданий [31: 33]. К концу 1921 г. на северном участке Уссурийской железной дороги (от Уссурийска до Хабаровска) было разрушено 40 мостов (из них 27 металлических), сожжено 3 станции, 2 казармы, 4 полуказармы и другие здания, под откос сброшено 14 паровозов и 300 вагонов [26: 31].

В тяжелом положении оказался подвижной парк железных дорог Дальнего Востока. На Амурской железной дороге более половины паровозов находились в неисправном состоянии. На дороге фактически не было Главных железнодорожных мастерских как на соседних Уссурийской и Читинской. Дело в том, что в период строительства и временной эксплуатации Амурской железной дороги Главные железнодорожные мастерские располагались на ст. Зилово Забайкальской железной дороги, но в 1916 г. они были переведены на ст. Гондатти, где фактически так и остались недостроенными. Это не давало возможности производить капитальный ремонт паровозов на месте. Трудно было проводить и текущий ремонт,

так как большинство паровозных депо оставались недостроенными, более трети каменных зданий у них находилось в полуразрушенном состоянии. По мере продвижения боевых действий на восток на УссЖД скапливалось большое количество неисправных вагонов. Только на подъездных путях к Владивостоку находилось более 3 тыс. «больных» вагонов [40: л. 17].

По разным подсчетам убытки, понесенные железными дорогами Дальнего Востока (Амурской и Уссурийской) в годы гражданской войны и интервенции, составляли 28,5–50 млн руб. Сюда включены не только прямые, но и коммерческие потери от снижения объема перевозок, от неуплаты за воинские перевозки и т. д. [26].

Особое значение для возобновления перевозок по железным дорогам имело восстановление мостов. Большие сложности возникли при вводе в рабочее состояние Амурского моста. Две его фермы были взорваны и упали в реку ещё в 1920 г. Строителям удалось извлечь из воды обломки моста и собрать из них один пролет. Трудность заключалась в том, что одна ферма была построена на Варшавском, а другая на Брянском заводах. Ферма для замены второго разрушенного пролета была получена с Воткинского завода. Она оказалась недостроенной, других габаритов (короче на 1,4 метра, а проезжая часть выше на 0,49 метра). Во время транспортировки по железной дороге попала в крушение. Однако инженеры и строители, применив технические новшества (впервые в стране широко использовалась электросварка), с честью справились с поставленной задачей. Весной 1925 г. возобновляется движение поездов по мосту через Амур [27].

Росли масштабы работ. Если в 1923 г. было восстановлено 1,5 % от общей длины разрушенных железных мостов и 12 % временных шпальных мостов заменены на постоянные, то в последующие два года эти работы были выполнены на 71 % и 30 % соответственно. Из-за нехватки металлических конструкций железные фермы на мостах через реки Бикин, Архара и другие заменялись деревянными. Но они были сделаны с металлическим нижним поясом и поперечными балками, собранными из вагонных швеллеров. К концу 1925 г. было восстановлено более 400 мостов (13,5 км) [38: л. 19–20].

Серьезную тревогу вызывало состояние шпал на путях. Средний срок службы шпал составлял пять лет, но большая их часть пролежала на Уссурийской железной дороге по шесть и более лет. В 1923 г. было заменено шпал на 4 км пути. В 1924/25 хозяйственном году – на 114 км.

Однако это составило лишь 11 % от общей протяженности главного и 27 % станционных путей.

В это же время началась сплошная смена рельс на основных путях. И если в 1923 г. эти работы были проведены на одном километре пути, то в 1925 г. – на 114 км. Главная проблема заключалась в том, что если на Амурской линии были уложены средние и тяжелые рельсы, то по Уссурийской на протяжении 372,2 км – легкие 18-фунтовые, пролежавшие на путях более 30 лет. Это не позволяло пустить по дороге тяжелые поезда и мощные паровозы, так как рельсы подвергались излому. Скорость продвижения поездов, следующих по легким рельсам, не должна была превышать 40 км/ч. Для того чтобы ускорить смену легких, средние рельсы снимали с второстепенных веток Амурской линии и укладывали их на главных путях [33: 14–15].

Одной из главнейших задач железнодорожников было оздоровление подвижного парка. За 1922–1924 гг. доля «больных» паровозов от общего их числа на Уссурийской железной дороге уменьшилась от 41 % до 14 %, а вагонов – от 35 % до 25 %. Во-первых, возрастает производственная программа депо и мастерских дороги. Во-вторых, к ремонту паровозов и вагонов были привлечены и другие предприятия: Дальневосточный механический завод (Дальзавод), Хабаровский сельскохозяйственный завод (бывший «Арсенал»), главные железнодорожные мастерские КВЖД (г. Харбин) и Томской железной дороги (г. Красноярск). В-третьих, часть подвижного парка была передана на другие железные дороги, а часть – списана из-за полной непригодности. Поэтому за 1923–1926 гг. количество вагонов, находящихся в распоряжении УссЖД, сократилось от 10 тыс. до 7,9 тыс. единиц [37: л. 9]. Появляются первые 4-осные большегрузные вагоны. Однако их доля в общем числе вагонов на дороге составляла в 1926 г. всего 7,7 % (см. табл. 4). С 1924 г. дорога имела изотермические вагоны для перевозки скоропортящихся продуктов, путем их охлаждения.

В 1922 г. из-за отсутствия специальных паровозов, пассажирские поезда на УссЖД водили грузовые локомотивы. За 1923–1926 гг. паровозный парк увеличился от 222 до 325 единиц (табл. 2). Число пассажирских паровозов на дороге возросло до 17 единиц. Основу подвижного парка по-прежнему составляли паровозы серии «О», созданной русскими инженерами в конце прошлого столетия. Более того, на дороге работали машины еще более устаревших серий. Все паровозы на УссЖД были дореволюцион-

ной постройки [21: 12]. Подвижной парк нуждался в обновлении.

В начале 1926 г. предстояло восстановить более 400 мостов общей протяженностью 6,5 км, в том числе 36 железных и железобетонных. Требовали капитального ремонта 198 свайных, а 187 временных шпальных моста нужно было заменить на постоянные. Как правило, восстановление искусственных сооружений после войны велось в спешке, отчего шпальные клетки делались из устаревших и непропитанных шпал. По этой причине они требовали быстрой замены на каменные опоры. В 1927 г. две деревянные фермы на Бикинском мосту заменяются одной 40-саженной (85,6 м) металлической.

Таблица 2

**Паровозный парк
Уссурийской (Дальневосточной)
железнодорожной (1923–1940 гг.)**

Показатель		Годы					
		1923 г.	1926 г.	1930 г.	1933 г.	1940 г.	
Всего паровозов		222	325	403	640	473	
В том числе	1. Пассажирских	5	17	46	73	63	
	2. Грузовых	217	308	357	567	410	
	Из них серии:	Эм	–	–	–	–	217
		С ^у	–	–	–	–	85

Работы по отсыпке недостающего балласта на Амурской линии УссЖД были завершены только в 1927 г. В 1926 г. на дороге легкие 18-фунтовые рельсы, уложенные в 1891–1897 гг., сохранялись еще на 18 % общей ее длины. Окончательно они были сменены на более тяжелые только к 1930 г. [38]. Это позволило пустить по дороге мощные паровозы типа «Декапод» (машины серии «Е» различных модификаций) на всем ее протяжении.

Для оздоровления паровозного парка проводятся работы по укреплению ремонтной базы дороги. Большинство депо по Амурской линии было достроено и дооборудовано в 1926–1929 гг. Усилилась их энерговооруженность. Если до революции на УссЖД было два депо, имевших собственные электросиловые установки, то в 1923 г., с присоединением к ней Амурской линии, их стало семь. К 1928 г. еще столько же депо оборудуются электростанциями. Это позволило повысить электропотребление в депо, по сравнению с 1923 г. в 3 раза, а в расчете на одного работника дороги – в 2 раза [43: л. 137–138; 37: л. 187].

С 1924 г. в депо внедряется электро- и газосварка. Однако, как отмечалось в годовых отчете

тах дороги, развитие новой технологии находится «в зачаточном состоянии» [39: 44, л.22]. В конце 20-х годов начинается модернизация имеющихся на дороге паровозов. На них устанавливаются перегреватели пара, топки оборудуются кирпичными сводами. Машины полностью переходят с дровяного топлива на угольное, что повышает их тяговую мощность. Но доля больных вагонов и паровозов в подвижном парке дороги в 1926–1929 гг. не уменьшается. Главная причина – рост перевозок, опережающий развитие ремонтной базы дороги. Не помогало и то, что часть неисправного подвижного парка дороги ремонтировалась в Главных мастерских Забайкальской (г. Чита) и Томской (г. Красноярск) железных дорог [7].

Из-за плохого технического состояния УссЖД была уязвима от природных катаклизмов. Слабая балластировка, отсутствие водоотводов были причиной того, что протяженность пучинистых мест на Амурской линии, находящейся в зоне вечной мерзлоты, оставалась в 1920-е годы практически неизменной, достигая 400 км. Выпучиванию в весенний период подвергались также и мосты, уложенные на деревянных сваях и шпальных клетях. Из-за этого в 1928 г. на дороге было 176 предупреждений об ограничении скорости движения поездов до 5 км в час. В 1927 г. во время наводнения был затоплен участок дороги между станциями Чесноковка и Сквородино. Разрушению подверглось около 50 км железнодорожного полотна. Стихийное бедствие нарушило не только график движения поездов, но и плановые работы по укреплению пути [42: л. 8].

Таким образом, в 1925–1929 гг. техническое развитие железнодорожного транспорта региона шло по двум направлениям: (1) ликвидации разрушений причиненных отрасли гражданской войной и интервенцией; (2) доведению до проектной мощности Амурской линии. В этой связи трудно провести грань между восстановительным периодом на транспорте и началом его реконструкции.

В 1928–1932 гг. разворачивается строительство подъездных линий, прилегающих к Уссурийской железной дороге: Надеждино–Тавричанка (14 км), Кангауз–Находка (93 км), Манзовка–Платоновка (120 км). На Сахалине строится линия Оха–Москальво (40 км) [54].

С 1934 г. началось строительство вторых путей от ст. Карымская до ст. Уссурийская общей протяженностью 2386 км. О масштабах этих работ говорит тот факт, что на всем протя-

жении пути было возведено 2292 искусственных сооружений, в том числе мостов, общая длина которых составила 30 километров [28]. К 1937 г. основной участок путей был сдан строителями во временную эксплуатацию. После устранения недоделок Государственная комиссия в июле 1940 г. приняла в постоянную эксплуатацию последний участок дороги от Хабаровска до Уссурийска [66].

В предвоенные годы усилия транспортных строителей были сосредоточены на завершении железнодорожных линий, сооружение которых было начато на рубеже 1920–1930-х гг.: Кангауз–Находка, Буряя–Райчиха, Биробиджан–Ленинское, Манзовка–Варфоломеевка, Сквородино–Рейново [29]. Во второй половине 30-х годов осуществляется прокладка вспомогательных линий, направленных к трассе будущей Байкало-Амурской магистрали: Известковая–Ургал (339 км), Тахтамыгда (БАМ) – Тында (180 км). В 1939–1940 гг. на них открывается рабочее движение поездов. В 1940 г. ДВЖД была передана в постоянную эксплуатацию линия Комсомольск–Волочаевка (352 км), построенная еще в 1936 г. [65]. Все это создает условия для того, чтобы приступить к работам по основной трассе БАМа, которые развернулись на головных участках Тайшет–Лена и Советская Гавань – Комсомольск-на-Амуре. Великая Отечественная война прервала строительство. Пришлось демонтировать рельсы, уложенные на линиях БАМ–Тында и Известковая–Ургал с тем, чтобы использовать их в прифронтовой полосе для сооружения Сталинградской рокады [14].

Тем не менее перед войной в регионе велось грандиозное по масштабам железнодорожное строительство, что стало возможным благодаря использованию материальных ресурсов всей страны. На Дальний Восток были направлены не только гражданские, но и военные строители [13]. Значительную роль в транспортном строительстве играли заключенные. Так, летом 1940 г. на строительстве железных дорог Дальнего Востока было занято 81,4 тыс. заключенных [30].

За 1933–1940 гг. эксплуатационная длина железных дорог региона возросла с 2,6 тыс. км до 3,7 тыс. км, т. е. в 1,4 раза, а по сравнению с дореволюционным периодом – в 3,4 раза. В 1913 г. доля двухпутных участков составляла 10 % от общей длины УссЖД. Перед Отечественной войной этот показатель был на Амурской железной дороге – 83 %, на Дальневосточной – 49 %, на Приморской – 24 %, а в целом по региону – 61 % (табл. 3). По

этому важнейшему параметру железные дороги региона превосходили общесоюзный уровень (по СССР – 27,5 %) [15: 21].

В предвоенные годы удалось коренным образом улучшить состояние железнодорожного пути. Возведение мощных насыпей, полная замена деревянных и ряжевых мостов на постоянные каменные, железные и железобетонные позволило до минимума свести влияние вечной мерзлоты на полотно и путь. Благодаря вводу в строй шпалопропиточных заводов удалось продлить срок службы шпал. Была осуществлена сплошная замена легких рельс тяжелыми. Это имело позитивное значение для внедрения более мощных паровозов, увеличения веса поездов, скорости их движения.

Таблица 3

**Длина железных дорог
Дальнего Востока России**

Показатель		Годы					
		1913	1923	1928	1933	1936	1940
I. Эксплуатационная		1071	2021,7	2381	2614,6	3233	3701,7
В том числе	Усс (ДВ)ЖД	1071	2021,7	2381	2614,6	1681	1117,3
	Амурской	–	–	–	–	1552	1552
	Приморской	–	–	–	–	–	1032,4
II. Двухпутных участков		113,8	113,8	113,8	113,8	1414	2304,2
В том числе	Усс(ДВ)ЖД	113,8	113,8	113,8	113,8	1288	554
	Амурской	–	–	–	–	126	1292
	Приморской	–	–	–	–	–	458

Возрастает пропускная способность железнодорожных станций. За 1933–1940 гг. протяженность станционных путей на Амурской и Дальневосточной железных дорогах увеличилась от 873,8 км до 1441 км, т. е. на 65 % [47: л. 105; 48: л. 33–34; 58: л. 3]. На станциях появляются ленточные и пластинчатые транспортеры, электро- и мотокары. Для ускоренного формирования поездов в 1938 г. на ст. Хабаровск-2 была создана механизированная сортировочная горка – одна из 35, имевшихся в стране накануне Отечественной войны [16]. За указанный период доля грузов переработанных механизмами на ДВЖД возросла в 6,8 раза. Однако это составило менее 3 % от общего объема грузоперевозок дороги [35: 52; 53; 49, л. 81]. Механизация погрузо-разгрузочных работ находилась на дороге в зачаточном состоянии и отставала от общесоюзного уровня.

В 30-е годы разворачиваются работы по укреплению ремонтной базы подвижного состава железных дорог Дальнего Востока. В конце первой пятилетки Главные мастерские УссЖД в г. Никольск-Уссурийске преобразуются в паровозоремонтный завод. В последующие годы ведется его дооснащение оборудованием и станочным парком [56]. Ввод в строй вторых путей, и переход на более короткие тяговые плечи потребовал увеличения числа паровозных депо на железных дорогах региона. За 1933–1937 гг. было введено 10 новых депо, в том числе крупнейших на станциях Хабаровск-2, Ружино, Ин, Облучье. Перед войной было построено депо на ст. Манзовка. В зоне вечной мерзлоты были построены, взамен подвергшихся разрушению, здания депо на станциях Шимановская, Сквородино, Бочкарево, Завитая. Новые оборотные депо строятся на станциях Талдан, Ушумун, Евгеньевка и др.

С 1936 г. началась механизация кузнечных работ в депо. В подъемочных цехах появляются мостовые краны. Однако в 1940 г. они были только в двух из пяти основных депо ДВЖД [50, л. 4–5]. Загрузка паровозов топливом до 1933 г. проводилась железнодорожными кранами грузоподъемностью от 6 до 20 тонн. Большинство из них проступили на дороги региона еще в период строительства УссЖД и безнадежно устарели. С возведением специализированных эстакад удалось значительно ускорить заправку паровозов углем. Одновременно внедряется электросушка и механическая подача песка на паровозы (депо ст. 1-я Речка) и механическая шлакоуборка (депо ст. Бочкарево). С 1936 г. в железнодорожных депо устанавливаются агрегаты теплой промывки паровозов, что сократило их простой в промывочном ремонте от 32 часов (при холодной промывке) до 11 часов [44, л. 57, 85; 58, л. 3].

В 1933 г. служба тяги разукрупняется на паровозную и вагонную. На УссЖД к 1936 г. открываются 3 вагонных депо, 7 контрольно-измерительных и 24 пункта технического осмотра вагонов. В большинстве из них не было необходимого оборудования, а крытое вагонное депо имелось лишь на ст. 2-я Речка. В остальных ремонт вагонов производился в непригодных помещениях. К 1938 г. на дорогах региона были построены новые вагонные депо. По сравнению с 1936 г. их оснащенность возросла станками на 1/3, ремонтным оборудованием – на 2/3 [44, л. 114; 58, л. 2]. И тем не менее подъем вагонов осуществлялся при помощи примитивных винтовых и реечных домкратов. В колесных цехах отсутствовали кран-балки для транспортировки и установки колесных пар на станки [8: 56].

В 1933 г. центральные мастерские стройотдела УссЖД на ст. Михайло-Чесноковская были переоборудованы под вагоноремонтный завод с программой ремонта 600 вагонов в год. В 1940 г. завод имел 6 основных производственных цехов (вагонный, кузнечный, колесный, литейный и деревообрабатывающий) и 3 подсобных (монтажный, инструментальный и электросиловой) [36].

В конце 1920 – начале 30-х годов увеличение электропотребления на УссЖД шло путем монтирования силовых установок устаревших конструкций и получения энергии со стороны. Однако рост численности работников дороги привел к тому, что энерговооруженность в расчете на одного работника дороги упала в 1928–1935 гг. от 125 кВт до 94 кВт. Учитывая возросшую потребность в электроэнергии и невозможность получить её со стороны в достаточном количестве, к 1940 г. на ДВЖД было построено 36 новых электростанций. Их суммарная мощность возросла по сравнению с 1935 г. в 7,5 раза, а выработка электроэнергии на них – в 9,7 раза. За это время электропотребление со стороны увеличилось в 3,6 раза. В ходе строительства новых электростанций во всех действующих старое оборудование было демонтировано и заменено новым. По этой причине выработка электроэнергии на одной электростанции возросла в среднем в 2,7 раза, а в расчете на одного работника дороги – в 15,7 раза [8: 107; 49: л. 33, 71, 81; 52].

Усиление электросилового хозяйства позволило расширить станочный парк ремонтных предприятий железных дорог, перейти от трансмиссионной передачи к индивидуальному приводу станков. В середине 30-х годов в каждом депо появляется электросварочное оборудование. Применение сварки позволило отказаться от трудоемких болтовых и заклепочных соединений, проводить восстановление деталей методом напльва.

С 1934 г. на железных дорогах региона внедряется постанционная и линейно-путевая избирательная связь. В 1922–1923 гг. на железнодорожной линии Чита–Владивосток устанавливаются телеграфные аппараты Уинстона с шифром азбуки Морзе. В 1935 г. они заменяются быстродействующими аппаратами Бодо. Связь между станциями осуществляется телеграфными аппаратами Морзе [8: 102]. В 1940 г. на станциях Хабаровск-2, Вяземская, Ружино, Манзовка и Ворошилов сдается в эксплуатацию внутридеповская связь и связь маневренных диспетчеров. Эти виды связи на дороге ранее отсутствовали [66].

Механическая централизация стрелок и сигналов внедряется на Уссурийской железной дороге с 1930 г. Однако до 1936 г. имелось всего 4 станции, оборудованные соответствующими устройствами. Во время строительства вторых путей на ДВЖД механической централизацией стрелок оснащаются 93 станции, 12 станций – электроцентрализацией [64]. В 1940 г. на Приморской железной дороге уже все станции, за исключением Манзовки, имели механическую централизацию стрелок [63]. Перед войной на Амурской железной дороге механической централизацией было оборудовано 1/3 всех стрелок [57, л. 45, 46].

В 1932 г. старая жезловая сигнализация заменяется более совершенной системой советского инженера Треггера, внедрявшаяся на железных дорогах СССР. В это же время полуавтоматической блокировкой оборудуется участок Владивосток–Уссурийск, а с вводом вторых путей – на всем протяжении главной магистрали ДВЖД от ст. Архара до Владивостока (105 пунктов, 1101 км) [64]. К 1941 г. полуавтоматической блокировкой на ДВЖД было оборудовано 687 км пути, что составляло 61,5 % от общей эксплуатационной длины дороги [8: 125; 48: л. 33, 37].

Укрепление путевого хозяйства, ремонтной базы, перевооружение службы сигнализации и связи увеличили пропускную способность дорог Дальнего Востока, повысили безопасность движения. Это позволило модернизировать их локомотивный парк (см. табл. 2). В 1933 г. основным паровозом на дорогах региона оставались машины серии «О» различных модификаций. Замена легких рельс на тяжелые позволило снять ограничения на движение паровозов серий «Е^л» и «К». В 1934 г. на УссЖД переводится первая партия паровозов серии «Э^м» в количестве 245 единиц [45]. Эта серия машин была разработана русскими инженерами на Луганском паровозостроительном заводе в 1912 г. и они считались лучшими среди различных типов паровозов, построенных в России до революции. В 1931 г. паровозы серии «Э^м» были модернизированы (отсюда индекс «м»). Тяговая мощность машин после модернизации возросла на 10 % и составила 82,9 т, против 52,5 т на паровозах серии «О». В 1934 г. на базе паровозов серии «Э^м» Харьковский паровозостроительный завод начал выпуск машин серии «СО» (Серго Орджоникидзе), тяговая мощность (сцепной вес) которых составляла 85–95 т [21: 12–14]. В 1939 г. на ДВЖД прибывает первая крупная партия этих машин. На следующий год они вместе с паровозами серии «Э^м»

составляют основу парка грузовых паровозов дороги (74 % от общего их числа). Одновременно с дороги убираются маломощные машины серий «Б» и «Т», а также мощные, но устаревшие паровозы серии «Е». Тем не менее около четверти паровозного парка приходилось на паровозы серии «О».

Учитывая возникшее на дорогах Дальнего Востока отставание водоснабжения от пополнения подвижного парка, увеличивается количество паровозов серии «СО^к», способных делать большие пробеги без забора воды (индекс «к» означал, что они с конденсацией пара). В 1940 г. машины этой серии составляли 28 % общего числа паровозов на Амурской железной дороге [59].

Среди пассажирских паровозов на дороге начинают преобладать машины серии «С^у». Главное их достоинство – высокая скорость движения (до 115 км/ч). Одновременно пассажирские паровозы устаревшей серии «Ж» снимаются с линии.

Всего на железных дорогах Дальнего Востока – Амурской, Дальневосточной и Приморской – к началу Великой Отечественной войны работало 1,5 тыс. паровозов. Общее их количество за годы довоенных пятилеток возросло в 3,7 раза, из них более 60 % машин были паровозы новых серий [34: 59; 47: л. 55].

До 1926 г. строительство новых вагонов в СССР не велось, так как их пополнение шло за счет восстановления поврежденных в годы Первой мировой и Гражданской войн. За 1928–1932 гг. их производство по стране возросло в 2,3 раза. Постепенно с железных дорог снимаются 16-тонные товарные вагоны. Их заменяют двухосными вагонами грузоподъемностью от 20 до 25 тонн. Отечественная промышленность налаживает производство четырехосных вагонов грузоподъемностью 50–60 тонн, саморазгружающихся вагонов, большегрузных цистерн. На этой основе и происходит модернизация вагонного парка железных дорог Дальнего Востока (табл. 4).

В начале второй пятилетки четырехосные вагоны составляли 11,6 % от общего их числа на Уссурийской железной дороге. В 1940 г. их доля в вагонном парке вместе с большегрузными цистернами на ДВЖД возросла до – 18,2 % (на дорогах страны 25 %). Рост перевозок нефти и нефтепродуктов вызвал удвоение количества цистерн на ДВЖД по сравнению с 1933 г. При этом доля большегрузных среди них составила 39,8 % (табл. 4).

Таблица 4
**Парк грузовых вагонов
 Усс (ДВ) ЖД (1913–1940 гг.)**

Показатель	Годы				
	1913	1926	1930	1933	1940
1. Вагоны общего назначения, в том числе большегрузные	4012 –	7281 610	7510 1065	9343 1195	8619 1526
2. Цистерны всего в том числе большегрузные	– –	8 –	158 –	141 –	377 150
3. Изотермически	–	48	143	171	105
Итого	4012	7337	7811	10255	9101

В 1938 г. к оборудованию вагонов автосцепкой и автоторможением приступили на Михайлово–Чесноковском вагоноремонтном заводе. К 1941 г. здесь было модернизировано 1344 вагона [36]. Однако большая их часть поступила из центра. К началу Великой Отечественной войны на дорогах страны имели автосцепку 1/3 и автоторможение 2/3 вагонов [15: 26].

Таким образом, техническое развитие железнодорожного транспорта на Дальнем Востоке шло двумя путями: 1) за счет строительства новых железнодорожных линий; 2) путем усиления пропускной способности существующих. Первый путь превалировал в дореволюционный период, когда в строй было введено более 7,8 тыс. км железнодорожных линий, второй – в конце 20-х начале 30-х гг. В это время вторые пути Транссиба прошли по территории Дальнего Востока, укрепляется подвижной парк, средства сигнализации и связи, растет энергооборуженность труда в депо, мастерских и заводах железных дорог региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов, А.Л. Деятельность администрации Восточной Сибири по обеспечению безопасности Приамурского края в 50–60-х гг. XIX в. // Гродековские чтения : тезисы науч.-практ. конф. / А.Л. Анисимов. – Хабаровск, 1996. – С. 63.
2. Бюллетень Управления Уссурийской железной дороги. – 1925. – № 21. – С. 61–65.
3. Бюллетень Управления Уссурийской железной дороги. – 1925. – № 121. – С. 67.
4. Вестник путей сообщения. – 1900. – № 49. – С. 664–667.
5. Вестник путей сообщения. – 1904. – № 41. – С. 652.
6. Вестник путей сообщения. – 1915. – № 46. – С. 356–357.
7. ВКП(б). IX Дальневосточная краевая партийная конференция 22 февраля – 1 марта 1929 г. Хабаровск, 1929. – С. 241.

8. Дальневосточная магистраль к 40-летию Великого Октября. Хабаровск, 1957.
9. Зензинов, Н.А. От Петербург-Московской до Байкало-Амурской / Н.А. Зензинов. – М., 1986. – С. 76.
10. Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. М., 1933. – С. 75–76.
11. КВЖД. Исторический обзор. 1896–1923. Т. 1. Харбин, 1923. – С. 6, 31.
12. Ковальчук, М.А. Владивостокские временные мастерские (1915–1921 гг.): из истории трудового содружества / М.А. Ковальчук // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. – Иркутск – Тэгу – Москва, 1997. – С. 222–226.
13. Косович, С.С., Филимонов А.М. Советские железнодорожные. Военно-исторический очерк / С.С. Косович. – М., 1984. – С.72–73.
14. Ламин, В.А. Ключи к двум океанам / В.А. Ламин. – Хабаровск, 1981. – С. 115.
15. Маркова, А.Н. Транспорт СССР и основные этапы его развития / А.Н. Маркова. – М., 1977.
16. Напорко, А.Г. Очерки развития железнодорожного транспорта СССР / А.Г. Напорко. – М., 1954. – С. 106, 170.
17. Общие технические сведения по Китайской Восточной и Уссурийской железным дорогам. Б/М,Б/Г – С. 29, 30.
18. Паталеев, Л.В. История строительства великого Сибирского железнодорожного пути / Л.В. Паталеев. – Хабаровск, 1951.
19. Приложение к отчету по постройке Южно-Уссурийской железной дороги 1891–1894. СПб., 1900. – С. 297.
20. Саблер, С.В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем / С.В. Саблер, И.В. Сосновский. – СПб., 1903. – С. 4–8.
21. Технический справочник железнодорожника. Т. 6. Подвижной состав. М., 1952. – С.12.
22. Указатель правительственных распоряжений по Министерству путей сообщения. – 1908. – № 25.
23. Указатель правительственных распоряжений по Министерству путей сообщения. – 1908. – № 28. – С. 245.
24. Указатель правительственных распоряжений по Министерству путей сообщения. – 1912. – № 33. – С. 428.
25. Целищев, М.И. Экономические очерки Дальнего Востока / М.И. Целищев. – Владивосток, 1925. – С. 117, 187.
26. Флеров, В.С. Первые мероприятия партийных и советских органов по восстановлению транспорта на Дальнем Востоке (1922–1923 гг.) / В.С. Флеров // Центральный Государственный архив РСФСР Дальнего Востока. Труды. Т. 1. – Томск, 1960. – С. 270–271.
27. Экономическая жизнь Дальнего Востока. – 1925. – № 2. – С. 107–109.
28. Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов. 1917–1965 гг. Кн. 1. 1917–1957. – 2-е изд. – М., 1967. – С. 283.
29. Российский Государственный военный архив (РГВА). Ф. 34725. Оп. 1. Д. 148. Л. 13–48.
30. РГВА. Фонд 34725. Опись 1. Дело 152. Лист 147.
31. Российский Государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). РГИА ДВ. Ф.31. Оп. 1. Д. 408. Л. 6.
32. РГИА ДВ. Ф. 385. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–3.
33. РГИА ДВ. Ф.Р–2532. Оп. 2. Д. 6.
34. Государственный архив Приморской области. Ф.П-81. Оп.1. Д.21. Л.8.

35. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 353. Оп. 4. Д. 20. Л. 33.
36. ГАХК. Ф. 719. Оп. 2. Д. 673. Л. 3.
37. ГАХК. Ф. 730. Оп. 6. Д. 10. Л. 3.
38. ГАХК. Ф. 730. Оп. 6. Д. 25. Л. 19–20.
39. ГАХК. Ф. 730. Оп. 6. Д. 26. Л. 99.
40. ГАХК. Ф. 730. Оп. 6. Д. 36. Л. 17.
41. ГАХК. Ф. 730. Оп. 6. Д. 79. Л. 37.
42. ГАХК. Ф. 730. Оп. 6. Д. 84.
43. ГАХК. Ф. 730. Оп. 6. Д. 89.
44. ГАХК. Ф. 730. Оп. 6. Д. 112.
45. ГАХК. Ф. 730. Оп. 6. Д. 112а. Л. 85.
46. ГАХК. Ф. 730. Оп. 6. Д. 125.
47. ГАХК. Ф. 730. Оп. 6. Д. 128.
48. ГАХК. Ф. 730. Оп. 6. Д. 299.
49. ГАХК. Ф. 730. Оп. 6. Д. 440.
50. ГАХК. Ф. 730. Оп. 6. Д. 478.
51. ГАХК. Ф. 730. Оп. 6. Д. 1076. Л. 65.
52. ГАХК. Ф. 730. Оп. 9. Д. 198. Л. 195.
53. ГАХК. Ф. 730. Оп. 9. Д. 89. Л. 137, 138.
54. ГАХК. Ф. 937. Оп. 1. Д. 2. Л. 113, 255.
55. ГАХК. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 193. Л. 16.
56. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 483. Л. 294–295.
57. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 147. Л. 15.
58. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 191.
59. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 622. Л. 3, 13, 5;
60. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 10146. Л. 11.
61. ГАХК. Ф. П-35. Д. 1118. Л. 1.
62. ГАХК. Ф. П-78. Оп. 1. Д. 416. Л. 45, 46.
63. ГАХК. Ф. П-78. Оп. 1. Д. 6. Л. 196.
64. ГАХК. Ф. П-78. Оп. 1. Д. 416. Л. 45, 46.
65. Архив Управления (АУ) ДВЖД. Ф. 21. Оп. 1. Д. 30. Л. 6–7, 193.
66. АУ ДВЖД. Ф. 25. Оп. 1. Д. 34. Л. 6, 24.

ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЕРОЕВ В БРИТАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ «МАГИЧЕСКОГО» РЕАЛИЗМА

Н.З. Шамсутдинова

Шамсутдинова Нелли Зефаровна – старший преподаватель кафедры английского языка Казанского государственного университета имени В.И. Ульянова-Ленина.

В статье анализируются наиболее общие и распространенные характеристики героев произведений английских писателей, традиционно рассматриваемых как примеры «магического» реализма. Понятия инаковости и сверхнормативности, являющиеся ключевыми в латиноамериканской литературе, выступают основными характеристиками героев произведений английских писателей, что обусловлено влиянием латиноамериканской прозы, в частности, творчества Г. Гарсиа Маркеса.

Ключевые слова: «Магический» реализм, инаковость, сверхнормативность, латиноамериканская литература.

Выявляя те или иные особенности литературного течения или метода, а тем более особенности творческой манеры конкретного автора, невозможно обойти вниманием такие основополагающие моменты, как определение типа героя и типа конфликта, а также их соотношения с главными мотивами произведения. Если обратиться к первым произведениям «магического» реализма (и наиболее часто цитируемым в связи с упоминанием данного термина) – повести А. Карпентьера «Царство земное» и роману М.А. Астуриаса «Маисовые люди», то в них герои выступают как носители коллективного мифологического сознания, которое становится главным объектом изображения. Автор замещает свой взгляд цивилизованного человека взглядом человека примитивного. Тем самым действительность подвергается фантастическим абберрациям, а «цивилизованное» сознание при осмыслении сознания мифологического, переосмысливается в сопоставлении с ним. Европейский абстрактный «дикарь» в произведениях писателей Карибского мира обретает этнокультурную конкретность, в то время как доминирующими свойствами героев выступают хаотичность, таинственность, и темпоральность, которая проявляется в способности героя преобразиться в мифологическое существо (например, зверя или первочеловека) при соприкосновении с темпоральными реалиями мира природы [25: 492].

Среди работ, посвященных писателям Латинской Америки, наиболее полную типологизацию героев содержит монография А. Ф. Кофмана «Латиноамериканский художественный образ мира», где представлены такие повторяющиеся типы героя, как чужак, человек-зверь, дикарь-варвар, этнотип, и указанные типы героев – за исключением мачо и диктатора – могут в равной степени относиться и к героине [22: 236]. Названные типы героев и героинь относятся к латиноамериканской литературе в целом, без ка-

ких-либо разграничений, т. е. автор специально не приводит характеристики персонажей, фигурирующих в произведениях «магических» реалистов. Один из наиболее распространенных типов героя – человек-зверь – при сравнении человека с животными воспринимается в позитивном смысле. Принципиально иную смысловую нагрузку несет образ человека-зверя в произведениях британских авторов. У Анжелы Картер, например, звериная сущность персонажей свидетельствует, скорее, об отрицательных качествах, в чем, вероятно, проявляется традиция западно-европейской литературы (Чудовище в «Женитьбе мистера Лайона», Тигр в «Невесте тигра» и др.).

Самобытность латиноамериканской литературы и культуры вообще обусловлена историческими факторами, приведшими к возникновению уникального явления, о чем в свое время писал Алехо Карпентьер: «Наша история совершенно иная с самого начала, ибо земля Америки стала театром самой сенсационной встречи разных этносов из всех отмеченных в анналах мировой истории: то была встреча индейца, негра и европейца... и всем им в дальнейшем суждено было смешаться друг с другом...» [24: 10].

Формированию особого статуса латиноамериканских народов способствовала этническая и культурная дву- или даже триединность новых наций. Встреча европейского и индейского, а позднее и негритянского этноса послужила началом взаимопроникновения различных культур.

Те же причины, явившиеся результатом столкновения разных миров и этносов, обусловили возникновение в британской литературе ярких примеров синтеза традиций Востока и Запада. Являясь «воплощением мультикультурной гибридности», сочетая в себе различные литературные традиции, эти произведения построены в соответствии с приемом «интертекстуальной контаминации» [26: 8]. Понятие гибридности, упоминающееся еще М.М. Бахтиным как «сме-

шение языковых сознаний» [11: 170–171], становится основным стрижнем новой литературы, и показательными в этом смысле являются произведения Салмана Рушди.

Если формирование латиноамериканской литературы происходило под влиянием западно-европейской культуры, что нашло отражение во многих произведениях писателей Латинской Америки, то английская литература «магического» реализма в свою очередь испытала весьма ощутимое влияние творчества латиноамериканских писателей. Особая роль в этом процессе принадлежит Габриелю Гарсиа Маркесу, мотивы и образы произведений которого встречаются как в романах, так и в малой прозе «магических» реалистов Великобритании.

В рассказе Анжелы Картер «Волчица Алиса» главная героиня занимает как бы промежуточное положение между человеком и животным. Выросшая в стае волков, она, оказавшись среди людей, продолжает жить в соответствии со своими представлениями об окружающем мире: «В ней нет ничего человеческого, кроме того, что она не волк; как будто мохнатая шкура, которую, как ей казалось, она носит, переплавилась в кожу и стала ее частью, хотя шкуры никогда не было. Как и все дикие звери, она не думает о будущем. Она живет лишь в настоящем времени, бесконечно джлящемся, в мире непосредственных ощущений, где нет ни надежды, ни отчаяния». Брошенная в младенчестве своей матерью, Алиса в силу обстоятельств оказывается вне общества. Когда же ее находят в волчьем логове рядом с застреленной приемной матерью-волчицей и пытаются «вернуть» или «спасти», она оказывает отчаянное сопротивление, проявляя всю свою дикость и необузданность: «...она так вцепилась острыми клыками в своих спасителей, что они еле ее оттащили» [19: 211].

Картер не случайно выбирает для своей героини промежуточное положение между человеком и животным. Как правило, герой в произведениях «магических» реалистов отличен от окружающих, в чем-то не такой, как все. Это обособление героя, его оторванность от общества, само по себе определяет его удел – одиночество, так явно проявившийся в произведениях Г. Гарсиа Маркеса.

«Если бы эта одетая в лохмотья девушка с пятнистыми обвислыми ушами могла говорить так же, как мы, она бы сказала о себе, что она – волк, но говорить она не может и только воет от одиночества...» [3: 209].

То же чувство покинутости, ощущение себя лишней в своей семье движет и героиней повести

Г. Гарсиа Маркеса «О любви и других напастях» Сьервой Марией де Тодос лос Анхелес. Единственная дочь маркиза де Касальдуэро, фактически выращенная негритянкой Домингой де Адвенто, находившейся в услужении в доме ее отца, она считает своим истинным домом мир заднего двора, где в двух крытых соломой бараках обитают негры-рабы: «Там, где всегда гремела музыка и сама собой заваривалась вечеринка, где веселились рабы ее родителей и пришедшие в гости кто с чем рабы из других богатых домов, Сьерве Марии было хорошо» [12: 76]. Будучи особой весьма знатного происхождения Сьерва Мария предпочитает спать в невольничьем бараке, в индейском гамаке, доставшемся ей в наследство от Доминги, а не в доме своего отца, доме, который некогда был предметом гордости горожан. Волчица Алиса в рассказе Анжелы Картер «спит в мягкой и теплой золе очага; все кровати – ловушки, она не будет в них спать» [20: 213].

Сьерва Мария фактически занимает промежуточное положение между аристократкой, какой она является по происхождению, и негритянкой, так как все свое время проводит в обществе рабов: «Она танцевала искусней и неистовой природных африканок, она распевала на разные голоса и на разных наречиях и так передразнивала животных и птиц, что их самих сбивала с толку. По приказу Доминги юные невольницы мазали ей лицо сажей, надевали поверх ладанки, полученной при крещении, ожерелья и амулеты...» [13: 76]. Инаковость главной героини повести Гарсиа Маркеса еще более усиливается после того, как она заболевает страшной болезнью, причиненной укусом бешеной собаки. Из четверых укушенных в тот день бродячим псом трое были негры рабы, четвертой оказалась двенадцатилетняя Сьерва Мария, пришедшая на рынок с Домингой купить связку бубенчиков для своего дня рождения. Волчица Алиса в рассказе А. Картер приблизительно того же возраста, что и Сьерва Мария, – почти ребенок, необычность или инаковость которого принимается окружением: «Волки заботились о ней, потому что знали: она не совсем волк; мы сами заточили ее в животном состоянии из страха перед ее неполноценностью, потому что она демонстрировала нам, какими мы были когда-то...» [21: 215].

Родители Сьервы Марии не просто не любили ее, а, скорее, испытывали к дочери ненависть, находя в ней свои собственные черты. Узнав о том, что дочь, возможно, больна бешенством, Бернарда, мать Сьервы Марии, не выражает ни малейшего беспокойства по поводу участи де-

вочки: «Неважно от чего она умрет [...], но только бы не из-за того, что ее собака укусила». И хотя отец-маркиз приказал, чтобы Сьерва Мария ночевала не в бараке, куда в свое время ее сослала Бернарда (у А. Картер героиня рассказа «Волчица Алиса» также брошена своей матерью), а в спальне своей бабушки маркизы, девочка тем не менее сбегает в барак. Кроме того, что героини Картер и Гарсиа Маркеса почти ровесницы, внешне они обладают сходными чертами. У хрупкой и изящной Сьервы Марии «были прекрасные зубы, ясные глаза, устойчивые ноги, проворные руки, и каждый ее волосок сулил ей долгие годы жизни» [14: 86]. У героини А. Картер «ноги длинные, тонкие и мускулистые... [...] У нее широкие плечи, длинные руки...» [18: 210].

Одной из основных проблем повести Гарсиа Маркеса «О любви и других напастях» является проблема веры и безверия. У Гарсиа Маркеса вера представлена не только различными обрядами и ритуалами или католической религией, но необходимостью человека понять смысл жизни, в то время как безверие подкрепляется чувствами. В поисках смысла своего существования люди приносят в жертву себе подобных, как, например, епископ, который обрекает Сьерву Марию на заточение в келье для заживо погребенных. То есть его вера фанатика оказывается более губительной, чем дьявол, якобы вселившийся в ее душу. Героиня, таким образом, оказывается окончательно отвергнутой людьми. Епископ поручает своему любимцу священнику Каэтано Делауре изгнать беса из маленькой маркизы. Но, согласившись поначалу лечить ее рану от укуса, он проникается состраданием к своей пациентке, которое потом перерастает во взаимную любовь. Однако, попав в немилость к епископу, «вычеркнутый из сердца», он проводит последние дни своей жизни, работая санитаром в больнице для прокаженных. Вскоре в своей келье умирает Сьерра Мария, так и не увидев своего возлюбленного и не узнав, что с ним произошло.

Похожий поворот сюжета присутствует в рассказе Анжелы Картер. Когда настоятельница монастыря, куда ее привезли, пыталась научить ее молитве, Алиса «задрожала, выгнула спину дугой, заскребла лапой землю и, удалившись в самый дальний угол часовни, присела там на корточки, [...] в общем, казалось бы, полностью вернулась в свое исходное состояние». После этого без всяких сомнений было решено отправить Алису в заброшенное и неосвященное церковью поместье герцога, который так же, как и

Алиса имел мало общего с остальными людьми. Пожиратель трупов, герцог не отражался в зеркалах и жил совершенно один в своем мрачном замке. По ночам его можно было встретить идущего вдоль церковной стены с перекинутым через плечо трупом: «Когда он проходит мимо, коровы беспокойно мычат в своем хлеву, а собаки, скуля, прячут нос между лап». Подобно главным героям повести Гарсиа Маркеса, герцог является изгоем общества: «будь герцог волком, его бы с гневом изгнали из стаи и ему пришлось бы многие мили бежать за ними след, униженно припадая брюхом к земле...» [16: 213–214].

Так же, как и в повести Гарсиа Маркеса, между двумя изгоями возникает любовь, родившаяся из сострадания. Прогуливаясь ночью вокруг замка, Алиса видит герцога, собирающегося совершить очередной каннибальский ритуал. Уловив запах ладана, она понимает, что герцогу угрожает опасность. Жители деревни жаждут отомстить герцогу за то, что он осквернил могилы их родственников. Услышав свист пуль, Алиса вспоминает, как когда-то люди убили ее приемную мать-волчицу, и решает бежать в сторону замка, тем самым, отвлекая внимание толпы и спасая герцога.

Но если у Гарсиа Маркеса вера выступает как неотъемлемая потребность человеческого разума понять смысл существования, а люди приносят в жертву себе подобных в своем стремлении обрести жизненный смысл, то муж умершей новобрачной в «Волчице Алисе» собирается порешить герцога из чувства мести. Анжела Картер явно иронизирует по поводу религиозных обрядов и религии вообще: «...в специальном вагоне из города ему доставили бочку с десятью галлонами святой воды, освященной самим архиепископом, чтобы утопить в ней герцога, если его не возьмут пули» [17: 220].

Финал истории Анжелы Картер более оптимистичен, чем у Г. Гарсиа Маркеса. Алиса проникается состраданием к раненому герцогу, истекающему кровью и воюющему, «словно волк, попавший в капкан». Ей становится жаль его, «как было жаль свою исхудалую серую мать», и она, без всякого отвращения начинаетлизывать его раны. Под влиянием ее манипуляций, зеркало начинает сдаваться перед «отражающей силой своего материала», и в нем постепенно проступают черты лица герцога.

Таким образом, в отличие от героев повести Габриеля Гарсиа Маркеса, Алисе удается «вылечить» герцога, вернуть ему человеческий облик и способность отражаться в зеркалах. Но роль ис-

целителя, зализывающего раны, перекладывается в рассказе с мужчины на женщину, что в целом характерно для творчества Анжелы Картер.

В работе М. Горра «После империи» анализируются произведения трех англоязычных авторов, так или иначе связанных с Индией: П. Скотта, В. Найпола и С. Рушди. Анализ романов этих абсолютно разных писателей – Лондонца, побывавшего в Индии несколько раз, человека, родившегося в среде индусских эмигрантов, и получившего британское образование сына бизнесмена мусульманского происхождения из Бомбея – посвящен одной проблеме, постоянно вычерчивая и постоянного стирания границ идентичности, оставшейся в наследство от британского империализма. И если в конце 1960-х П. Скотт заметил, что Индия для жителей Британских островов всегда возглавляла список тем, не способных пробудить их любопытство, то почти три десятилетия спустя, ситуация – по крайней мере в литературе – в корне изменилась. «Империя во всех своих ипостасях является темой, все больше увлекающей авторов, пишущих по-английски. По мере того, как политики сворачивают свои карты бывших колоний, романисты разворачивают их снова» [4: 21].

Как отмечает С.П. Толкачев, особая роль в утверждении реальностей нового, мультикультурного мира, принадлежит писателям-мигрантам, находящимся в ином, непривычном культурном окружении. Так как именно они, адаптируясь в условиях новой культуры, претерпевают воздействие факторов мультикультурной среды, пропуская ее феномены через свое творческое сознание. И творчество С. Рушди служит в данном случае далеко не единственным примером современной художественной прозы.

Инаковость – одна из основных характеристик литературы «магического реализма», в частности в латиноамериканской литературе, воплощается понятиями «иной», «особый» («иной мир», «мир иных измерений»), выявляя особенности латиноамериканского художественного мышления. Долгое время европейскому писателю, привыкшему воспринимать мир из своего «центра» такая потребность не была свойственна. Как отметил Борхес, для жителя Европы не существует понятия «европеец», а есть лишь понятия «француз», «немец», «англичанин» и т. п. Образы, с присущими им чертами инаковости, появляются в прозе мультикультурных писателей. Часто герои мультикультурного пространства испытывают чувство раздвоенности, тщетно пытаясь найти духовное убежище. Конфликт

протагониста с окружающей средой ненавязчиво вырисовывается автором как основной тип конфликта произведений. Героиня рассказа С. Рушди «Ухажер», индианка, побывавшая в Англии и заявляющая, что «сердце ее разбито», [6], так как в Индии ей не хватает Англии, а в Лондоне Бомбея. Сходные черты присутствуют в характере Саладина Чамчи, («Сатанинские стихи»), эмигрировавшего в Англию из Индии и оказавшегося в суровых жизненных условиях. Не случайно в романе Рушди выживает именно тот герой, который способен адаптироваться в мультикультурной среде, не отдавая предпочтение традициям только Востока или Запада.

Таков и Мораиш Зогайби, герой знаменитой саги Салмана Рушди «Прощальный вздох Мавра», сын «легендарной» необыкновенно красивой женщины из высшего общества Ауроры да Гамы и потомка испанских евреев Авраама Зогайби. Постоянные упоминания главным героем книги смешения предметов, жизненных судеб и ситуаций позволяют понять намерение Рушди создать «гибридный» текст, включающий, кроме всего прочего, «приспособленную для жизни в тропических условиях Викторианскую драму», индийскую мелодраму, сентиментальную историю и гангстерский фильм [5]. «Город сам по себе, и, вероятно, вся страна, была палимпсестом» [7] – повествует Зогайби, намекая на эклектизм читаемого нами произведения. Торжество смешений, гибридности и всяческих переплетений воспринимается как собственный комментарий автора к его книге.

Сверхнормативность в литературе «магического» реализма выступает в качестве явно выраженной идеологемы, так как «Латинская Америка не укладывается в привычные представления европейцев; это мир, ломающий все их старые нормы». Пересекая океан, европейцы попадали в иную реальность, надеясь на встречу с чудом. Веря в чудо, они изначально воспринимали американский континент как сверхнормативный, чудесный. Знаменитая концепция «чудесной реальности» Карпентьера явилась концептуальной завершенностью идеологемы сверхнормативности, где слово «чудесный» утратило свой подлинный смысл. Единственно верное толкование «чуда» у «магических» реалистов – это все, что связано с необычным. «Необычное само по себе не является ни прекрасным, ни уродливым, оно скорее поразительно. Все, выходящее за рамки установленных норм, – чудесно» [15]. Таким образом, аномальность переводится Карпентером из плана феноменологического в план онтологический [23: 34]. Мифологема сверхнорма-

тивности проявляется в прозе «магических» реалистов не только на декларативном уровне, но и в образах героев, моделях их поведения, и на сюжетном уровне. Как отмечает А.Ф. Кофман, «можно с полным правом говорить о поэтике сверхнормативности, как о специфической черте латиноамериканской литературы».

Именно сверхнормативность (как на уровне физических возможностей, так и на уровне различных способностей героя) выступает главной характеристикой персонажей Салмана Рушди. Мораиш Зогойби в «Прощальном вздохе Мавра» растёт «во всех трех измерениях», и к десяти годам пиджаки его отца, довольно крупного мужчины уже становятся узки ему в плечах: «I was a skyscraper freed of all legal restraints, a one-man population explosion, a megapolis, a shirt-ripping, button-popping Hulk». Вынашиваемый только четыре с половиной месяца в утробе матери, он получает «очень быстрый разгон», и восемь лет, в честь дружбы с художником В. Мирандой, носит остроконечные вошечные усики. Сам герой вполне осознает свою необычность, так как в три с половиной года он выглядит как ребенок семи лет, слишком большой для детского сада, а для начальной школы, к сожалению, недоразвит: «The wider my physical bounds were set, the more limited horizons seemed to become. Education was a problem». Герой всячески стремится стать обыкновенным, но все его попытки обречены на неудачу; т. е. герой постоянно претерпевает внутренний конфликт с самим собой: «In spite of all my efforts to create a neat, tidy, obedient, moderate, unexceptional persona, I was simply too weird for them». Экстраординарность героя воспринимается окружающими его людьми как некое чудо, тем самым аномальное интерпретируется как необычное и вполне реальное: «Ten years old men... man cub, you are the eight wonder and no mistake» [8: 188–189] – восклицает учительница Дилли Ормуз, приглашенная семьей Зогойби для домашних уроков их сына Мораиша. Эта экстраординарность (или аномальность) неразрывно связана с темой исключительности героя: «The doctors gave my misfortune first one name then another, but when we sat in her studio as artist and model Aurora told me constantly that I must not think of myself as the victim of an incurable premature – ageing disorder, but a magic child, a time traveller». Эта исключительность персонажа воспринимается им самим и его близкими как особая привилегия личности, на которую семья (или целая нация) возлагает большие надежды, хотя вполне очевидно, что мысли эти основаны ско-

рее на страхе перед непонятным и необъяснимым, нежели на убеждении или научных знаниях: «It seemed she had decided to fight fear – hers as well as my own – by espousing such strategies of conjecture, by making my lot a privileged one, and presenting me to myself as well as to the world as someone special, someone with a meaning, a supernatural Entity who did not truly belong to this place, this moment, but whose presence here defined the lives of those around him, and of the age in which they lived» [1: 219–220].

Изображая исключительность героя, необычность, отличающую его от других людей, Рушди часто прибегает к гротескности в описании внешности персонажа или его способностей: «... from the moment of my conception, like a visitor from another dimension, another time-line; I have aged twice rapidly as the old Earth and everything and everyone thereupon». Повествуя о своем ускоренном развитии в материнской утробе Мавр (или Мораиш Зогойби) сравнивает свой рост с кинематографическим спецэффектом, называя себя малышом Гаргантюа Зогойби (Baby Gargantua Zogoiby): «... as if under the influence of some twice-pushed genetic button her biochemical pixels had gone loco and begun to morph her protesting body so violently that the speeded-up outward effects of my gestation actually became visible to the naked eye... I attained mountainous proportions when I should still have been at the minor molehill stage...». Причем очевидные преувеличения, используемые героем, воспринимаются как проявления не фантастического, а вполне реального, что может быть объяснено, скажем, как пример акселерации. И сам герой считает, что нет необходимости привлекать сверхъестественное для объяснения своего существования с удвоенной скоростью, которое позволяет прожить лишь полжизни: «No need for supernatural explanations: some cock-up in the DNA will do» [9: 144–145].

Герой романа Рушди «Дети полуночи» Сэлим Синаи также обладает сверхъестественным даром – он может на расстоянии, как близком, так и весьма далеком, читать мысли людей. С момента появления Сэлима на свет, а происходит это ровно в полночь 15 августа 1947 года, на Сэлима возлагаются большие надежды, так как родился он в день провозглашения независимости Индии, в миг рождения нации. Все дети, родившиеся в эту ночь, также наделены сверхнормативными (или чудесными) способностями: «...in the Gir Forest lived a witch-girl with power of healing by the laying-on of hands, and there was a wealthy tea-planter's son in Shillong who had the

bleeding (or possibly the curse) of being incapable of forgetting anything he ever saw or heard. [...] scion of a great Lucknow family [...] had completely mastered, by age of ten, the lost arts of alchemy, with which he regenerated the fortunes of his ancient but dissipated house; and which dhobi's daughter from Madras could fly higher than any bird simply by closing her eyes; and to which Benarsi silversmith's son was given the gift of traveling in time and thus prophesying the future as well as clarifying the past...». При чем чем ближе к полуночи родилось то или иное дитя, тем большими дарованиями оно было наделено. Благодаря своей способности слышать и понимать мысли людей Сэлим занимает среди детей полуночи особое положение. Он созывает их на конференции детей полуночи, которые проходят в его голове. И здесь Рушди в лучших традициях «магического» реализма оставляет путь к отступлению: все те чудеса, которые происходят в сознании Сэлима можно отнести к его фантазии или галлюцинациям, так как до этого он несколько раз травмировал голову, а окончательно приобрел свой необыкновенный дар в результате падения с велосипеда: «And then, as a result of a jolt received in a bicycle-accident, I, Saleem Sinai, became aware of them all» [10: 226–228].

Но, к сожалению, талантам детей полуночи не суждено получить признание. Во-первых, к моменту знакомства Сэлима с другими сверхдарованными детьми, из 1001 родившегося в ночь на 15 августа остается только 581. Во-вторых, способности многих из них с самого начала оказываются бесполезными и нежеланными даже для самих детей: «I should say at once that not all the children's gifts were desirable, or even desired by children themselves; and in some cases, the children had survived but been deprived of their midnight-given qualities. For example let me mention a Delhi beggar-girl called Sundari [...] whose beauty was so intense that within moments of her birth it succeeded in blinding her mother and the neighboring women who had been assisting...» [Rushdie 1980: 226]. Идея никчемности как самих детей, так и их талантов, неоднократно повторяется рассказчиком: «Midnight's children!... From Kerala, a boy who had the ability of stepping into mirrors and re-emerging through any reflective surface in the land-through lakes and (with greater difficulty) the polished metal bodies of automobiles... and a Goanese girl with the gift of multiplying fish... and children with powers of transformation» [2: 227].

То есть образ фактически каждого из детей полуночи означает тупик, намечая еще одну устойчивую тему творчества Рушди – тему несбывшихся надежд, никчемности героя. Как становится известно в конце повествования, все ос-

тавшиеся (на тот момент) «дети» полуночи подвергаются процедуре стерилизации, которую Сэлим называет выкачиванием надежды, а сверхнормативность и инаковость, которые отличают героев С. Рушди и А. Картер, являются наиболее общими и распространенными характеристиками героя (героини) в произведениях британской литературы «магического» реализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ibid. – P. 219–220.
2. Ibid. – P. 227.
3. Ibid. P. 209.
4. Kemp, Peter. Hymns to the Hybrid. – The Times Literary Supplement. 1997. № 4921. – P. 21.
5. Pamuk, Orhan. Salaam Bombay! The Mellowing of Magic Realism in Salman Rushdie's Family Saga. – The Times Literary Supplement. September 8, 1995.
6. Rushdie, Salman. East, West. – Vintage, London. – 1995.
7. Rushdie, Salman. The Moor's Last Sigh. Vintage Books, N.-Y., 1997.
8. Rushdie, Salman. The Moor's Last Sigh. Vintage Books, N.-Y., 1997. – P. 188–189.
9. Rushdie, Salman. The Moor's Last Sigh. Vintage Books, N.-Y., 1997. – P. 144–145.
10. Rushdie, Salman. The Moor's Last Sigh. Vintage Books, N.-Y., 1997. – P. 226–228.
11. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин. – М., 1975. – С. 170–171.
12. Гарсиа Маркес, Габриель. О любви и других напастях / Габриель Гарсиа Маркес. – Иностранная литература, 1994. № 5. – С. 76.
13. Гарсиа Маркес, Габриель. О любви и других напастях / Габриель Гарсиа Маркес. – Иностранная литература, 1994. № 4. – С. 76.
14. Гарсиа Маркес, Габриель. О любви и других напастях / Габриель Гарсиа Маркес. – Иностранная литература, 1994. № 3. – С. 86.
15. Карпентьер, Алеко. Эссе. Мы искали и нашли себя / Алеко Карпентьер. – М., 1984.
16. Картер, Анжела. Кровавая комната / Анжела Картер. – М.: Эксмо, 2004. – С. 213–214.
17. Картер, Анжела. Кровавая комната / Анжела Картер. – М.: Эксмо, 2004. – С. 220.
18. Картер, Анжела. Кровавая комната / Анжела Картер. – М.: Эксмо, 2004. – С. 210.
19. Картер, Анжела. Кровавая комната / Анжела Картер. – М.: Эксмо, 2004. – С. 211.
20. Картер, Анжела. Кровавая комната / Анжела Картер. – М.: Эксмо, 2004. – С. 213.
21. Картер, Анжела. Кровавая комната / Анжела Картер. – М.: Эксмо, 2004. – С. 215.
22. Кофман, А.Ф. Латиноамериканский художественный образ мира / А.Ф. Кофман. – М.: Наследие, 1997. – С. 236.
23. Кофман, А.Ф. Латиноамериканский художественный образ мира / А.Ф. Кофман. – М.: Наследие, 1997. – С. 34.
24. Кутейщикова, В.Н. Новый латиноамериканский роман / В.Н. Кутейщикова, Л.С. Осповат. – М.: Советский писатель, 1983. – С. 10.
25. Литературная энциклопедия терминов и понятий. – Минск: Интелван, 2003. – С. 492.
26. Толкачев, С.П. Образы гибридности в произведениях англоязычных писателей-мигрантов / С.П. Толкачев // Вестник Московского университета. – 2003. – № 1. – С. 8. (Серия 9. Филология)

ВЕНГЕРОВСКОЕ ИЗДАНИЕ «СОНЕТОВ» ШЕКСПИРА В ИСТОРИИ ИХ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ

Е.А. Первушина

Первушина Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка как иностранного Института русского языка и литературы Дальневосточного государственного университета.

Переводы сонетов Шекспира, появившиеся в собрании сочинений писателя, изданном в 1905 г. под редакцией С.А. Венгерова, стали конструктивно важным этапом в русской истории шекспировской сонетианы. «Венгеровские» авторы, бывшие несомненными мастерами отечественного сонета, разработали новые пути воссоздания жанроорганизующих основ шекспировских стихов: драматического напряжения сюжета, функциональной глубины метафоризма и характерной усложненности поэтических образов. В статье впервые определен особый тип циклического единства венгеровского свода и отмечена его конструктивность в современных условиях растущей переводной множественности «Сонетов».

Ключевые слова: «Сонеты» Шекспира, русский перевод, венгеровский свод сонетов, воссоздание шекспировских стихов.

Публикация в 1902–1905 гг. собрания сочинений Шекспира, осуществленная под редакцией известного историка литературы и библиографа–просветителя С.А. Венгерова (1855–1920), стала значительным событием в культурной истории России. Издание и сейчас остается примером высочайшего научно-издательского мастерства. Именно оно явилось «своего рода систематическим сводом данных о Шекспире, накопленных в русской науке, первой русской “энциклопедией шекспирологии”, ... которая в начале XX столетия становится полноправной научной дисциплиной и вступает в успешное соревнование с зарубежным... шекспироведением». Именно это издание стало реализацией остро назревшей на рубеже XIX–XX вв. необходимости «составить новый свод лучших шекспировских переводов» [3: 704, 706].

Известно, что Венгеров решился на довольно смелый и оригинальный шаг в публикации шекспировских сонетов – он поручил перевод сборника творческому коллективу. Была проделана грандиозная работа. По свидетельству Н.Н. Бахтина, в венгеровском собрании только 15 сонетов были представлены в уже известных переводах Н.В. Гербеля, И.А. Мамуны и С.А. Ильина; остальные 139 – в новых, выполненных именно для этого издания переводах В.С. Лихачева, Н.А. Холодковского, К.К. Случевского, К.М. Фофанова, В.Я. Брюсова, Т.Л. Щепкиной-Куперник и др. [2: 597].

Привлечение таких значительных переводческих сил было подчинено единой творческой цели – **воссозданию своеобразия и красоты шекспировской поэзии**. Эта идея красноречиво характеризовала новое состояние отечественной рецепции шекспировских сонетов на рубеже XIX–XX вв. До этого времени в России еще обсуждался вопрос о том, «отдать ли предпочтение

точным, но прозаическим переводам Шекспира или поэтическим, но ...далеким от подлинника переводам» [4: 702]. Однако в 1880-е гг., как указал К.И. Ровда, позиции сторонников поэтического перевода усилились. Наиболее твердо и последовательно, по мнению исследователя, эту позицию выразил А.Н. Веселовский, убежденный в том, что «переводчик должен “овладеть языком Шекспира, проникнуться духом его произведения, *восчувствовать его поэтические красоты*” и *воспроизвести их*» [курсив наш. – Е.П.].¹ Именно эта цель стояла перед создателями «венгеровской» публикации «Сонетов», и именно в этом плане «венгеровское» собрание сыграло свою очень заметную роль в истории русской сонетианы Шекспира.

Однако до сих пор этот грандиозный труд все еще не получил должной оценки. О «венгеровских» переводчиках говорили весьма сдержанно и бегло [5], акцентируя основное внимание на том, в чем не удалась данная публикация: многочисленный и очень разнородный переводческий коллектив не сумел достичь должного художественного единства. Естественно, что в связи с этим не возникало вопроса о циклической организации этого сонетного свода. Подобное пренебрежение представляется нам совершенно неоправданным – не замечать и недооценивать работу, ставшую важным и конструктивным этапом в отечественной истории шекспировской «сонетианы», недопустимо [7: 352].

¹ Исследователь сослался при этом на неизвестного автора, заявившего в 1891 г.: «Никогда никакой прозаический перевод поэтического произведения не даст о нем настоящего понятия», так как при таком переводе совершенно утрачивается “букет”, составляющий “жизнь всякого изящного произведения и без которого оно похоже на выдохшееся вино”» [Ровда К.И. Годы реакции // Шекспир и русская культура. – М. – Л.: Наука, 1965. – С. 636, 638].

Впервые русские читатели увидели полный цикл сонетов Шекспира в 1880 г. в переводах Н.В. Гербеля (1827–1883). Благодаря ему шекспировские стихи предстали уже не отдельными и разрозненными, а совокупностью произведений, поэтическим ансамблем, лирическим циклом. Однако эстетической ценности эти переводы, как известно, не имели. «Венгеровский» же свод сонетов, при всех имеющихся в нем недочетах, был выполнен на **качественно ином, гораздо более высоком художественном уровне**. Вспомним, к примеру, некоторые курьезы из гербелевских переводов и сравним их с новыми версиями.

№ сонета	Гербель	Венгеровское издание
16	Зачем не сбросишь ты губительное бремя, Которым так гнетет тебя седое Время? Зачем не вышлешь, друг, в отпор на грозный зов, Ты нечто посильней, чем пук моих стихов?	<i>А.М. Федоров</i> Но почему в борьбе с слепым тираном Не ищешь ты надежного пути? Тебя летучим рифмам не спасти.
41	Различные грешки, рожденные свободой, Когда, расставшись, я не вижу с тобой, Не прочь сойтись ладком с твоею красотой, Затем что идут вслед тебе соблазн с природой.	<i>П.Н. Краснов</i> Грехи любви, что совершаешь ты, Из сердца вырвав образ мой влюбленный, Естественны для юной красоты, Со всех сторон соблазном окруженной.
139	Ты грудь мне языком пронзай, но не глазами...	<i>И. Мамуна</i> Доканчивай скорей – не взглядом, но словами!
148	Как страсть могла вложить мне в голову глаза, Не видящие в тьме житейской ни аза.	<i>А. М. Федоров</i> О, горе! Для чего глаза такие мне Поставила любовь! Их зрение фальшиво.

Конечно, анализ новой переводной версии нельзя сводить к выявлению отдельных исправленных просчетов явно бесталанного Гербеля. Важно увидеть другое: «венгеровские» авторы, разработавшие новые переводческие подходы к шекспировским сонетам, оказались гораздо успешнее **в воссоздании их жанроорганизующих**

основ. И не один В.Я. Брюсов – многие новые переводчики добились большего в освоении **характерного драматизма лирических сюжетов и барочной усложненности поэтических образов**, отличающих сонеты Шекспира.

Приведем для примера сравнение гербелевской версии 3-го сонета Шекспира с работой **В. С. Лихачева (1849–1910)**, чьи переводы открывали «венгеровский» свод.

Гербель	Лихачев
Подумай, в зеркале увидев образ свой, Что должен он в другом созданье возродиться; А если нет, то мир обманут был тобой И счастья мать одна через тебя лишится. Кто б пренебречь дерзнул любовь твою Из дев, как ни была б собой она прекрасна, И грудь могла ль ее так сделаться бесстрашна, Чтоб захотеть сойти в могилу без детей? Ты матери своей хранишь изображение – И видит вновь она в тебе твою весну.	Ты видишь в зеркале свое изображение? Скажи ему: пора подобное создать; Иначе у земли ты совершишь хищенье, У юной матери отнимешь благодать. Где та красавица, чья девственная нива Такого пахаря отвергла бы, как ты? Найдется ли глупец, чтоб скрыть себялюбиво Во мраке гробовом наследье красоты? Для матери своей ты зеркало такое ж, Она в тебе апрель свой дивный узнаёт: Сквозь стекла старости в родных чертах откроешь Ты также золотой звезды своей восход. Но если хочешь ты по смертного забвенья, То умирай тогда один – без отраженья.
Ах, так и ты, склоня взор к старости окну, Увидишь и вкусишь вновь юности волненье! Но если хочешь быть забытым, милый мой, Умри холостяком, а с ним и образ твой.	

Очевидно, что перевод Лихачева точнее формально: в отличие от Гербеля, употребившего во 2-м и 3-м катренах не перекрестные, а опоясанные рифмы, он сохранил шекспировскую модель. Особенно важно отметить точность Лихачева в понимании **функциональной глубины шекспировского метафоризма**. Вспомним, какую важную роль в сонете самого Шекспира выполняет образ зеркала. Это поэтический лейтмотив стихотворения, основа его сюжетного движения, осуществляемого в характерной смысловой игре метафорами (*ты – отражение юности твоей матери, поэтому в тебе она видит себя,*

как и ты через стекло старости увидишь свое отражение в детях). Гербель, не сохранивший авторского уподобления героя зеркалу, разорвал эту поэтическую цепочку тонко и сложно организованного лейтмотива. Пострадал не только поэтический колорит стихотворения, но и весь его смысл. Лихачеву же удалось сохранить сюжетно-образную канву оригинального сонета.

Конечно, некоторые, «слишком фигурные», по выражению Н.М. Карамзина, шекспировские фразы Лихачев упростил и выпрямил, особенно в заключительном двустишии сонета². Но все-таки не до такой степени, как это сделал Гербель, явно устыдившийся чересчур откровенного, на его взгляд, шекспировского выражения в 2-х первых строках 2-го катрена «*For where is she so fair whose unhear'd womb / Disdains the tillage of thy husbandry?*» (Где та, чье невспаханное лоно / Откажется от возделывания твоей пахотой?). Лихачев, как видим, постарался сохранить впечатляющую **смелость образного колорита**, свойственного сонетам Шекспира.

Умение воссоздать особенно трудную для перевода **барочную окраску шекспировских поэтических образов** продемонстрировал и другой «венгеровский» автор – **Н.А. Холодковский (1858–1921)**. Выразительный пример указанной метафоры, построенной на характерном стяжении «далековатых» противоположностей, представлен в 3-м катрене 23-го сонета, где Шекспир сравнил книги лирического героя с *немым* вестником его *кричащей* души: «*O, let my books be then the eloquence / And dumb presagers of my speaking breast*». Образы такого типа придавали сонетам Шекспира неповторимое очарование – в них был особый поэтический аромат типичной для жанра изысканной игры словами. Посмотрим, как перевели этот катрен Гербель и Холодковский.

Гербель	Холодковский
Так пусть стихи мои, как смелый проводник, Предшествуют в пути словам моим безгласно И молят о любви успешней, чем язык Мой умолял тебя так часто и напрасно.	Дозволь же книг моих цветистой речи Быть толмачом немым любви моей: Она достойна, верно, лучшей встречи, Чем речь из уст, столь бледная пред ней!

² У Шекспира оно выглядит так: «*But if thou live, remember'd not to be, / Die single, and thine image dies with thee*» (в нашем подстрочном переводе: «Но если ты живешь так, чтобы не оставаться в памяти, / Умри в одиночестве, и твой образ умрет с тобой»).

Мы видим, что Гербель не справился с метафорой и подменил контрастность образов простой перечислительностью (*стихи безгласно предшествуют словам*), к тому же обескуражив читателя неоправданным нарушением обязательной для классического сонета законченности поэтической строки, в данном примере – 3-й. Холодковский же, противопоставивший цветистую *речь* книг *немому* толмачу любви, сохранил поэтический колорит шекспировского контраста.

Обратим внимание и на то, что у Гербеля явно изменилась **система образов персонажей**: его герой, как видим, повелевает (*пусть стихи предшествуют*), ни к кому конкретно не обращаясь. В итоге в стихотворении исчез важный в оригинале **поэтический адресат**. Холодковский его сохранил, именно к нему обращается его лирический герой, именно его он умоляет, поэтому Холодковскому удалось точнее и глубже передать свойственное сонету **напряжение лирического драматизма**. Герой Гербеля, из опасения забыть нужные слова, *наедине с собой* решал облегчить предстоящее ему устное объяснение стихами. А у Холодковского мы видим героя в мучительном оцепенении *перед предметом его любви* – уста героя сковал страх перед возможным недоверием со стороны этого человека, но одновременно герой трепетно надеялся, что объект его страсти соблаговолит выслушать и – самое главное – понять немой язык книжных слов.

Конечно, несмотря на более высокую степень адекватности оригиналу, «венгеровский» свод, как всякий художественный перевод, **был безусловной поэтической трансформацией** шекспировских сонетов. Чрезвычайно важно при этом иметь в виду, что указанная трансформация происходила во время, когда отечественный сонет уверенно заявил о себе настолько серьезно, что Россию стали называть одним из европейских центров сонетной культуры [10: 5–34]. Вспомним, что в числе приглашенных Венгеровым авторов были не только собственно переводчики, но и признанные поэты-сонетисты. Они положили начало тому особенному типу художественной рецепции шекспировских сонетов, при котором **влияние национальной поэзии стало более весомым**. В переводах активнее зазвучали **поэтические голоса самих поэтов-переводчиков**.

Выразительный пример – **К.К. Случевский (1837–1904)**, лирической магистралью которого называют «промежуточное состояние души не живой и не мертвой», постоянное стремление «заглянуть за край дозволенного»[1]. Тонкое по-

этическое предчувствие символистской сосредоточенности на идеях, находящихся за пределами чувственного восприятия, обращение к логически непроницаемым образам-озарениям объясняют, почему так значима и своеобразна у Случевского тема смерти, кладбища и загробного мира. Его «кладбищенская» печаль принципиально отличалась и от сентименталистского горевания о скоротечности суетной жизни, и от романтической неудовлетворенности реальностью – это было **трагическое ощущение постоянно колеблющихся состояний мира**, где границы реальности и грезы, мысли и безумия, жизни и смерти весьма относительны. Именно таким поэтическим ощущением пронизан у Случевского и его перевод 31-го сонета, в котором поэт существенно **усилил звучание скорбных, эггических настроений**. В оригинале употреблено 6 слов и выражений, намечающих мотив смерти, (*have supposed dead; I thought buried; as interest of the dead; the grave where buried love; of my lovers gone*), а у Случевского – более 10 (*мертвые сердца; их в жизни этой нет; мертвыми их мнил; схоронил, надгробных слез, близ мертвых, перед гробами их; им, умершим в дань; могилою живой, гробница, похоронена, скончавшихся друзей*). Неслучайно шекспировский образ *гробницы, в которой похоронена живая любовь* (*art the grave where buried love doth live*), подменен у Случевского другим – образом *живой могилы*. Знаменательна при этом переключка с сонетами самого Случевского, особенно с одним из них – «Еще удар».

Назовем также **К.М. Фофанова (1862–1911)**, чей творческий метод основан на синтезе неоромантических, импрессионистских и символических тенденций. Его сонеты привлекали несомненной искренностью, умением передать очарование мимолетного ощущения лирического героя, отличительными чертами которого называли «впечатлительную созерцательность», «ум сердца», «расплывчатость и неясность душевных движений», «раздвоенность ... сознания и устремленность к иррациональному» [9: 163–165]. Так например, в центре одного из сонетов Фофанова – «Когда задумчиво вечерний мрак ложится» (1891) – переживание рефлектирующего героя, сердце которого все *трогает*, а взор – все *пугает*, поэтому его рассудок *смеется грустно*. Способность обозначить это **сложное поэтическое «я» как главную ценность художественного изображения** Фофанов привнес в свои переводы шекспировских сонетов, из которых особенно интересен, на наш взгляд, 107-й. Писатель

явно сместил здесь образные акценты оригинала, сосредоточившись на Поэте больше, нежели на предмете его любви. Показательна, например, переводческая вольность Фофанова в переводе начальной строки 2-го катрена: Шекспир пишет о луне как о состоянии мира (*the mortal moon hath her eclipse endured*), а у Фофанова луна – знак его собственной судьбы (*смертельный месяц мой прошел свое затмение*)³. Оттенок доверительности, возникавший в переводном тексте, в финале подчеркнут и другой вольностью – вкраплением разговорного слова, которое внесло в горадиански высокую фразу экспрессивную искренность порывистой интонации – *я буду жить назло в стихе*.

Конечно, самое значительное место в этом ряду принадлежит выдающемуся поэту, сыгравшему особенно большую роль в становлении отечественного сонета, – **В.Я. Брюсову (1873–1924)**. Он переводил шекспировские стихи, уже будучи несомненным мастером сонетного искусства. Блестящий версификатор, Брюсов умел и выдерживать основной стиховой рисунок классического сонета, и виртуозно разнообразить его смелыми строфико-рифмическими вариациями, и оставаться при этом художественно органичным, цельным, и ярким. Авторская самодостаточность писателя определила в те годы характер его переводческих подходов к оригиналу, в соответствии с которыми поэт, по его собственному признанию, «жертвовал точностью – легкости изложения и красоте стиха». Он даже предупредил Венгерова о том, что намерен «заботиться не столько о воспроизведении стиля подлинника (ведь каждый переводчик стал бы здесь уместовать по-своему), сколько о правильности и ясности русского языка» [8]. За этим стремлением стояла несомненная уверенность в художественной потенции русского сонета.

Обратимся к брюсовскому переводу 60-го сонета, где тема беспредельной преданности другу переключается с идеями вневременной ценности поэзии. Содержание лирического сюжета определено здесь трагически окрашенными образами, раскрывающими изменчивость мира: подобные морским волнам, вечно бегут минуты, а свет, разлитый как океан, то разгорается, то гаснет. Ассоциирующиеся с этими образами мотивы гибели, уничтожения, смерти органично подводят в финале к образу времени, вооружен-

³ Заметим, кстати, что Гербель в своей версии вообще опустил образ в бытовой регистр: «Житейская луна с ущербом уменьшилась».

ного косой и лопатой могильщика. Каждая из названных метафор существует в последовательно разворачивающемся драматическом контексте: волнам противопоставлен каменистый берег, о который они разбиваются и гибнут, океану света – уничтожающие его зловещие затмения, а времени как квинтэссенции разрушительного начала противостоит то, что является квинтэссенцией созидательного бессмертия. Это посвященные другу стихи.

Посмотрим, как перевел Брюсов эту сложно выстроенную поэтическую композицию.

Шекспир	Брюсов
<i>Like as the waves make towards the pebbled shore, So do our minutes hasten to their end; Each changing place with that which goes before, In sequent toil all forwards do contend.</i>	Как волны набегают на камень, И каждая там гибнет в свой черед, Так к своему концу спешат мгновенья, В стремленье неизменном – все вперед! Родимся, мы в огне лучей без тени
<i>Nativity, once in the main of light, Crawls to maturity, wherewith being crown'd, Crooked eclipses 'gainst his glory fight, And Time that gave doth now his gift confound. Time doth transfix the flourish set on youth And delves the parallels in beauty's brow, Feeds on the rarities of nature's truth,</i>	И в зрелости бежим; но с той поры Должны бороться против злых затмений, И время требует назад дары. Ты, время, юность губишь беспощадно, В морщинах искажаешь блеск красоты, Все, что прекрасно, пожираешь жадно, Ничто не свято для твоей косы.
<i>And nothing stands but for his scythe to mow: And yet to times in hope my verse shall stand, Praising thy worth, despite his cruel hand.</i>	И все ж мой стих переживет столетья: Так славы стоит, что хочу воспеть я!

Очевидно, что Брюсов заметно отступил от оригинала. Мы подчеркнули в оригинальном тексте метафоры, которые переводчик явно упростили и даже подменил. Несомненно и то, что в переводном сонете совершенно неопределенным стало заключительное двустишие. Шекспир подчеркивал в нем: смертно все, кроме *стихов, восхваляющих друга*. А герой Брюсова называет

достойным своих произведений нечто расплывчатое – *что хочу воспеть я*. Однако в отличие от Гербеля, перевод которого только по внешним признакам напоминал сонет, Брюсову, понявшему **сюжетообразующий драматизм основных поэтических образов**, удалось создать сонет настоящий. Попробуем хотя бы коротко аргументировать этот вывод.

Гербель⁴ с самого начала потерялся в образной системе сонета. В своем переводе 1-й строки «*Как волны к берегам стремятся чередой*» он не сохранил напряжения поэтического контраста *волн* и *каменистого берега*, о который они разбивались. Другой важнейший образ шекспировского стихотворения – образ *океана света* – Гербель вообще опустил. В обрисовке итогово значимого образа *времени* переводчик оказался откровенно беспомощным: его формулировки (*проводит борозды по челу, смывает молодой румянец, растаптывает следы прелестей*) не создали ощущения времени как страшной разрушительной силы. Философская глубина образа времени окончательно пропала в заключительном двустишии: ведь шекспировский герой заявлял, что его стихи устоят в будущих временах (*to times in hope my verse shall stand*), а гербелевский был сосредоточен на другом: «*Но стих мой, не страшась руки его сухой, / В грядущих временах почтит тебя хвалой*». Естественным следствием такой невыстроенности образной канвы стихотворения была полная невозможность характерного **сюжетного движения, создаваемого в сонете драматическим напряжением поэтических контрастов**.

Брюсов, напротив, осознав **сюжетообразующую значимость образных мотивов** стихотворения Шекспира, построил собственный переводной сонет в соответствии с указанным принципом сонетной композиции. Именно такой подход позволил поэту найти формулировки, подчеркивающие принципиальную суть шекспировских метафор. Так, в 1-й строке выражение *pebbled shore* (*каменистый берег*) он перевел как

⁴ Приведем его перевод: «Как волны к берегам стремятся чередой, / Так и минуты вслед одна другой стремятся, / Становятся в ряды одна вслед за другой / И селятся вперед пробиться и умчаться. / Рожденное едва – уж к зрелости ползет, / Но лишь она его цветами увенчает, / С ним разрушение в бой вступает в свой черед, / А Время всех даров своих его лишает. / И по челу оно проводит борозды, / Румянец молодой с прекрасных щек смывает, / Растаптывает в прах всех прелестей следы / И все своей косою бесчувственной срезает. / Но стих мой, не страшась руки его сухой, / В грядущих временах почтит тебя хвалой».

каменя⁵, добившись убедительности поэтических контрастов и ассоциаций, – теперь волны виделись действительно разбивающимися об этот берег, т.е. гибнущими. Для метафоры *main of light* (океан света) поэт нашел исполненное серьезной идейной силы выражение *в огне лучей без тени*, которому так логично противопоставил другое – *злые затмения*. Рисуя итоговый образ времени, Брюсов самовольно ввел синтаксически яркую конструкцию обращения (*Ты, время...*), подняв значимость образа до уровня поэтического адресата, и усилил его звучание экспрессивно окрашенной лексикой (*губишь беспощадно, искажаешь блеск красы, пожираешь жадно*). Немаловажно и то, что Брюсов сумел воспроизвести трудно дававшийся русским переводчикам шекспировский 5-стопный ямб, Гербель употребил тяжеловесный 6-стопный. Поэтическая строка Брюсова получилась более энергичной, стремительной, что выразительно оттенило идею скоротечности бытия.

Подобное поэтическое проникновение в **глубинные основы образно-сюжетной организации сонета** возможно только у настоящих, больших поэтов, которые всегда свободны от буквалистской зависимости по отношению к оригиналу. Таков Брюсов. Финал 60-го сонета в его переводе – органичное и вполне ожидаемое завершение выстраиваемого поэтом-переводчиком ряда образных противопоставлений: волны – камни, огонь лучей – затмения, время – стихи. И в данном случае Брюсову в принципе неважно, кому или чему конкретно они посвящены. Поэтому он говорит не *о стихах, воспевающих друга*, как это делал Шекспир, а том, что *вообще воспеваются о стихах*, которые переживут века. В результате в переводном стихотворении **тема поэзии** в заметной мере **утрачивает** характерный возрожденческий, в частности шекспировский, **колорит любовного поклонения** и переходит в другой смысловой регистр – прославление бессмертия поэзии в утверждающе-победном духе популярного у русских авторов мотива гораццианского памятника. Очень красноречива в этом плане аллюзия из самого знаменитого в России «Памятника» –

⁵ Первоначальный вариант *гибнут на отлогом берегу* не создавал нужного эффекта, и Брюсов, обсуждая свой перевод с Венгеровым, убедил его в том, что образу подлинника соответствует именно слово *каменя* [Соколов Н. Брюсов как переводчик (из писем поэта) // Мастерство перевода. – М.: Советский писатель, 1959. – С. 384].

пушкинского – *мой прах переживет*, легко угадываемая в брюсовском выражении *мой стих переживет*. Мы видим: Брюсов сделал не простое переложение сонета с английского языка на русский – он выполнил **перевод английского сонета в русский сонет**.

Интерпретирующий характер «венгеровских» переводов сказался не только в отдельных переводных стихотворениях, но и в общем контексте этого поэтического свода, в котором отмеченная тема поэзии приобрела особенно заметное звучание. Во многом в связи с тем, что здесь решительно **отвергли популярную трактовку шекспировского сборника как автобиографического любовного романа в стихах**.

Несомненное влияние подобного подхода испытал в своих переводах Гербель, переадресовавший Смуглой Даме около 20 сонетов из первых 126, посвященных Другу, чем отчетливо обозначил сквозной любовный сюжет сонетного цикла. «Венгеровские» переводчики иначе решили вопрос о поэтическом адресате сонетов. Вот некоторые примеры.

№ сонета	Гербель	Венгеровские переводчики
21	...милая моя прекрасней всех других...	В. Лихачев ... прелестный друг ни в чем, Прелестнейшим сынам земли не уступает...
53	Скажи мне, из чего, мой друг, ты создана...	Н. Брянский Скажи мне, из чего, мой друг, ты сотворен...
70	Да, ты пережила тревоги юных дней...	А. Федоров Ты вперед Отважно шел через бездны искушенья...
72	...указать... не в состоянье Ты ничего во мне такого...	И. Гриневская Во мне нет ничего, чтоб мог при свете дня Ты миру показать.
82	Не прибегая к лжи, могла б себе позволить.	Как ты красив умом, так ты прекрасен телом...
84	Ты ум и красоту одна в себе вмещаешь...	В тебе одном все есть, в тебе одном то зреет...
	...нет тебе подоб- ной на земле...	

В венгеровском своде на первом плане оказывался не Шекспир – любовный воздыхатель, а **Шекспир – поэт**, что, естественно **усиливало тему поэзии**. Это происходило еще и потому, что в этом сборнике был реализован особый принцип связей между отдельными стихотворениями. Этот принцип был намечен в научных статьях, сопровождавших Венгеровскую публикацию [6: 437–496]. В них говорилось, что в «Сонетах» Шекспир как начинающий автор, еще не имевший большого опыта, только перепевал чужие голоса. Поэтому собрание его сонетов – это **подборка вариативных поэтических упражнений, книжный экзерсис, стихотворный турнир**. Проецируя эти рассуждения в современную терминологию, можно утверждать, что в шекспировском сборнике увидели не монолитный авторский цикл, а выстроенную монтажно **поэтическую антологию**. Поэтому замысел Венгерова поручить переводы «Сонетов» писательскому коллективу представляется нам реализацией достаточно серьезно продуманного принципа научной интерпретации произведения.

Идея антологической организации шекспировского сборника оказалась вполне конструктивной в современной издательской практике. На рубеже XX–XXI вв. под влиянием активно развивающейся множественности параллельных переводов все чаще стали появляться издания «Сонетов», сделанные по венгеровскому принципу – в переводах не одного, а многих авторов [11: 352], причем некоторые из этих сборников строились как поэтический турнир переводчиков – один и тот же сонет предстал в нескольких разных переводах [12: 384]. Новая русская шекспировская сонетиана явила таким образом **особый вид вариативной художественной конгломерации** различных переводческих голосов и редакторских проекций, а сам Шекспир в этом процессе усложняющейся поэтической многоликости все более становился **мифологически емким прототипом для всех своих соавторов, осуществляющих рецептивное «досотворение»** (Гадамер) его сонетов в новом историко-культурном измерении.

В 1970-е гг. Ю. Д. Левин назвал венгеровское издание Шекспира «итогом русского освоения Шекспира в XIX веке». Время показало – великим, перспективно созидательным итогом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров, В. Не вслед, а в лад: Константин Случевский: министр без портфеля русской поэзии / В. Александров // Независимая газета. – 2001. – 27.09.
2. Бахтин, Н. Примечания к сонетам / Н. Бахтин // Шекспир У. Полн. собр. соч. (Библиотека великих писателей под ред. С.А. Венгерова). Т. V. – СПб. : Изд. Брокгауз – Ефрон, 1905. – С. 597.
3. Зиннер, Э.П. На рубеже веков / Э.П. Зинер // Шекспир и русская культура. – М. – Л. Наука, 1965. – С. 706, 704.
4. Зиннер, Э.П. На рубеже веков / Э.П. Зинер // Шекспир и русская культура. – М. – Л.: Наука, 1965. – С. 702.
5. Николаев, В., Сонеты Шекспира и их судьба в русских переводах / В. Николаев, А. Шаракшанэ // Шекспир В. Сонеты: Антология современных переводов. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – С. 9–49; Некоторые ученые вообще исключили эти переводы из своих обзоров, а В. Разова даже заявила, что «с 1889 по 1914 год *не было сделано новых попыток перевести на русский язык шекспировские сонеты*» [курсив наш. – Е.П.; Разова В. Сонеты Шекспира в русских переводах // Шекспир в мировой литературе. – М., Л.: Художественная литература, 1964. – С. 367].
6. Иванов, И.И. Сонеты / И.И. Иванов // Шекспир У. Полн. собр. соч. (Библиотека великих писателей под редакцией С.А. Венгерова). Т. V. – СПб. : Изд-во Брокгауз – Ефрон, 1905. – С. 392–405; Венгеров, С.А. Уильям Шекспир / С.А. Венгеров // Шекспир У. Полн. собр. соч. (Библиотека великих писателей под редакцией С.А. Венгерова). Т. V. – СПб. : Изд-во Брокгауз – Ефрон, 1905. – С. 437–496.
7. Шекспир, У. Сонеты и поэмы / У. Шекспир. – М. : Эксмо, 2006. – 352 с.
8. Соколов, Н. Брюсов как переводчик (из писем поэта) / Н. Соколов // Мастерство перевода. – М. : Советский писатель, 1959. – С. 384.
9. Тарланов, Е.З. Константин Фофанов: легенда и действительность / Е.З. Тарланов. – Петрозаводск, 1993. – С. 163–165.
10. Федотов, О.И. Сонет серебряного века / О.И. Федотов // Русский сонет конца XIX – начала XX века. – М.: Правда, 1990. – С. 5–34.
11. Шекспир, У. Сонеты / У. Шекспир. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2002; Сонеты У. Шекспира. Вып. 1 / сост. И. Оськин. – М. : Дружба народов, 2004. – 352 с.
12. Шекспир, У. Сонеты / У. Шекспир. – СПб. : Терция, Кристалл, 1998. – 448 с.; Шекспир, У. Сонеты. Антология современных переводов; на англ. и русск. яз. / У. Шекспир. – СПб. : Азбука-классика, 2004. – 384 с.

РЕЦЕНЗИИ

ПОГРАНИЧНАЯ ПОЛИТИКА КНР ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА (РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Е.Д. СТЕПАНОВА «ПОЛИТИКА НАЧИНАЕТСЯ С ГРАНИЦЫ. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОГРАНИЧНОЙ ПОЛИТИКИ КНР ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.»)

Б.И. Ткаченко

Ткаченко Борис Иванович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник отдела востоковедения Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток).

В вышедшей в свет монографии д-ра ист. наук Е.Д. Степанова, специалиста в области истории международных отношений и пограничной политики КНР (Институт Дальнего Востока РАН), «Политика начинается с границы. Некоторые вопросы пограничной политики КНР второй половины XX в.» (М.: ИДВ РАН, 2007. 244 с.) рассматриваются различные аспекты политики КНР, связанные с территориально-пограничными проблемами этой страны.

Данная монография относится к числу немногих отечественных публикаций, в которых рассматриваются территориально-пограничные проблемы современного мира и Евро-Азиатского континента применительно к современному Китаю. Анализ проблем, связанных с определением и утверждением государственных границ Китая, представляет практический интерес для исследователей, занимающихся изучением истории международных отношений на Дальнем Востоке, в Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии. Поскольку Китай – ближайший сосед России в Азии и на Дальнем Востоке, к тому же имеющий с ней самую протяженную границу в мире – более 4200 км – данная книга представляет несомненный интерес для российского и особенно дальневосточного читателя.

Анализ пограничной политики Китая во второй половине XX столетия представляет собой не только чисто академический интерес в плане изучения истории вопроса (исторический аспект проблемы), но и практический интерес в плане формирования более обоснованной внешней политики Российского государства по отношению к Китаю (политический аспект проблемы). Следует иметь в виду, что ряд приемов, примененных дипломатией Китая в ходе переговорного процесса по территориально-пограничным проблемам с сопредельными странами, мо-

жет быть использован ею вновь при возникновении соответствующих ситуаций.

Анализ собственно пограничной политики КНР в монографии предваряет теоретическая глава о границах государств, территориально-пограничных спорах между ними, причинах возникновения этих споров в современный исторический период. Такой предварительный теоретический экскурс следует признать оправданным, поскольку облегчает понимание сути конкретных территориально-пограничных проблем, рассмотренных в монографии.

В следующей главе автор подробно останавливается на особенностях традиционного подхода Китая к вопросам границ и территорий. Отмечается, что со второго тысячелетия до нашей эры в Китае сложилось и утвердилось китаецентристское представление об окружающем Китай мире – представление о том, что правитель Китая является владыкой всех стран и народов, населяющих Поднебесную (весь известный китайцам мир, а также и сам Китай). Автор обращает внимание на то, что в этой связи в Китае не придавалось значения установлению рубежей своего государства и порой даже отрицалось существование таковых. Этому способствовала своеобразная «данническая (вассальная)» система взаимодействия Китая с соседними народами, содержавшая протокольные нормы, церемонии и ритуалы отношений Китая с другими странами и представителями их народов, согласно которой прибытие ко двору правителей Китая даннических миссий (зачастую торговых делегаций) с соблюдением установленного ими церемониала трактовалось китайскими династическими хроникёрами и историками как свидетельство зависимости или даже принадлежности этих стран Китаю, включая тем самым в Китай огромные территории окружающего мира.

Автор прослеживает связь «даннической системы» с последующими территориальными претензиями Китая к соседним государствам в XX в. С середины XIX в. эти территории были захвачены европейскими колониальными державами – Англией, Францией, Голландией, а также Японией. Тезис об утрате Китаем исторических земель – Бирмы, Вьетнама, Таиланда и остальной части Индокитайского полуострова, гималайских государств – Непала, Бутана и Сиккима, а также пригималайского района, Индонезии, Тайваня, Рюкю, Кореи, Монголии, Приамурья, Приморья и Сахалина, а также значительной части территорий республик Средней Азии – усвоили и отстаивали как деятели партии Гоминьдана, в частности Сунь Ятсен и Чан Кайши, так и деятели Компартии Китая – Мао Цзэдун и Дэн Сяопин. Опираясь на эту «теорию», Мао Цзэдун в беседе с представителями Социалистической партии Японии в 1964 г. заявил, что «примерно 100 лет назад район к востоку от Байкала стал территорией России и с тех пор Владивосток, Хабаровск, Камчатка и другие пункты являются территорией Советского Союза. Мы еще не предъявляли счета по этому реестру» («Правда», 1964, 2 сент.). При площади современного Китая в 9,6 млн кв. км общая площадь территорий, «утраченных» Китаем, оценивалась различными китайскими авторами в гоминдановский и послегоминдановский периоды от 4 до 10,5 млн кв. км (с. 36 монографии).

Особое внимание в монографии автор уделит подходам правительства Китая к территориально-пограничным проблемам после прихода к власти в стране Коммунистической партии Китая и провозглашения Китайской Народной Республики 1 октября 1949 г.

В этой связи автором рассматривается история приобретения независимости от китайской метрополии Монголии, а также тибетский вопрос. Как известно, после победы Синьхайской революции 1911 г. в Китае и свержения в стране власти чужеземной маньчжурской императорской династии Цин, Внешняя Монголия и Тибет провозгласили свою независимость, т. е. свой выход из состава Китайского государства, не признанную, однако, международным сообществом. Де-факто же Внешняя Монголия и Тибет обладали независимостью, поскольку первые попытки китайских властей восстановить существовавшее ранее положение вещей (сюзеренитет Китая в этих регионах) военной силой в обоих случаях окончились поражением китайских

войск. Вопрос о Монголии и особенно Тибете представляет существенный интерес для современного читателя, поскольку эта тема мало исследована в отечественной научной литературе. Автор последовательно вводит читателей в курс этих проблем, раскрывая ряд детализирующих подробностей.

Характеризуя взаимоотношения КНР и Республики Китай на Тайване, автор отмечает, что Тайвань «обладает определенной территорией, на которой осуществляется его юрисдикция, основанная на правовых нормах, установленных именно его властями; он имеет полностью суверенную власть; существуют органы законодательства и правосудия, а также цельная система органов и учреждений» (с. 63), т. е. обладает всеми атрибутами суверенного, независимого государства. Это интересная авторская трактовка ситуации вокруг Тайваня.

Монография в значительной своей части посвящена политике руководства КНР по урегулированию пограничных споров и договорно-правовому оформлению границ Китая с сопредельными странами. В этой связи автор углубляется в историю пограничных проблем применительно к каждой стране. Такого рода исторический экскурс следует признать и необходимым, и удачным, поскольку в отечественной специальной литературе число публикаций по этим двусторонним пограничным проблемам составляет считанные единицы. Автор оперирует малоизвестными зарубежными источниками, вводя их во внутрироссийский научный оборот, что является достоинством данной книги. Монография содержит богатый фактологический материал по конкретным, но малоизвестным отечественному читателю китайско-бирманским и китайско-индийским территориально-пограничным проблемам и в этой связи представляет интерес для политологов-международников и историков-страноведов.

Специальная глава книги посвящена методу «картографической агрессии», использованному руководством КНР для выдвижения территориальных претензий к сопредельным странам в 1950–70-е годы. Показательно, что уже в первые годы существования КНР путем публикации фальсифицированных карт были выдвинуты претензии на территорию почти всех стран, с которыми граничил Китай – Индии, Бирмы, Афганистана, Непала, Бутана, Кореи и СССР. Автор подробно рассматривает, как менялись «аппети-

ты» руководителей в Пекине, оперируя картами, изданными в КНР. Недостатком изложения материала в данной главе является отсутствие какой-либо схематизированной картографической иллюстрации, наглядно поясняющей территориальные претензии КНР. Обилие географических названий, большинство из которых отсутствует даже в детальных географических атласах, приводит к тому, что текст как бы «зависает» и поэтому воспринимается с трудом.

В монографии раскрывается как методу «картографической агрессии» подверглась на две трети акватория Южно-Китайского моря, отражая претензии руководства КНР на часть открытого моря, что явно противоречит статье 2 Женевской конвенции об открытом море 1858 г. и статьям 87 и 89 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

Автор монографии отмечает такой характерный момент как преемственность внешней политики Китая по территориальному вопросу – от цинской дипломатии к гоминдановской и вплоть до дипломатии КНР. Эпохи меняются, а общая позиция и подходы во внешней политике, включающие ее нюансы, размеры традиционных территориальных претензий Китая в прошлом, система аргументирования этих претензий, тактика ведения этих переговоров, остаются прежними.

Автор обращает внимание на лукавую формулировку существования «вопросов неполного определения границы, оставленных историей», провозглашенную в докладе премьера Госсовета КНР Чжоу Эньлая на сессии Всекитайского собрания народных представителей в 1957 г., в последующем прочно вошедшую в обиход китайской дипломатии. Тезис «вопросы, оставленные историей» в последующие годы широко использовался китайской стороной во взаимоотношениях с сопредельными странами, в том числе и с СССР, для закамуфлированного выдвижения определенных территориальных претензий. Из доклада Чжоу Эньлая следовало, что «все пограничные и территориальные разногласия и споры, существующие или могущие возникнуть между Китаем и сопредельными странами, являются результатом политики империалистических держав, представляя собой вопросы, оставленные историей; что решаться они должны на "справедливой и рациональной основе" (с. 112). Автор справедливо обращает внимание на то обстоятельство, что "вопросом, оставленным историей"

можно назвать любую проблему, возникшую некоторое время назад» и в подходящий момент (для отвлечения внимания населения Китая от каких-либо конфликтных проблем и ситуаций внутреннего развития) объявить договорные документы о границах Китая с сопредельными странами неравноправными, а потому требующими их коренного пересмотра (!), списывая при этом реанимацию этих вопросов на деятельность империалистов или на те силы в сопредельных странах, которые якобы унаследовали политику империалистов.

Автор делает немаловажное замечание, что китайская дипломатия использовала формулу «вопрос, оставленный историей» и в ситуации, когда у китайского руководства возникало несогласие с ранее заключенным международно-правовым договорным документом о границе.

Автор отмечает, что обращение политиков и ученых Китая к тезису «справедливости и рациональности» при решении погранично-территориальных проблем прикрывает стремление добиться прежде всего «восстановления исторической справедливости», нарушенной якобы в процессе формирования территории и границ Китайского государства, особенно после того, как оно вступило в непосредственный контакт сначала с Россией, а затем и другими государствами Запада, которые подчинили себе сопредельные с Китаем страны. «Справедливое и рациональное решение вопросов, оставленных историей» и касающихся границ и территорий, подразумевает прежде всего признание партнером Китая допущенной в отношении него в прошлом «несправедливости», в результате которой он потерял часть «своей» территории, и если не возвращения ему хотя бы чисто символической части «утраченной территории», то признания себя в той или иной форме «территориальным должником Китая» (с. 115).

Такой доктринальный подход политиков Китая по вопросу о границах требовал добиваться от партнеров по переговорам, во-первых, признания допущенной в отношении Китая в прошлом «несправедливости» и согласия с китайской оценкой правового статуса ныне существующих границ и проведенного в прошлом разграничения как «нелегитимных» и, во-вторых, фактического согласия с необходимостью пересмотра и нового определения государственных границ взамен существующих независимо от их договорно-правового оформления.

В монографии обращается внимание на то, что руководители КНР неурегулированные или не до конца урегулированные пограничные вопросы использовали в качестве рычага психологического, дипломатического, политического и силового давления Китая на соседние страны во имя возрождения в том или ином виде «мироустройства по-китайски» и создания на рубежах Китая зоны своего исключительного политического влияния (с. 117).

Специальная глава монографии посвящена китайско-индийскому пограничному конфликту 1959–1962 годов. Эта область пограничной проблематики практически неизвестна российскому читателю и в этой связи представляет существенный интерес не только для специалистов-индологов, но и для политологов-международников, занимающихся проблемами безопасности в Азии, особенно во взаимоотношениях двух ее гигантов – Китая и Индии. Впрочем, она представляет интерес читателям и в этих странах. Здесь автор вводит в научный оборот обширный фактологический, исторический и правовой материал по китайско-индийским взаимоотношениям. Заслуживает внимания тактика Китая на переговорах с Индией, которая впоследствии получила наименование «комплексной сделки» и сводилась к обмену одного района индийской территории, на который претендовал Китай, на другой район индийской же территории, на который Китай также выдвигал свои притязания. Весьма любопытно, что подобную схему «урегулирования» погранично-территориальных вопросов китайская дипломатия впоследствии использовала в переговорах по аналогичным проблемам с Бирмой и с Россией (острова на реках Аргунь и Амур).

Не обошел автор и анализа концепции «неравноправных договоров», развиваемой в Китае с конца 1910-х годов, согласно которой все договоры, заключенные европейскими державами со старым Китаем, априори рассматривались как имеющие неравноправный характер. Автор обращает внимание на необходимость учета исторических условий, в которых заключались так называемые «неравноправные договоры» с Китаем, поскольку договорные отношения государств в прошлом строились на правилах, принципах, обычаях и правовых нормах, существовавших именно в то время, когда заключались эти договоры.

Автор отмечает, что концепция «территориального долга» России перед Китаем была сформулирована именно на пограничных консульта-

циях 1964 г., причем китайская сторона настаивала на том, чтобы в текст соглашения было включено положение о признании русско-китайских договоров XIX–XX веков «неравноправными», навязанными царской Россией Китаю (с. 168). Здесь же отмечено, что официальное признание территориально-пограничных договоров между Россией и Китаем неравноправными с точки зрения современного международного права автоматически делало бы их нелегитимными. Далее последовало заявление председателя ЦК КПК Мао Цзэдуна от 10 июля 1964 г. о непредъявленном пока «реестре» по территориальному счету. Так возник вопрос о существовании слегка завуалированных территориальных претензий Китая к Советскому Союзу. Практически китайским политикам и дипломатам удалось под угрозой выдвижения более широких территориальных претензий к СССР навязать свою линию на переговорах, втянув СССР (а затем и Россию) в невыгодную для него дискуссию о границе, давным-давно оформленной в действующих и бессрочных русско-китайских договорах.

Автор отмечает, что концепция «неравноправных договоров» была направлена на то, чтобы «так или иначе принудить партнера признать, что в прошлом в отношении Китая была допущена несправедливость, в связи с чем оказываются сомнительными и легитимность проведённого в прошлом установления границ, и сам правовой статус границы, а потому весь этот «вопрос, оставленный историей», требует нового решения «на справедливой и рациональной основе», т. е. определения границ заново» (с. 171).

Спорным вопросам принадлежности островных территорий, исключительной экономической зоны и континентального шельфа в Желтом, Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях посвящена отдельная глава монографии. Она насыщена обширным фактологическим материалом. Указанные вопросы комментируются в ней с привлечением норм международного морского права. Рассмотрение в ней вопроса о притязаниях Китая на небольшие островные территории – острова Сэнкаку, Парасельские острова и архипелаг Спратли, а также исключительной экономической зоны и континентального шельфа в указанных морях представляют интерес для специалистов – политологов-международников и правоведов.

В монографии много внимания уделено советско- и российско-китайским отношениям по

пограничному вопросу. Автор справедливо обращает внимание на неправомерность претензий китайской стороны на острова на пограничных реках Аргунь, Амур, Уссури и Сунгача. Так, «если говорить о принадлежности островов на реках Уссури и Амур, то ... в соответствии с упомянутой картой [картой с красной чертой, приложенной к Пекинскому дополнительному договору 1860 г.], они находились, строго говоря, вне китайской территории» (с. 229). Касаясь спорных моментов Дополнительного соглашения между РФ и КНР о российско-китайской границе 2004 г., по которому Китаю были переданы острова Тарабарова и значительная часть острова Большой Уссурийский в районе города Хабаровска (всего 337 кв. км российской территории), автор отмечает, что местоположение пограничного знака литер "Е" ... свидетельствовало, что при установлении и последующей постановки границы на местности исходили из того, что устье Уссури находится не у военного поста Хабаровска..., а у места слияния ее с южным рукавом Амура, именуемом ныне протокой Казакевича, и граница, следовательно, проходит по этой протоке» (там же).

Автор объективно и трезво подходит к заключенному в октябре 2004 г. Дополнительному соглашению о российско-китайской границе. Так, обращается внимание на то, что принцип «50 на 50» при разделе спорных районов «применялся для определения границы только в тех районах, на которые выдвигались претензии китайской стороны, но которые находились под юрисдикцией партнера Китая», т. е. России. Это приводило к равному в принципе разделу спорных районов между сторонами, но «фактически основано на уступке Китаю и передаче ему части территории, ранее ему не принадлежавшей» (с. 234). Речь идет о реках Амур (сотни квадратных километров островных территорий), Аргунь, Уссури и Сунгача, участке российской территории в районе озера Хасан.

Опровергая устоявшееся мнение относительно границы на двух речных участках – в районе Хабаровска при слиянии рек Амур и Уссури (острова Тарабарова и Большой Уссурийский) и на реке Аргунь (остров Большой) – и раздела находящихся здесь островов, что «с юридической точки зрения эти острова являлись ничейными, а вопрос о границе с Китаем будто бы вообще никогда не был урегулирован», – мнение, распространявшееся в свое время ответственными работниками МИД РФ и официальными российскими средствами массовой информации и в том числе в Интернете на Веб-сайте Администрации Президента РФ, автор откровенно и прямо пишет: «Приведенные выше документы достаточно ясно свидетельствуют о четком определении прошлом русско-китайской границы и о принадлежности трех спорных островов России. Это же показано и на карте, прилагающейся к Пекинскому договору 1860 г. ... Иными словами, дополнительное соглашение 2004 г. является по сути своей односторонней территориальной уступкой России Китаю» (с. 234).

Общим недостатком монографии является несколько хаотичное изложение материала по анализируемым вопросам. Одни и те же вопросы по двусторонним спорам о границах КНР с соседними государствами неоднократно рассматриваются вновь практически во всех главах, причем имеют место и текстуальные повторы, что свидетельствует о недостаточно удачной компоновке материала.

Однако отмеченные обстоятельства не снижают научной и практической ценности рецензируемой монографии. Эта монография относится к единичным изданиям по актуальной проблеме современных международных отношений – территориальным спорам в Азии. Она представляет интерес не только для узкого круга специалистов – китаеведов и международных юристов, но и для широкого круга читателей. Особый интерес она представляет для жителей Дальнего Востока России.

ДИССЕРТАЦИОННЫЕ СОВЕТЫ
ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ ДМ. 212.056.04
ПО ФИЛОЛОГИЧЕСКИМ НАУКАМ
ПРИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ

1. Шунейко А.А. «Репрезентация масонской символики в языке русской художественной литературы XVIII – начала XXI веков». Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык.

Диссертация посвящена анализу вербальной репрезентации символики в языке русской художественной литературы.

В работе реконструирована и описана относительно самостоятельная система языковых единиц, *выявлены* семантические особенности и функции составляющих её компонентов; *доказана* необходимость использования особого набора критериев, позволяющих идентифицировать принадлежность символов к той или иной системе; научно обосновано наличие у масонских текстов особых черт, репрезентирующих специфическое коммуникативное пространство, подчиняющееся своим закономерностям и механизмам; с позиций текстового анализа рассмотрено большое количество произведений, охватывающих три века развития языка русской художественной литературы; *сформулирован* закон развития символической системы; *показано* использование аксиологической, когнитивной и эстетической моделей, функционирующих в языковом сознании.

2. Анисова А.А. «Суггестивные функции избыточных и свернутых словосочетаний в повести Андрея Платонова «Котлован»». Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык).

Научный руководитель – д-р филол. наук, проф. Е.А. Стародумова.

Диссертация посвящена анализу избыточных и свернутых словосочетаний в тексте повести Андрея Платонова «Котлован» и выявлению их суггестивных функций.

В работе: 1) представлен полный и многоаспектный анализ текстового материала; 2) разработаны алгоритм анализа необычных платоновских выражений и схема «перевода» их на нормативный язык; 3) создана оригинальная разноуровневая и адекватная классификация избыточных и свернутых словосочетаний приме-

нительно к идиостилю А. Платонова; 4) определены функции девиантного дискурса А. Платонова; 5) намечены пути анализа деривационных отношений словосочетания и предложения.

3. Бабкина Е.С. «Своеобразие формирования жанровой системы в творчестве Бориса Пильняка». Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература).

Научный руководитель – д-р филол. наук, проф. С.И. Якимова.

Работа посвящена комплексному исследованию творческого наследия Б. Пильняка в жанровом аспекте. Обосновав роль философской концепции как онтологической основы жанровой системы писателя, автор выявляет ее художественное своеобразие, характеризует особый жанровый статус его стихотворений в прозе, изучает динамику отдельных жанровых в творчестве Б. Пильняка.

4. Бирюкова О.А. «Семантико-прагматические функции и стилистические возможности частиц в художественном тексте (на материале прозы С. Довлатова)». Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык).

Научный руководитель – д-р филол. наук, проф. Е.А. Стародумова.

Диссертация посвящена исследованию и описанию русских частиц «даже», «именно», «как раз», «какой-то». На материале художественных произведений С. Довлатова: 1) проанализированы семантические, прагматические и стилистические особенности этих частиц; 2) проведено разграничение субъективного и объективного начала в их семантике; 3) выявлены типы контекстов, в которых реализуется субъективная семантика, и возможные соотношения ситуаций, через которые проявляется объективная семантика частиц; 4) подвергнуты исследованию оценочные и метатекстовые особенности этих лексем; 5) доказано их регулятивное назначение в художественном тексте; 6) установлен вклад частиц в создание идиостиля С. Довлатова.

5. Жук М.И. «Концепты ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ в идиостиле Б. Окуджавы». Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык).

Научный руководитель – канд. филол. наук, проф. О.Л. Рублёва.

Диссертация посвящена изучению концептов ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ в идиостиле Булата Окуджавы.

В исследовании: 1) разработана оригинальная методика анализа художественных концептов; 2) реконструирован фрагмент языковой картины мира Б. Окуджавы в рамках концептов ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ; 3) проанализирована и выявлена специфика семантических моделей и особенностей вербализации концептов ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ в языковой картине мира Б. Окуджавы; 4) доказана аксиологическая актуальность концептов ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ и триединого концепта ВЕРА-НАДЕЖДА-ЛЮБОВЬ в концептосфере Б. Окуджавы.

6. Кириллова Е.О. «Русская футуристическая поэзия на Дальнем Востоке 1917–1922 гг.: идейно-художественные искания, поэтические имена». Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература).

Научный руководитель – д-р филол. наук, проф. С.Ф. Крившенко.

В диссертации исследуется русская футуристическая поэзия на Дальнем Востоке в контексте закономерностей и своеобразия историко-литературного процесса Дальнего Востока 1917–1922 гг.; определяются ее идейно-эстетические доминанты. Автор анализирует поэтику дальневосточной модернистской поэзии, уделяя внимание и творчеству знаменитых поэтов-футуристов (Д. Бурлюка, Н. Асеева, С. Третьякова), и малоизвестных авторов (В. Рябинин, Ю. Галич, П. Незнамов и др).

7. Новосёлова А.Н. «Поэтика фольклора в художественной системе "Слова о полку Игореве"». Диссертация на соискание ученой (на соискание степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература).

Научный руководитель – канд. филол. наук, проф. Л.М. Свиридова.

Работа посвящена исследованию поэтики фольклора в художественной системе «Слова о полку Игореве».

В диссертации исследуется фольклорная традиция в поэтике древнерусского памятника и

влияние на художественную систему «Слова о полку Игореве»; определяются границы сферы функционирования фольклорных жанров в тексте; выделяются фольклорные средства художественной выразительности, влияющие на художественную структуру «Слова о полку Игореве»; поставлен вопрос о художественном мировоззрении автора «Слова о полку Игореве» и его влиянии на художественную структуру произведения.

8. Пермякова Т.В. «Отражение авторского замысла в синтаксисе и нарративе малой прозы В. Набокова». Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык).

Научный руководитель – д-р филол. наук, проф. Е.А. Стародумова.

В диссертации рассматриваются проявления новаторских тенденций прозы В. Набокова в синтаксисе предложения и нарративе рассказов «Облако, озеро, башня», «Тяжелый дым», «Лик», «Порт», «Пильграм». В синтаксических особенностях предложений обнаруживается отражение основных мотивов рассказа, относящихся к персонажу, и устанавливается связь между синтаксисом рассказов В.Набокова и их содержанием. Авторский замысел, проявляющийся через основные мотивы произведения, отражается не только в выборе форм синтаксической изобразительности, но и в выборе повествовательных форм.

9. Сергеева А.Г. «Семантические и функциональные свойства лексикализованных предложно-падежных словоформ в заключение, в завершение, в довершение» (на соискание степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык).

Научный руководитель – канд. филол. наук, проф. Г.Н. Сергеева.

Диссертация посвящена многоаспектному описанию лексикализованных предложно-падежных словоформ в заключение, в завершение, в довершение. В работе обоснована модель взаимодействия наречного и предложного употребления данных слов не на уровне переходности, а в аспекте полифункциональности; выявлена сфера действия данных единиц в предложении и тексте, определена их коммуникативно-прагматическая роль в создании текста, установлен круг семантически близких языковых единиц, выполняющих аналогичную текстовую функцию.

**ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ К. 212.056.01
ПО ФИЛОЛОГИЧЕСКИМ НАУКАМ
ПРИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ**

1. Белоножко Ю.В. «Слог и ритм английской речи носителей японского языка». Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.04 – германские языки).

Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Бондаренко Л.П.

Актуальность работы определяется тем, что изучение региональных вариантов и разновидностей английского языка в настоящее время приобретает особое значение вследствие необходимости разработки теории речевой коммуникации в условиях расширяющихся языковых контактов, в том числе Азиатском регионе.

Научная новизна работы состоит в том, что исследование особенностей производства и восприятия английской речи носителями японского языка не являлось предметом отдельного исследования.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что выводы, полученные в результате исследования, могут способствовать развитию теории языковых контактов, а также вопросов общей и сопоставительной фонетики.

2. Дудченко О. В. «Реконструкция концептосферы КРАСОТА в англосаксонской поэтической картине мира». Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.04 – германские языки).

Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент М.Н. Рассоха.

Актуальность исследования определяется важностью изучения ментальных структур через языковую репрезентацию, а также экспликации процессов, лежащих в основе формирования человеком культурно-специфической картины мира. Впервые предпринимается попытка реконструкции концептосферы КРАСОТА англосаксонской героической и религиозной картин мира и выявлены различия. Динамика концептосферы обусловлена сменой акцентов в результате изменения идеологических установок внутри англосаксонского этноса.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии когнитивного направления лингвистики. Предложенная методика по-

зволяет полнее обрисовать концепты древней картины мира, выявить сущности, стоящие за ними, а также более глубоко рассмотреть ее этнокультурную специфику, в особенности ее эстетическую составляющую.

3. Дюжева М.Б. «Лингвокультурологические аспекты англоязычных названий музыкальных групп». Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.04 – германские языки).

Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент М.Н. Рассоха.

Актуальность настоящего исследования определяется современными общетеоретическими задачами лингвистики, широким интересом к проблемам взаимодействия языка и культуры, а также объектом исследования: названия музыкальных групп отражают явления молодежной культуры, вербализация которой в языке до сих пор практически не являлась предметом изучения лингвистов.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые в отечественной и зарубежной лингвистике комплексно изучены и описаны англоязычные названия музыкальных групп как особый разряд ономастической лексики.

Теоретическая значимость диссертационного исследования обусловлена дальнейшим развитием ономастической теории, а также в расширении теории номинации в свете лингвокультурологических исследований.

4. Иванкова Т. А. «Лексические и грамматические особенности китайской региональной разновидности английского языка». Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.04 – германские языки).

Научный руководитель – д-р филол. наук, профессор З.Г. Прошина.

Актуальность диссертационной работы обусловлена необходимостью изучения английского языка как языка-посредника в межкультурной коммуникации, включая китайскую региональную разновидность английского языка, которая представляет особый интерес в связи с возросшей ролью КНР в мировой политике и

экономике и играет огромную роль в международных контактах, в том числе с Россией.

Теоретическая значимость заключается в возможности использования её положений в дальнейшей разработке теорий языковых контактов и вариантов и разновидностей мирового английского языка. Примененные в работе параметры описания отдельной региональной разновидности АЯ могут стать основой для анализа других вариантов и разновидностей полинациональных языков.

Научная новизна состоит в исследовании языковых особенностей английского языка КНР как региональной разновидности английского языка, т. е. как относительно устойчивой языковой системы. Новым является рассмотрение лексико-грамматических черт разновидности английского языка с точки зрения их понятности носителям других вариантов и разновидностей, т. е. в свете влияния этих особенностей на успешность межкультурной коммуникации.

5. Шушарина Г. А. «Языковая актуализация концептов *light* и *darkness*». Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.04 – германские языки).

Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент, Т.П. Карпухина.

Актуальность диссертации обусловлена направленностью когнитивной лингвистики на изучение фрагментов картины мира через их языковые репрезентации. *Научная новизна* работы заключается в том, что в нем впервые в отношении *light* и *darkness* применяются исследовательские приемы концептуального анализа, выстраивается структура рассматриваемых концептов в виде совокупности признаков, осуществляется сравнительный анализ структуры и содержания концептов *light* и *darkness*. Новой является также и интерпретация художественного произведения Дж. Р. Р. Толкина «Властелин Колец» (J. R. R. Tolkien «The Lord of the Rings») с помощью исследования концептов *light* и *darkness*.

**ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ ДМ 218.003.04
ПО ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ НАУКАМ
ПРИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ**

(Председатель – д-р психол. наук, профессор К.И. Воробьева;
Ученый секретарь – канд. психол. наук, доцент М.В. Сокольская)

1. Михайленко Е.В. «Личностные ресурсы как фактор адаптации-реадаптации моряков рыбопромыслового флота к измененным условиям жизнедеятельности» (защита состоялась 09.11.2007).

Цель исследования – изучить личностные ресурсы как фактор адаптации – реадаптации моряков рыбопромыслового флота к измененным условиям жизнедеятельности.

Объект исследования – процесс психологической адаптации-реадаптации личности к измененным условиям жизнедеятельности.

Предмет исследования – личностные ресурсы как фактор адаптации-реадаптации моряков рыбопромыслового флота к измененным условиям жизнедеятельности.

Методы и методики исследования – теоретический анализ по проблеме исследования, опрос, психодиагностические методики. Методы количественной и качественной обработки: статистический анализ (корреляционный анализ, факторный анализ, однофакторный дисперсион-

ный анализ, угловое преобразование Фишера), элементы контент-анализа, содержательная интерпретация результатов. Статистические расчеты выполнены с использованием пакета прикладных компьютерных программ универсальной обработки табличных данных Microsoft Excel XP и пакета статистического анализа SPSS 12.0 for Windows.

Теоретическая значимость: процесс адаптации-реадаптации моряков рыбопромыслового флота к измененным условиям жизнедеятельности описан как единый циклический процесс; выделены особенности личностных ресурсов, обеспечивающих успешность процесса адаптации-реадаптации на разных этапах цикла; эмпирически выявлена и описана специфика реадаптации как особой фазы цикла; описан феномен ложной реадаптации как одного из компенсаторных механизмов процесса адаптации. *Практическая значимость:* результаты могут быть использованы в реабилитационной и консультационной работе с моряками рыбопромыслового флота, с

членами их семей; со специалистами, профессиональная деятельность которых имеет циклический характер, при разработке курсов регионально-образовательного компонента для студентов психологических специальностей высшего профессионального образования, а также в сфере подготовки и повышения квалификации специалистов, работающих в море и обучающихся по морским специальностям в профильных учебных заведениях.

2. Николенко Ю.С. «Категориальная структура и содержание образа денег у студентов Дальневосточного региона» (защита состоялась 09.11.2007).

Цель исследования – исследовать категориальную структуру и содержание образа денег у студентов Дальневосточного региона.

Объект исследования – образ денег в групповом сознании.

Предмет исследования – категориальная структура и содержание образа денег и мировых валют в различных формах репрезентации в групповом сознании.

Методы исследования – теоретический анализ; ассоциативный эксперимент; метод семантического дифференциала (модифицированная методика СД Ч. Осгуда, авторская методика частного СД); экспертный метод (метод экспертной оценки и экспертного проектирования); метод факторного анализа. Для экспликации «денежных» типов личности был применен метод феноменологической дескрипции Э. Гуссерля. Расчет осуществлен при помощи программы SPSS 11.0.

Научная новизна и теоретическая значимость исследования состоит в том, что: 1) разработан классификационный критерий, позволивший объединить существующие «денежные» типы личности; эксплицированы новые «денежные» типы; 2) реконструированы и описаны групповые семантические пространства образов российского рубля и мировых валют, имеющих хождение на территории Дальневосточного региона, заданные через различные формы репрезентации: слова-понятия, денежные купюры, графические знаки; 3) с помощью модифицированной методики СД Ч. Осгуда были впервые оценены денежные единицы Японии и Китая, а также графические знаки, обозначающие денежные единицы США, стран Европейского Союза, Японии и знаки, претендующие на обозначение российского рубля; 4) показано, что категориальная структура и содержание образов

российского рубля и мировых валют обусловлена формами репрезентации оцениваемого стимула; 5) разработана и апробирована авторская методика СД, позволяющая исследовать категориальную структуру образа денег; 6) установлено, что образ денег у студентов Дальневосточного региона имеет многофакторную структуру, которая отражает различные типы поведения по отношению к деньгам и соответствует «денежным» типам личности.

Практическая значимость и внедрение результатов. Эмпирические и теоретические результаты диссертационного исследования могут быть включены в программу спецкурса «Психология денег». Эксплицированные «денежные» типы личности могут быть использованы в качестве психодиагностического концепта при разработке методического инструментария, позволяющего проводить исследования по оценке персонала в контексте проблемы «типы отношений работника к деньгам», а также проведения тренингов и обучающих программ. Разработанные и модифицированные психосемантические методики могут быть применены в качестве диагностического инструмента при исследовании образа денег и денежных единиц, имеющих хождение на территории Российской Федерации.

3. Атюнина В.С. «Образ успешного человека в семантическом пространстве личности» (защита состоялась 10.11.2007).

Цель исследования – определение содержания и категориальной структуры «образа успешного человека».

Предмет исследования – содержание и категориальная структура «образа успешного человека».

Методы и методики исследования – метод беседы и анкетирования, ассоциативный эксперимент, метод экспертных оценок, метод классификации; метод частного семантического дифференциала «Образ успеха» и «Образ успешного человека»; проективные методы – «Четыре рисунка успеха» и цветоассоциативный эксперимент; методика многофакторного исследования личности Кэттелла. Методы статистической обработки данных: факторный и корреляционный анализ (коэффициенты корреляции Пирсона, коэффициенты ранговой корреляции Спирмена), критерий Фишера – φ и t -критерий Стьюдента для независимых выборок с применением статистических пакетов прикладной компьютерной программы «Excel», компьютерной интегрированной системы обработки данных «SPSS 15.0» в среде Windows.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты и сформулированные выводы могут стать новыми основаниями для переосмысления подходов к изучению функций, факторов, механизмов и критериев достижения успеха личностью.

Практическая значимость исследования определяется тем, что фактический материал диссертации может расширить содержание диагностической и консультационной работы в семейной, индивидуальной и групповой формах; применяться в психологических службах организаций различных отраслей. Основные положения работы могут быть использованы в специальных курсах и курсах лекций по общей и социальной психологии, психологии личности, инженерной психологии.

4. Бондарчук Н.В. «Психологическое содержание старательского труда» (защита состоялась 10.11.2007).

Цель исследования – изучить психологическое содержание старательского труда.

Объект исследования – старательский труд.

Предмет исследования – психологическое содержание старательского труда. Методы и методики исследования: теоретический анализ по проблеме исследования, опрос, психодиагностические методики. Методы количественной и качественной обработки: статистический анализ (метод семантических универсалий, факторный анализ, корреляционный анализ), метод экспертных оценок, содержательная интерпретация результатов. Статистические расчеты выполнены с использованием пакета прикладных компьютерных программ универсальной обработки табличных данных Microsoft Excel XP и пакета статистического анализа SPSS 11.0 for Windows.

Теоретическая значимость. В результате теоретического анализа предложено и обосновано понятие «психологическое содержание труда», разработана комплексная программа психологического изучения и описания труда старателей, впервые произведено изучение психологического содержания старательского труда. Изучены и описаны: организация, операционально-технологическая структура старательского труда и особенности профессиональной среды работников артели; субъективные параметры старательского труда (представления старателей об их труде, профессиональном образе жизни, об отношении к своему труду, жизни; психические состояния и личностные особенности). Разработаны рекомендации по нормализации и обогащению

условий профессиональной среды работников старательской артели.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в консультативной работе со специалистами артели, членами их семей; руководителями при нормировании режимов труда и отдыха, обеспечении более полноценного образа жизни в период рабочего сезона, пересмотре некоторых нормативных положений организации старательского труда. Полученные автором данные могут быть учтены при разработке системы профессионального обучения соответствующим специальностям, способствовать оптимизации процесса адаптации специалиста к условиям труда в старательской артели.

5. Леженина А.А. «Психологическая культура преподавателя вуза как системообразующий фактор успешности его профессиональной деятельности» (защита состоялась 10.11.2007).

Цель исследования – выявить взаимосвязи психологической культуры преподавателя вуза и его профессиональной успешности.

Объект исследования – психологическая культура преподавателя вуза и успешность его профессиональной деятельности.

Предмет исследования – психологическая культура преподавателя вуза как фактор успешности профессиональной деятельности.

Методы исследования – «Оценка знаний юношеской психологии» (Н.И. Андрианов), методика показателей и форм агрессии (А. Басс, А. Дарки), «Оценка профессиональной направленности личности преподавателя», методика, оценивающая способы реагирования в конфликте (К.Н. Томас), «Уровень субъективного контроля» (Е.Ф. Бажин, Е.А. Голынкин), методика измерения уровня самоактуализации личности (модификация Л.Я. Гозмана и М.В. Кроза); анкетирование, социометрическая методика; критерий значимости различий Стьюдента, корреляционный анализ, факторный анализ.

Научная новизна и теоретическая значимость заключаются: 1) в комплексном анализе психологической культуры как системообразующем факторе профессиональной успешности преподавателя вуза; 2) в уточнении структуры и содержания психологической культуры и выявлении дифференциально-диагностических показателей оценки уровня сформированности психологической культуры преподавателя вуза; 3) в установлении ведущей роли аффективного и

мотивационного компонентов психологической культуры в достижении профессиональной успешности преподавателем вуза.

Практическая значимость и внедрение результатов. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы в практике психологического консультирования; при разработке программ повышения квалификации преподавателей; в лекционных и практических занятиях по курсам психологии труда, общей психологии, психологии личности.

6. Правник Д.Ю. «Гендерная вариативность образа мира личности» (защита состоялась 10.11.2007).

Цель исследования – выявить гендерные особенности образа мира личности, их инварианты в пределах каждой гендерной группы.

Объект исследования – образ мира личности.

Предмет исследования – гендерная вариативность образа мира личности. Методы и методики исследования: теоретический анализ источников по проблеме исследования, психосемантические методы, нестандартизированные самоотчеты, проективный метод

Методы статистической обработки данных: факторный анализ, корреляционный анализ, критерий углового преобразования Фишера, χ^2 , элементы контент-анализа самоописаний. Расчеты выполнены с использованием пакета прикладных компьютерных программ универсальной обработки табличных данных Microsoft Excel XP и пакета статистического анализа SPSS for Windows 13.0.7.

Теоретическая значимость исследования заключается в обосновании категории «актуальная гендерная ситуация» (АГС) как характерной для данного общества системы гендерных отношений, закрепленной в культуре, языке, гендерных стереотипах, реализуемая в гендерной политике как совокупности социальных стратегий по отношению к представителям различных полов и отражающая все многообразие гендерных концептов, существующих в обществе.

Практическая значимость исследования. Выявленные и описанные содержательные и структурно-динамические характеристики АГС позволяют прогнозировать трансформации развития личности мужчин и женщин в ближайшем будущем, возможные межролевые и внутриличностные конфликты, а также тенденции в развитии семьи и семейных отношений. Они также могут стать основой для анализа и корректировки гендерной политики общества с учетом новых потребностей личности.

7. Галкина Н.Ю. «Ценностные ориентации как фактор профессионального самоопределения студентов железнодорожного вуза» (защита состоялась 12.11.2007).

Цель исследования – изучить ценностные ориентации студентов железнодорожных специальностей на разных этапах профессионального самоопределения.

Объект исследования – профессиональное самоопределение личности в период обучения в железнодорожном вузе.

Предмет исследования – ценностные ориентации как фактор профессионального самоопределения студентов.

Методы исследования – теоретико-методологический анализ; психодиагностические методики: с целью исследования ценностных ориентаций методика М. Рокича и методика Р.Инглхарта, модифицированная М.С. Яницким; для определения мотивационно-ценностной структуры личности – морфологический тест жизненных ценностей В.Ф. Сопова, Л.В. Карпушиной; для оценки уровня тревожности тест, разработанный Ч.Д. Спилбергером; для изучения личностных особенностей будущих специалистов – 16-факторный опросник личности Р. Кеттелла; для диагностики профессиональной деятельности методика «Мотивация профессиональной деятельности» К.Замфир в модификации А. Реана и методика «Мотивация профессионального самоопределения» Е.А. Климова; методы математической статистики (сопоставление результатов выборок по t-критерию Стьюдента, с использованием пакетов «Statistika 6.0» и «SPSS 9.0»).

Научная новизна и теоретическая значимость исследования состоит в том, что: 1) выделена иерархия ценностных ориентаций студентов железнодорожных специальностей; 2) уточнены понятия «профессиональное самоопределение» и «ценностные ориентации»; 3) изучена динамика ценностных ориентаций студентов железнодорожного вуза; 4) выявлена взаимосвязь мотивации профессионального самоопределения и ценностных ориентаций студентов железнодорожного вуза.

Практическая значимость и внедрение результатов: могут быть использованы в психологической и педагогической практике при решении вопросов, связанных с подготовкой студентов к профессиональной деятельности, а также в практике психологического консультирования по вопросам профессионального самоопределения оптантов.

8. **Любичкая О.А.** «Структура и содержание профессионального достоинства личности в контексте психологии труда» (защита состоялась 12.11.2007).

Цель исследования – определить структуру и содержание профессионального достоинства личности во взаимосвязи со спецификой профессиональной деятельности.

Объект исследования – профессиональное достоинство личности.

Предмет исследования – структура и содержание профессионального достоинства личности в контексте психологии труда.

Методы исследования – метод поперечных срезов, сравнительный метод. Методы сбора эмпирических данных: контент-анализ; ассоциативный метод; «Метод цветоассоциативного эксперимента», основанный на цветовом тесте отношений Бажина-Эткинда; метод экспертных оценок; проективная методика «Незаконченные предложения»; методика «Личный профессиональный план» (ЛПП) Е.А. Климова; тест-опросник самоотношения (В.В. Столин, С.Р. Пантилев), методика «Уровень субъективного контроля» (Е.Ф. Бажин, Е.А. Голынкина, А. М. Эткинд), методика «Удовлетворенность трудом».

Научная новизна и теоретическая значимость исследования состоит в том, что: 1) разработана теоретическая модель структуры и содержания профессионального достоинства; 2) выявлена категориальная структура представлений о профессиональном достоинстве; 3) показана взаимосвязь между особенностями профессиональной деятельности и категориальной структурой представлений о профессиональном достоинстве; 4) разработан и апробирован комплекс методов диагностики структуры профессионального достоинства как психологического феномена; 5) выявлена взаимосвязь между уровнем развития профессионального достоинства и личностными характеристиками; 6) представлена уровневая модель профессионального достоинства.

Практическая значимость и внедрение результатов. Результаты исследования могут быть использованы для разработки психологических программ эффективного менеджмента на предприятиях всех форм собственности; углубить содержание диагностической и консультационной работы по вопросам профессионального выгорания, материалы могут быть использованы в курсах «Психология труда», «Психология управления» и «Психология личности».

9. **Космина М.А.** «Развитие языковой компетентности у детей в условиях вынужденного билингвизма» (защита состоялась 12.11.2007).

Цель исследования – выявить особенности развития языковой компетентности у детей-мигрантов 6–7 лет.

Объект исследования – особенности развития языковой компетентности у детей дошкольного и младшего школьного возраста.

Предмет исследования – влияние билингвизма на развитие языковой компетентности у детей-мигрантов дошкольного и младшего школьного возраста.

Методы исследования: теоретический анализ литературных источников по теме исследования; наблюдение; тестирование; психолингвистический анализ особенностей речевого развития; математико-статистические методы анализа и представления эмпирических данных (кластерный анализ, факторный анализ, частотный анализ, корреляционный анализ) с использованием пакета STATISTICA 6.0, SPSS 12.0, предназначенного для работы с табличными данными. Для описания полученных данных применялся качественный анализ.

Научная новизна и теоретическая значимость исследования состоит в том, что: 1) раскрыто положение о том, что формирование языковой компетентности определяется специфическими условиями речевого развития ребенка; 2) впервые изучены и описаны особенности формирования языковой компетентности у детей-мигрантов в условиях вынужденного билингвизма; 3) установлена роль культурных и интеллектуальных факторов в формировании языковой компетентности в условиях билингвизма; 4) показано, что языковая компетентность формируется не спонтанно, а в условиях систематического обучения языку; 5) получены данные, позволяющие говорить о том, что билингвизм в целом способствует развитию языковой компетентности.

Практическая значимость и внедрение результатов. Результаты исследования могут быть полезны социальным службам при решении вопросов адаптации детей, вынужденных мигрантов, к условиям чуждой для них российской культуры через развитие у них языковой культуры в целом и языковой компетентности в частности. Материалы исследования используются в диагностической и коррекционной работе логопедов, педагогов и психологов, работающих в детских образовательных учреждениях; в работе психолого-медико-педагогической консультации, в системе повышения квалификации учителей и преподавателей вузов; при составлении рекомендаций по подготовке детей-билингвов к обучению в русскоязычной школе.

10. **Грязнова Т.В.** «Психологические механизмы готовности к социальному риску в профессиональной деятельности руководителя (на примере руководителей высшего звена железнодорожного транспорта)» (защита состоялась 13.11.2007).

Цель исследования – выявление психологических механизмов готовности к социальному риску в профессиональной деятельности руководителей высшего звена ж.-д. транспорта.

Объект исследования – профессиональная деятельность руководителей высшего звена железнодорожного транспорта.

Предмет исследования – психологические механизмы готовности к социальному риску в профессиональной деятельности руководителей высшего звена железнодорожного транспорта.

Методы исследования – анализ нормативных и программных документов; экспертная оценка задач, связанных с социальным риском; опросник «Образ управленческой ситуации» О.В. Ливенцевой. Психодиагностика: «Готовность к риску» Г. Шуберта, «Личностные факторы принятия решений» Т.В. Корниловой, «Социальный интеллект» Дж. Гилфорда и М.Салливена, «УСК» Е.Ф. Бажина, Е.А. Голынкиной, А.М. Эткинда, 16-факторный опросник Р.Б. Кеттелла, «Мотивация к успеху» и «Мотивация к избеганию неудач» Т. Элерса; опросник личностных качеств (тезаурус, включающий 117 качеств) Е.Н. Кирьяновой. Математическая статистика: t-критерий Стьюдента, анализ дисперсий, корреляционный анализ (г-критерий Пирсона), факторный анализ – метод главных компонент, критерий вращения Varimax Г. Кайзера.

Научная новизна и теоретическая значимость работы – уточнен социально-психологический аспект риска в контексте управленческой деятельности; выделены факторы социального риска и актуальные риски профессиональной деятельности руководителей ж.-д. транспорта; обоснованы теоретически и подтверждены эмпирическими данными механизмы психологической готовности руководителя к социальному риску.

Практическая значимость и внедрение результатов. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в профотборе, в аттестации руководителей высшего звена. По материалам исследования разработана тренинговая программа «Психология принятия управленческих решений в структуре деятельности руководителя ж.-д. транспорта», которая реализуется на курсах профессиональной переподготовки руководителей предприятий ж.-д. транспорта (резерв высшего звена) ИПК ДВГУПС.

11. **Кузнецова Е.Б.** «Психология соперничества в контексте гендерного подхода» (защита состоялась 13.11.2007).

Цель исследования – выявить в процессе исследования личностных особенностей школьных педагогов личностные ресурсы преодоления синдрома профессионального выгорания.

Объект исследования – психология соперничества.

Предмет исследования – гендерные аспекты соперничества как психологического феномена.

Методы исследования – метод поперечных срезов, сравнительный (сравнительный анализ между различными возрастными группами школьников и студентов, профессиональными группами в гендерном аспекте). Контент-анализ, ассоциативный эксперимент; опросник «Поведение в конфликтных ситуациях» К. Томаса, «методика мотивации азарта» (МАС) М. Кубышкиной, «Самоописание половых ролей» С. Бем (BSRT), методика «Уровень субъективного контроля» УСК (Е. Ф. Бажин, Е.А. Голынкина, А.М. Эткинд), методика «Диагностики межличностных отношений» Т. Лири, 16-факторный опросник Р. Кеттелла. Методы математической статистики (корреляционный анализ, кластерный анализ, факторный анализ). Расчеты выполнены с использованием пакета прикладных компьютерных программ универсальной обработки табличных данных Microsoft Exel XP и SPSS for Windows 12.0, Statistica 6.0.

Научная новизна и теоретическая значимость исследования состоит в том, что: 1) расширены теоретические представления о соперничестве как психологическом феномене; 2) выделены детерминанты соперничества; 3) определена категориальная структура представлений о соперничестве в гендерном аспекте; 4) построен частный семантический дифференциал «представление о соперничестве»; 5) получены новые результаты, характеризующие зависимость структуры и содержания соперничества как психологического феномена от гендерных, личностных особенностей и профессиональной направленности деятельности; б) выявлена факторная структура взаимосвязи типа гендерной идентичности, личностных особенностей.

Практическая значимость и внедрение результатов – изучение особенностей в системе «соперничество–гендер» может быть использовано для психологического консультирования межличностных отношений.

СВЕДЕНИЯ О КОНФЕРЕНЦИЯХ

НАУЧНАЯ ПРОГРАММА МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

«ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: ДИНАМИКА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ»

Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет, Хабаровский научный центр ДВО РАН, Российский фонд фундаментальных исследований объявляют о проведении конференции, в рамках которой предполагается осуществление следующих мероприятий. Выступления с докладами, стендовое представление материалов и обсуждение докладов и материалов, круглые столы по актуальным проблемам изучения истории, современности и перспектив развития ценностных ориентаций дальневосточного социума.

Международная научно-практическая конференция посвящена ключевой проблеме *социально-экономического развития – динамике ценностных ориентаций*. Предполагается *обсудить региональную специфику данной проблемы*. Ценности определяют существо бытия человека, общества и культуры, они представляют собой интегративную порождающую модель всех результатов и технологий человеческой деятельности, их выяснение позволяет понять фундаментальные принципы существования нации и региона. Исследование ценностей необходимо осуществлять комплексно и с учетом данных всех социальных, гуманитарных, исторических, экономических и культурологических наук. Оно позволяет свести воедино весь комплекс этих данных, предложить методологию их систематизации. На конференции предполагается обсудить методологические аспекты аксиологического анализа, его роль в современной системе социально-гуманитарных и экономических наук. Важнейшая проблема – региональная специфика ценностных ориентаций. Эта специфика будет рассматриваться в рамках отдельных секционных заседаний. Предполагается проведение круглых столов. К участию в конференции будут привлечены крупнейшие и молодые ученые региона, России и стран АТР (Японии, Китая, США, Кореи, Канады). *Результаты конференции будут иметь теоретическое и практическое значение*. Теоретическое значение результаты будут иметь для философии культуры, философии истории и философской антропологии, культурологии, социологии и всеобщей истории, политологии, психологии, правоведения, экономики. *Практическое значение* результаты будут иметь для формирования содержания ключевых дисциплин специальностей социально-гуманитарного и экономического профиля, для разработки правовых актов, политики и экономического развития региона. Предполагается широкое освещение работы конференции в СМИ города, края и ЕАО.

Данная конференция является шестой конференцией, проводимой Социально-гуманитарным институтом Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, направленной на решение фундаментальных и интегративных проблем социальных, гуманитарных и культурологических наук.

Предлагаемые для обсуждения проблемы:

- Ценностные основания экономики региона.
- Ценностные основания политической жизни региона.
- Ценности и социальные институты.
- Ценностные модели менталитета жителя Дальневосточного региона.
- Ценностные модели образовательных процессов на территории Дальневосточного региона.
- Ценностные модели дальневосточной культуры.
- Ценности и правовая жизнь региона.
- История ценностных ориентаций на Дальнем Востоке России.
- Ценностные основания межкультурной коммуникации между странами АТР, между коренными малочисленными народами Дальнего Востока России и русским населением.
- Ценностные концепты в языковой картине Дальнего Востока России.
- Ценности и экология региона.

Предполагается проведение круглых столов на темы:

- Ценностные основания развития сотрудничества со странами АТР (экономические, социокультурные, правовые аспекты).
 - Ценностные основания инвестиционной политики региона.
 - Ценностные основания воспитания мотивации населения, направленной на его закрепление в регионе.
- Предполагается проведение пленарных заседаний на темы:*
- Аксиологические основания современных социально-гуманитарных, исторических и экономических наук. Методология интегративного решения их важнейших проблем;
 - Российская ментальность и ее региональный дальневосточный вариант.

ПРОБЛЕМЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ НА СЕКЦИОННЫХ ЗАСЕДАНИЯХ

СЕКЦИЯ 1. Философские и социологические аспекты исследования ценностных ориентаций жителей Дальнего Востока (руководитель – д-р филол. наук, проф. И.И. Докучаев).

Проблематика – аксиология и теория познания. Методология аксиологического анализа человека, общества и культуры. Аксиология и философия. Истина и ценность. Ценность и идеал, ценность и модель. Экзистенциальный и интегративный характер ценности. Аксиология и социология. Общечеловеческие и национальные ценности. Духовные и материальные ценности. Аксиологические модели социальных институтов на Дальнем Востоке. Гендерные отношения и ценностные ориентации на Дальнем Востоке. Социология мо-

лодежи, семьи, материнства и детства на Дальнем Востоке: социальные представления о реальности и ценностные ориентации. Социальные конфликты и проблемы: анализ и пути их разрешения (идеология проблемного поведения и способы коррекции ее аксиологических оснований).

СЕКЦИЯ 2. Психологические и педагогические аспекты исследования ценностных ориентаций жителей Дальнего Востока (руководитель – д-р пед. наук, проф. Т.Е. Наливайко).

Проблематика – аксиологические основания в структуре психики: коллективный и индивидуальный аспекты, родовые предпосылки формирования аксиологического сознания. Эмоциональный, волевой и рациональный аспекты ценности. Психоанализ ценностных ориентаций. Архетипы и ценности. Структура аксиологических моделей личности человека и его телесности. Аксиология телесности жителя Дальнего Востока: проблемы ценностных ориентаций физической культуры, косметика, мода, трансформации тела, телесные практики. Динамика типа личности жителя Дальнего Востока: массовая личность, провинциал, советский человек. Педагогика и ценностные ориентации. Аксиологические основания методов и содержания образования разных уровней. Региональный компонент образовательных программ и аксиология.

СЕКЦИЯ 3. Правовые и политические аспекты исследования ценностных ориентаций жителей Дальнего Востока (руководитель – д-р ист. наук, проф. Э.А. Васильченко).

Проблематика – ценности и законы, ценности и социальные нормы. Законотворчество на разных уровнях власти и трансформации в структуре ее тезаурусов. Власть и ценности: проблема взаимоопределения. Ценностные основания пенитенциарной и исправительной практик государства. Институты управления и общественные институты: аксиологические основания диалога между ними. Дальневосточная специфика законотворчества и ее ценностные основания. Дискурс власти на Дальнем Востоке: региональная и национальная специфика.

СЕКЦИЯ 4. Экономические аспекты исследования ценностных ориентаций жителей Дальнего Востока (руководитель – д-р эконом. наук, проф. В.В. Литовченко).

Проблематика – аксиология экономики. Ценность и польза. Аксиологические основания рыночных отношений. Ценность, цена и стоимость. Ценности современной рекламы. Экономическая и аксиологическая составляющая формирования спроса и предложения на основные товары и услуги, предлагаемые в условиях Дальневосточного региона. Идеология инвестиционной политики на Дальнем Востоке.

СЕКЦИЯ 5. Исторические аспекты исследования ценностных ориентаций жителей Дальнего Востока (руководитель – д-р ист. наук, проф. Л.Н. Долгов).

Проблематика – история освоения Дальнего Востока и ценностные ориентации (дореволюционный, советский и современный периоды). Идеология

и геополитика. История ментальности жителей Дальнего Востока, история ценностных оснований социальных институтов и культуры на Дальнем Востоке. Аксиология дальневосточного краеведения.

СЕКЦИЯ 6. Филологические аспекты исследования ценностных ориентаций жителей Дальнего Востока (руководитель – д-р филол. наук, проф. О.Б. Горобец).

Проблематика – ценностные и истинностные суждения: современные лингвопрагматические методы исследования ценностных суждений (классификация, семантика, синтаксис). Ценностные концепты в современном русском языке (на материале текстов, созданных на Дальнем Востоке). Аксиологические основания межкультурной коммуникации русского населения и коренных малочисленных народов Дальнего Востока. Аксиологические основания сотрудничества между странами АТР.

СЕКЦИЯ 7. Культурологические аспекты исследования ценностных ориентаций жителей Дальнего Востока (руководитель – д-р культ., проф. Т.А. Чебанюк).

Проблематика – аксиология художественной, духовной и материальной культуры. Ценностные модели дальневосточного искусства и литературы. Аксиология социального и художественного пространства и времени (на материале Дальневосточной культуры и искусства). Ценности и религиозная практика на Дальнем Востоке. Экология природы и экология культуры: проблема ценностных оснований.

РАСПИСАНИЕ

22.09.2008 г.

Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет: г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина 27:

10.00 Регистрация

11.00 Открытие

11.30 – 14.00 Пленарная сессия I:

«Аксиологические основания современных социально-гуманитарных, исторических и экономических наук. Методология интегративного решения их важнейших проблем.

14.00 – 15.00 Перерыв

15.00 – 18.00 Круглый стол «Ценностные основания развития сотрудничества со странами АТР (экономические, социо-культурные, правовые аспекты)».

19.00 – 21.00 Вечер встречи

23.09.2008 г.

Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет: г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина 27:

10.00 – 14.00 Пленарная сессия II:

«Российская ментальность и ее региональный дальневосточный вариант».

12.00 – 12.30 Перерыв

14.00 – 15.00 ПЕРЕРЫВ

15.00 – 18.00 Круглый стол:

«Ценностные основания инвестиционной политики региона».

18.00 Пешеходная экскурсия

24.09.2008 г.

Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет: г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина 27:

10.30 – 13.30

Параллельные сессии

13.30 – 15.00

ПЕРЕРЫВ

15.00 – 18.00

Круглый стол «Ценностные основания воспитания мотивации населения, направленной на его закрепление в регионе».

18.00

Культурная программа

19.00

Отъезд

СОСТАВ ОРГКОМИТЕТА

Председатель оргкомитета: доктор философских наук, профессор

Илья Игоревич Докучаев

Заместитель председателя оргкомитета: доктор исторических наук, профессор

Лев Николаевич Долгов

Ученый секретарь оргкомитета: доктор филологических наук, профессор

Ольга Борисовна Горобец

Члены оргкомитета

доктор исторических наук, профессор Элеонора Александровна Васильченко;

доктор экономических наук, профессор Виктор Владимирович Литовченко;

доктор педагогических наук, профессор Татьяна Евгеньевна Наливайко;

доктор культурологии, профессор Татьяна Алексеевна Чабанюк.

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Иногородние участники могут остановиться в гостинице университета или в гостинице «Восход», находящейся рядом с университетом.

Адрес оргкомитета:

681013 г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 27

Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет;

Дирекция социально-гуманитарного института, 4-й учебный корпус, ауд. 322.

ФАКС (4217) 53-61-50

Тел: 53 – 08 – 44

e-mail: flk @ knastu. ru

Для участия в работе конференции необходимо выслать в адрес оргкомитета в печатном (письмо или факс) и электронном (на дискете 3.5) вариантах следующие документы:

1) заявку (заполняется на каждого автора отдельно), в которой указать название доклада, наименование секции, Ф.И.О. автора (полностью), ученая степень, ученое звание, название вуза и адрес, по которому следует выслать приглашение и сборник материалов конференции;

2) тезисы доклада, оформленные в соответствии с нижеуказанными требованиями.

Требования к оформлению материалов в сборник: материалы представляются объемом 4–6 полных

страниц на бумажном носителе, отпечатанном на компьютере, и на дискете 3.5. При использовании компьютера просим применять редактор Word 6.0 Windows и более молодые версии. Материалы печатаются на белой бумаге форматом А4, текст должен помещаться в рамку 160 × 240 мм, шрифт Times New Roman, кегль – 14, красная строка 1,27 см (стандартная), межстрочный интервал – 1. В левой половине от начала первой строки набирается абзац с инициалами и фамилией автора строчными буквами, второй строкой через один интервал – место работы строчными буквами, через два интервала после указания организации прописными буквами набирается заголовок статьи. Через два интервала после заголовка с красной строки набирается текст, нумерация страниц карандашом в правом верхнем углу. *Не разрешаются* переносы в заголовках: если заголовок состоит из нескольких строк, то предлоги, союзы переносятся на следующую строку. В конце через один одинарный интервал печатается библиографический список используемой литературы. Срок представления материалов до 1 сентября 2008 года в дирекцию социально-гуманитарного института.

Пример оформления

А.А. Иванов

Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет

ИГРОВЫЕ ФОРМЫ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст,

Участникам конференции необходимо внести оргвзнос в размере 90 руб. за каждую страницу текста (выпуск программы, публикация сборника, почтовые расходы) до 01.09.2006. Деньги перечислять по адресу: УФК ПО ХАБАРОВСКОМУ КРАЮ (ГОУВПО «КНАГТУ» ЛС 06073340830)

ИНН 2727000769

КПП 270301001

Р\с 40503810500001000191 в ГРКЦ ГУ

Банка России по Хабаровскому краю,

г. Хабаровск

БИК 040813001

Код бюджетной классификации

07330201010010000130

В назначение платежа указать: 5020000 ПД,

2ЦС на проведение конференции СГИ

ФИО

Оплата организационного взноса возможна также наличными в момент регистрации, непосредственно на конференции. Оргкомитет оставляет за собой право отклонения материалов, не содержащих новой научной информации и не удовлетворяющих вышеуказанным требованиям. Доклады печатаются в авторской редакции.

Оргкомитет

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ПОРЯДОК ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ В НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ» И ТРЕБОВАНИЯ К НИМ

1. В журнале печатаются рукописи, как правило, не публиковавшиеся ранее.

2. Все поступившие в редакцию статьи проходят рецензирование.

3. Рассмотрение работ аспирантов и соискателей кандидатской степени осуществляется только при наличии отзыва научного руководителя и рекомендации кафедры по месту их обучения.

4. Статьи должны быть в объёме от 0,5 до 1 п.л. (20 000 – 40 000 знаков). В них может быть, как правило, размещено не более трех иллюстраций, графиков или схем.

5. Требования к рукописи, представляемой в редакционную коллегию.

5.1. Направляемые в редакционную коллегию материалы должны быть представлены в электронном и распечатанном видах. Принимаются дискеты размером 3,5" и два экземпляра распечатки текстового оригинала (файлов), имеющегося на дискете. Если дискет две и более, необходимо указать их номера и размещение файла на дискетах (папки). На распечатке должны быть указаны имена файлов. Текстовый редактор – Word. Материалы должны быть подписаны автором на титульном листе около фамилии.

5.2. Титульный лист статьи содержит комплекс элементов, расположенных на странице в следующем порядке. В верхней части страницы располагается заглавие статьи, которое печатается прописными буквами жирным шрифтом. Фамилии авторов следуют после заголовка и печатаются строчными буквами, иные сведения при этом не указываются.

5.3. Ссылки на источники даются в виде алфавитного списка литературы с нумерацией после текста. Сначала идут источники на русском языке, затем на иностранных. В самом тексте (после цитирования) информация об источнике печатается в квадратных скобках с указанием номера по списку. Библиографическое описание источника в списке литературы (фамилии и инициалы авторов печатаются курсивом) составляется в соответствии с действующими нормами ГОСТ 7.1–2003. Шрифт и межстрочный интервал те же, что и в статье.

5.4. Поля страницы: верхнее – 2 см; нижнее – 2 см; левое – 3 см; правое 1 см; размер бумаги – А4 (210 × 297 мм); шрифт – «Times New Roman» № 14; межстрочный интервал – 1,5.

5.5. Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

6. Материалы, не имеющие научного аппарата или неправильно оформленные, не соответствующие указанным выше правилам, не рассматриваются. Рукописи не возвращаются.

7. К рукописи должны прилагаться следующие сведения об авторе: Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы, должность, рабочий адрес, домашний адрес, рабочий телефон, домашний телефон, факс, e-mail.

8. К статье прилагается короткая аннотация в несколько строк на русском и английском языках, ключевые слова (не более 15), а также название статьи на английском языке.

9. Материалы следует направлять по юридическому адресу журнала: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС), к. 3235. Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке». Электронная почта: journal@festu.khv.ru.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

Наш журнал распространяется по подписке и поступает в розничную продажу.

Стоимость одного номера – 180 руб. (с учетом НДС). Подписка оформляется банковским или почтовым переводом (образец купона прилагается). Журнал будет выслан по адресу подписчика почтой. Почтовые расходы включены в стоимость подписки. Подписку на журнал также можно оформить по каталогу «Газеты. Журналы» ОАО Агентства «Роспечать». Подписной индекс – 84277.

Просим высылать копии платежного документа и адрес для рассылки по адресу: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС). Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке».

<p>Извещение</p> <p>Кассир</p>	<p>Дальневосточный государственный университет путей сообщения <u>УФК по Хабаровскому краю</u> (наименование получателя платежа) <u>2724018158 № 40503810500001000191</u> (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</p> <p>ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) БИК 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) <u>№ 272401001</u> (номер КПП)</p> <p>подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2008 год (наименование платежа)</p> <p>Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.</p>
<p>Квитанция Кассир</p>	<p>Дальневосточный государственный университет путей сообщения <u>УФК по Хабаровскому краю</u> (наименование получателя платежа) <u>2724018158 № 40503810500001000191</u> (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</p> <p>ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) БИК 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) <u>№ 272401001</u> (номер КПП)</p> <p>подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2008 год (наименование платежа)</p> <p>Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.</p>

EDITORIAL

Y.M. Serdyukov

Dear reader,

During the four years after the first issue of the journal there have been 16 issues published in the same format. An editorial board and authors team have been formed, themes and readers have been determined and the journal has become known within Russia and abroad. A Russian-English web-site has been created. The initial goal has been achieved as we have united Far Eastern scholars by the edition. Now we face new tasks. The *first* has been formed by the themes of the published materials, devoted mostly to the problems of the Russian Far East. The scope of problems under study was so wide and the scientific level of the research is so high that now we have an opportunity to start thematic issues. In the central focus of each issue there will be a discussion of one of the most significant problems of the Russian Far East and the Pacific Region. The first issue of 2009 will be devoted to “Intercultural communications in the Pacific region”; the second to “*The peculiarities of the development of Pacific countries under globalization*”; the third to “*International cooperation of Pacific countries in the struggle against transnational crime*”, and the fourth to “*Ethno-psychology of the nations of the Far East*”¹.

We hope that the idea of symposiums will catch on with our colleagues in Russia and abroad. Our foreign colleagues have already shown interest in our journal and expressed their wish to participate in our projects. The journal has gradually received international acclaim. This has raised a *second* task: to make the journal appropriate to world standards for scientific periodicals and its distribution abroad. It is apparent that this task can not be implemented without translation of the key articles into English, involving organization of an international editorial board and publishing the works of our colleagues from abroad. These three factors together with access to published materials of wide scientific circles will make the journal truly international. It will not happen at once, but we have made the first step.

You are holding the first bi-lingual issue, and this is the best proof of the seriousness of intentions of the founder and the editorial board to achieve the set goal. It also testifies that we have appropriate resources and that society is interested in us. As for the access of foreign readers to the materials of the journal, the English language version will be placed in free access at the web-site of the journal: www.eastjournal.ru.

I hope that the new version will gain acceptance and the good response of its authors and readers to our joint efforts will make the journal authoritative corresponding to international standards for scientific journals.

Editor-in-chief,
Professor

Yury Serdyukov

¹ The rules for the authors will be published later on the web-site.

ARTICLES

SUSTAINABLE DEVELOPMENT: FROM UTOPIA TO REALITY

V.V. Valkovskaya

Valkovskaya Viktoria Viktorovna – Doctor of Philosophy, Professor, the Head of the Faculty of Philosophy of the Far Eastern State Transportation University.

Sustainable development is the most fashionable scientific dream of mankind. Our aim here is to give well-reasoned arguments that it is just a dream; it is a model to some extent, but not an elaborated concept. At the same time, we want to show that sustainable development, as any other social project, has a chance to come true, but scientific research alone is scarcely sufficient for that.

Key words: Sustainable development, environment, environmental policy, management of nature, efficient use of resources.

In Russia each researcher starts to work with the term “sustainable development” by clarifying the meaning of the notion. It is caused by the existing tradition.¹ Despite the controversy about the term the following basic positions can be distinguished:

- society and man influence the environment;
- human activity is able to change the environment;
- society and man must adapt to changes of the environment or change and modify the directions of its changing.

According to J. Houghton, sustainable development means that life on the Earth is much more important than plunder of its riches and continuous consumption of nonrenewable resources without considering opportunities for their renewal; we must leave to the next generations, not only artificial but natural riches, such as clear water, good arable soils, plenty of wildlife and vast wooded spaces. [1, 134]

Let's analyze the components of the model of sustainable development in detail. It is especially important nowadays because the concept of sustainable development contains the most detailed ecologically oriented priorities of development, accepted by the world community. The following principles of economic and ecological policies are declared fundamental:

- the right of every person for a healthy and fruitful life in harmony with nature;
- the inseparability of society and the environment in their development;
- the obligation to do no harm to future generations;

¹ In Russian literature the term “sustainable development” was improperly translated into Russian. The Russian term for sustainable development («устойчивое развитие» – «устойчивое развитие») means “stable”. The translation “able to be maintained within certain limits” seems more correct. Probably, the absence of a proper equivalent in the Russian language caused translation misrepresentation of the notion. In our paper the term “sustainable development” will have the meaning implied by our interpretation.

– the protection of the environment as an integral part of social development;

– the cooperation of states and nations in the sphere of environmental protection aimed at the satisfaction of the interests of all countries.

The modern world is not socially homogeneous, so the countries bear common but differentiated responsibility for the environment. Each country has a sovereign right to explore its natural resources in accordance with its own policy. At the same time the concept requires that this exploration be harmless for the environment of other countries beyond its jurisdiction. More than that, countries are obliged to work out national laws concerning the responsibility for ecological damage and compensation to other countries. *Ecological welfare achieved at the expense of another state is inadmissible.*

The ecological consequences of the proposed activities should also be evaluated in advance. If they substantially threaten the environment the scientific uncertainty of the volume and the consequences of the damage can not justify delay in taking effective measures to prevent environmental changes.

During military conflicts the countries involved must pay respect to international law protecting the environment. All ecological legislative disputes are to be resolved by countries in accordance with the Charter of the United Nations.

The concept of sustainable development contains the idea of differentiated financial burden for the participating countries. According to the concept the nations must cooperate for liquidation of poverty, elimination of gaps in living standards and effective supply of the needs of the Earth's population. Developing countries are considered the most ecologically vulnerable. Developed countries might allot 0.7% of their GNP to support developing countries. Nonviable production and consumption models are to be reduced and eliminated, and demo-

graphic policies aimed at depopulation are to be encouraged.

Ecological standards and priorities, adopted by developed countries may be absolutely unacceptable for developing nations. Ecological politics can not be used for restriction of international trade and state protection of domestic manufacturers.

The international community must aim at maximum possible help for countries suffering from natural disasters and other emergency situations.

Special attention is paid to the fact that ecological problems are most effectively resolved when all interested citizens participate. Realization of sustainable development requires all-round participation of women and involvement of youth; due account must be taken of the positive experience of management of nature by indigenous populations; all creative forces of the planet must be mobilized; there must be a deep understanding of ecological, political and economical issues; and there must be exchange of scientific knowledge, technologies and information. All citizens should have access to information about the state of the environment. The state must not only guarantee but also encourage the participation of the population in environmental protection.

Realization of sustainable development requires fulfillment of two large scale groups of measures: ecologic and socio-economic. Priorities in the sphere of ecology and economy were marked out by the Commission for Sustainable Development (CSD) in 1997. The Commission classified the problems of transportation and power industries, forests, fresh water resources, and the World oceans and biodiversity as the first group. The second group includes poverty reduction, change of consumption and productivity patterns, national sustainable development strategies and ensuring healthy life conditions for the Earth's population.

Sustainable development is a model offered by the international community for preventing sharp contradictions in the interaction of mankind and nature. We insist that it is a model but not a concept. The concept presupposes a scientific elaboration of the means and opportunities of realization of the main issues. In the case under study such scientific elaboration is absent in the majority of issues.

Is the offered model of sustainable development practicable? If it is, what are the possible ways for its realization? To answer the questions set means to show the coincidences and differences of the social ideals and ecological values at the present stage of social development.

On the whole, the model of sustainable devel-

opment presupposes that humankind is to learn how to manage itself and the process of its interaction with nature. According to R. Akoff there exist three different approaches to the management strategy:

1) Satisfaction management strategy. Here the aims and tasks are revised only when they are not achieved; understanding of the system containing the activity is not necessary. Principles of satisfactory management strategy are: minimum deviation from the policy implemented; extensive use of resources; and minimum dynamic of the organization.

2) Optimization management strategy. Unlike the former, this strategy requires obligatory knowledge and understanding of the functions of the system and the notion of the reason for the goal and its limitations. Optimizing management strategy uses different types of modeling. The main directions of optimization are: minimizing of the resources used; maximizing efficiency of production with existing level of the resources used; and achieving the best balance between expenses and results.

3) Adaptation management strategy. This approach requires maximum understanding of the system, and is aimed at the creation of the desired future, in counteraction to the system efficiency decrease which is caused by the environmental changes. The aim of adaptation planning is to minimize the future demand for retrospective planning, i.e. planning aimed at improving miscalculations in the implementation of decisions. Such planning requires a high level of generalization when elaborating working goals. An example of this is as follows: I am not simply ploughing this field to plant wheat or corn but I am carrying out nature management activities on the piece of land which feeds me now and will feed my children, and grandchildren, etc.

From analysis of the historical development of mankind the sequence of different strategies of management of nature is similar to that referred. The pre-capitalistic stage of social development is the satisfaction approach; the stage of intensification of production (establishment of capitalism, early capitalism, and modern capitalism) is the optimization approach which gradually replaces the satisfaction approach, but this replacement has not yet been completed. Technogenic anthropogenic civilization as it is now can not get beyond the optimization approach in management because objective and subjective factors of the relationship between mankind and nature are not yet sufficiently developed.

Modern technologies are aimed at resource-saving but most of the natural resources are nonrenewable. Thus, the problem of their exhaustability is not eliminated but simply postponed. Social con-

sciousness is not ready to admit the idea of limitation of production and consumption growth as the necessary measure for the prevention of the threat of ecological crisis. Logically, production based upon nonrenewable resources will surely face the problem of growth limitation or extinction.

The adaptive approach of management of nature is formulated in the guidelines of the activity; the model of sustainable development is aimed at the creation of an ideal pattern of society or a sustainable community. According to G. Miller and J. Tyler, a sustainable community regulates its economic and demographic parameters without irreplaceable damage to the environment. A sustainable community satisfies its needs without exhausting the Earth's riches and endangering the future development of mankind and other biological species. [2, 5] The task of transforming a sustainable society from the sphere of ideals to the reality of modern life is connected with elaborating certain criteria of sustainable development, applying them to different societies, and correcting the further development of those societies. The international community formulates three main groups of sustainability parameters: general parameters; increased danger for the environment; and, correspondently, decreased danger for the environment.

General parameters include the "state of health" of the ecosystem (primary productivity and species diversity); and resiliency and viability parameters (biodiversity and space structure).

Parameters showing increased danger for the environment are population growth, especially urban; increased power consumption; increased water consumption; exhaustion of renewable and nonrenewable natural resources; an increase in the number of pollutants; and transport indices, such as the number of vehicles, the length of roads, and passenger traffic, etc.

Decreased danger for the environment is determined by the following factors: decreased natural resource consumption per unit of production; availability of agreements on dangerous and valuable resources; deforestation control aimed at its reduction; soil fertility restoration; decreased pesticide and herbicide sales; decreased use of natural resources in the energy sector; increased civilian involvement in the environmental protection movement; and expansion of scientific research in the sphere of interaction between mankind and nature.

A group of scientists from the Institute of the Volga Basin Ecology, Russian Academy of Sciences, is elaborating the concept of Socio-Ecological-Economic System (SEES). We consider

the project very interesting and promising. Should the project be implemented it will be fruitful. The project concretizes the model of sustainable development and the notion of a sustainable community. The authors elaborate the project within the frameworks of a multi-criterion optimization approach, i.e. they consider the technological peculiarities of modern civilization.

The initial stage analysis of SEES condition is the study of its development at the level of subsystems: social, ecological and economic. The ecological subsystem is characterized by the following groups of parameters:

medical-geographical parameters (infantile death rate, spontaneous abortions, anomalies of development of newborns, death rate per age groups, general disease incidence, common sickness rate of children and adults, and the prevalence of oncological, infectious and other diseases which are ecologically caused);

condition status of the water pool (the level of pollution, including toxic substances, the diversion from hydrochemical, hydrobiological, sanitary-and-hygienic norms, quantity of polluting substances which have been deposited in bottom sediments, and organisms, etc.);

condition status of the air pool (mechanical, chemical, physical and other pollution in view of meteorological factors), estimated by means of maximum permissible concentration of substances (MPC), the index of mid-annual pollution, the level of maximal single concentration;

condition status of soils (reduction of humus contents, increase in contents of toxic substances, increase in the area salted and degradation of soils, etc.);

condition status of vegetation (reduction of the area of climax associations, deforestation, damage and diseases of vegetation, reduction in the phyto-mass stock);

condition status of fauna (decrease of species variety and number of animals, and epizooty, etc.);

spatial and dynamic tags of ecosystem degradation.

The social subsystem is characterized by the following groups of parameters:

medical-demographic (population size and density of a population, its age, sexual and genetic structure, urbanization degree, dynamics of reproduction of the population);

social (living standards, culture levels; human rights, etc.);

parameters of social tension (aggression within and between ethnic groups; demoralization, alcoholism, criminality, drug addiction, suicides, unem-

ployment rate, population shift for ecological reasons, etc.).

The parameters determining condition status of economic subsystem:

condition status of economic conjuncture or economic situation;

price development, securities, and interest rates;

ratio between jobless and employed;

efficiency of the economy;

rise in the cost of manufacturing because of natural and anthropogenous factors;

dynamics of manufacturing, loss of efficiency and loss of use of lands and resources;

structure of expenses of the economy of the region;

investments of electric energy per unit of area of the territory;

volume of production of wastes, pollutants and other harmful substances.

The second stage of analysis of SEES is the study of the condition of SEES as a whole. As the authors of the concept under study emphasize (Krasnoshchekov J.M., Krylov V.A., Pavlovskij V.A., Pisarev A.S., Chernjakova S.A), this analysis should be accompanied by a complex estimation of the territory and can be performed by means of the following criteria:

specificity of an environment;

level of industrial and agricultural development;

status of the price system;

level of ecological risks and degree of criticality;

natural production capability of natural resources;

presence of deposits of natural resources;

reserves of natural resources which have been explored;

recreational potential and recreational loading;

social structure of the region;

development of infrastructure;

land potential;

speed of recycling of products of the natural and anthropogenous metabolism;

traditions of management of nature;

deterioration of living conditions and health of the population;

exhaustion and loss of natural resource potential;

damages to genetic integrity of landscapes;

index of humanitarian development;

life expectancy; contrasts in the standard of living.

The detailed structure of the criteria given above and the parameters of socio-ecological-economic well-being of a territory have something in common with the ideas formulated by ecologists, studying the basin of another of the large river of the

Russian Federation, the Institute of Water and Environmental Problems of Priamurye Far Eastern Branch of the Russian Academy of Science (IWEPP FEB RAS), located in Khabarovsk.

Z.G. Mirzhanova, a research worker of IWEPP FEB RAS, considers territory as an independent object of research and an active element. She specifies that, if the activity of mankind is oriented to sustainable development as an ideal of interaction of society and nature, it is more expedient to make an ecological-geographical examination of the territory (EGET), but not simply an ecological examination (EE)².

We note the following distinctions between the traditional concept of ecological examination (EE) and the offered ecological-geographical examination of the territory (EGET). An ecological examination is made for objects, projects, and technologies. An ecological-geographical examination is directed at the complete territory. EGET ascertains the degree of conformity of economic activities of man to the natural and resource potential. EE establishes the degree of conformity of innovations to normative requirements for preservation of the environment. The object of EGET is considerably wider: it is the whole territory within the borders of established levels of management. The EE examines territory within the borders of accommodation of objects and zones of their influence. EE selects data according to the approach adopted within specific branches of the industry, whereas EGET is made up from independent and absolute estimation of properties and peculiarities of the territory. EE criteria are the existing average specifications; EGET implies a preliminary study of the criteria reflecting the peculiarities of the territory and its individuality. Finally, EE is aimed at maintenance of such planning and management which would be accompanied by reduction of the influence of economic activities on the environment. EGET is aimed at the substantiation of planning and management, directed to preserving the ecological balance and sustainable development of the territory.

There are three basic levels of EGET: 1) the ecological-functional level (the analysis of the ecological and natural potential of the territory³); 2) the ecological-resource level (the study of the resource

² Ecological examination is an evaluation of the impact of economical innovations (realization of various projects, technologies, construction and reconstruction of the objects, etc.) on the environment, natural resources and the state of health of the population.

³ Ecological potential of the territory is the capability of the territory to cope with anthropogenic loading to maintain self-regulation.

opportunities of the territory, the established structure of land use/tenure and ecological consequences, and degrees of use of resource potential)⁴; 3) the forecast-optimization level (the conclusions and results obtained during the two previous stages are consolidated to develop a strategy for the ecological development of the territory (vulnerable landscape complexes are identified, a model of the ecological framework of the territory is built, and zones of priority use of resources are distinguished). [9]

Z.G. Mirzhanova represents EGET as the basis of ecologically sustainable development. She outlines the principles and features which allow it to carry out these functions. These principles are: systematic; integrated approach; independent. EGET results should carry out the functions of providing objective information for all users, and supporting regional integrity. They include the objective prevention of erroneous decisions, (EGET must precede the decision-making process and be its component); and the provision of objective information security. They should allow for interrelationship and augmentability with other information programs, and for public openness and publicity (EGET must be supported by geospatial data). [10, 124]

The EGET concept offered as a concrete definition of positions for the realization of a model of sustainable development, is directed to studying and creating conditions of rational management of nature at the regional level. Now it is being elaborated by Far Eastern ecologists in detail. But the concept is not supported by any legislative norms and economic parameters, which means, that both the EGET concept and the model of sustainable development have an idealistic character.

The ideas of V.V. Shamov on a category status and concrete definition of the concept «sustainable development» are interesting [16]. Human activity has acquired planetwide scope, and therefore, it is hardly possible to draw a precise frontier between the natural and the artificial. Shamov V.V. supposes that even in the case of glaciers of the Antarctic and the taiga jungles of Siberia we deal with natural-economic objects which have determined the dialectics of nature and society. The author calls any natural system affected by social activity a natural-economic system (NES). The EGET concept and the model of sustainable development are applied to them.

If we understand development as transition in two directions from the highest to the lowest, and

from simple to complex, the definition «sustainable development» includes dialectic contradiction between the moment of development (complication of the structure) and the moment of degradation. New qualities within the system lead the system to a higher step of complexity. This process has a natural-historical limit after which the development jumps to a supersystem level including the given system as an element. After that development of the actual system stops: it completely reaches the end of its life, realizes its own existential scale representing the sequence of its elements, e. g. forms of the organization [17, 122–129].

V.V. Shamov's ideas are very interesting from the point of view of «spatial expansion», namely: what conclusions can be drawn if we consider the whole biosphere to be a natural-economic system? Logically, at least, two conclusions are possible: 1) the noosphere, as a qualitatively new level of organization of existential connections of nature and society, is a natural-historical limit of the global NES development; 2) the biosphere stops its further development within the limits of the noosphere, "being preserved" within the limits of those forms, connections, and kinds which were inherent in it at the moment of the transition jump from biosphere to noosphere. The tendency of this artificial preservation is seen in some positions of the model of sustainable development. This tendency is expressed in its brightest form in the requirement of preservation of biological diversity.

No diligent study of the theory of evolution, ecology, or paleontology gives certain answers to the question, what role does the present level of biotic diversity play in the development of nature? History knows periods of millions of years when a few species of the "same" living organisms dominated the Earth. Hundreds of kinds of plants and animals became extinct without the intervention of mankind, even before human appearance, as a result of natural selection and other natural factors. Postulating the necessity of preserving available biological diversity, man takes on the role of arbitrator in natural processes. Does he have this right? Taking upon himself the care of preserving biological and biotic diversity on the Earth, man, from our point of view, unconsciously relates evolutionary processes in wildlife to the sphere of management of nature. We do not see any basis for such a broad interpretation of the sphere and opportunities of management of nature at the present time.

In his works V.V. Shamov offered a system criterion of determining the sustainable development of a system. The elements of the NES, their function

⁴ At this level the ecological situation is estimated as the general index reflecting the impact of man and his economic activity on the environment, and an analysis of the causes.

and development make IGS⁵, the invariant-genetic sequence of forms of its structure. This determines the constantly changing contents of particular-specific-scientific knowledge. «... specific systems described by the sequences of elements, which are not fully developed to their IGS (specified by observation over systems of the same class), can be considered as developing, e.g. as those showing signs of incomplete development. If it is possible to trace fluctuations on the super-system level, and the system has no time to develop completely on its own existential scale (IGS), it is necessary to speak about the insufficient development of a system and hence the signs of its degradation as a result of supercritical influence. The finiteness of IGS gives a basis for considering its capacity (quantity of the elements of system) as a measure of the inertia of this system or as its ... own mass... Depending on the choice of level of readout (on a spatio-temporal scale) the actual mass of the system will differ from its own mass. When a system experiences supercritical influence, its IGS is represented as «the resting mass» of the system, and its actual mass (condition status) will decrease proportionally to the strength of influence ...

If applied to the planetary human population in conditions of an aggravation of a global resource-ecological crisis – the human population crisis – strengthening of biological mechanisms to reduce the population should be expected. The interests of smaller societies in this situation are neglected, so their development (assuming, first of all, complication of the individual intelligence) will be unstable, clamped within the frameworks of overall population processes» [18, 182].

Describing these processes, V.V. Shamov neglects the fact, that biological mechanisms of population reduction within a society are resisted by developed systems of public health and social security services, especially in developed countries.

Scientists doubt that it is possible to transfer modern health service systems into the next century. Their doubts are connected with the changing ecological situation. I.V. Bestuzhev-Lada notes that «during the transition from traditional rural to a modern urban way of living there occurs a transition from natural selection (survival of the strongest individuals) to artificial: life is given at the discretion of parents and maintained by medical means, irrespective of the degree of viability of the given individual and with their potential to reproduce defective offspring» [6, 89]. There are factors, which accompany civilization and increase their effects with its

development. Such factors are the influence of alcohol, drugs, stress, and bad ecological situations on individuals. They also include the preservation of human life by principles of modern public health services. In the opinion of I.V. Bestuzhev-Lada, the threat to the human gene pool is obvious, «for the degradation can not continue indefinitely». [9, 89]

Development is constrained by the framework of population processes. This gives the resolution of the demographic problem the major status for maintenance of sustainable development and also strengthens the struggle between countries for possession of natural resources and their use. We witness the opposition of civilizations: not in the sense «East - West», or «agrarian - technological civilization», but in the sense of opposition between two levels within the limits of the one technogenic civilization, of the rich northern hemisphere and the poor southern.

The help which developed countries render to developing countries, is the most minimal, miserable and inadequate payment for the maintenance of their own high living standard at the expense of the utilization of the natural resources of developing countries.

Documents explaining the model of sustainable development stipulate the unequal degree of financial responsibility of the various countries for the realization of this model; these documents also indicate that special value is given to the needs of developing countries as the most ecologically vulnerable, but the same documents declare: providing credit does not promote sustainable development. Development should take place due to their own utilization of resources by efficient processing of such resources.

It is hardly necessary to explain, that the economies of developing countries are focused differently, on the export of natural resources extracted, in most cases, with maximal environmental contamination. In addition, developing countries face such problems as the elimination of famine, poverty, the shortage of water, and protection of forests, etc. The priority of improvement of life of the present generation does not allow financing programs directed to the creation of worthy living conditions for future generations. For developing countries such an orientation, in our opinion, is even unethical. N. Berdyaev's words are reasonable: «No future perfection can expiate all the tortures of previous generations. Such submission of all human fates to any messianic feast of that future generation which will manage to climb to the top of progress, revolts the religious-moral conscience of mankind ... the Future, from the point of view of the present is no more real than the past, and our creative work should be made not in the name of the future, but in the name

⁵ The term of V. V. Shamov.

of that eternal present in which the future and the past are uniform» [5, 147–152].

Realities of the present are unfavorable. In June, 1997 a special session of the General Assembly of the United Nations noted that the opportunities for realization of the sustainable development model for the five years since the time of its adoption (conference in Rio de Janeiro) had not increased, but decreased: the negative tendencies preventing the achievement of sustainable development have been revealed. These tendencies exist up to the present.

The globalization of the structure of manufacturing and consumption increased, and a "western" (read – American) way of living with all its negative consequences from the point of view of ecology and allocation of material benefits quickly spread around the globe.

Environmental problems were solved mainly at the cost of environmental contamination in developing countries as developed countries continued to develop the structure of surplus manufacturing and consumption. Social inequality has increased between and within such countries.

The food situation has changed. From 1989 the reduction of seafood has been noted. After a stable long period in agricultural production (1961–1994) the average crop per unit of arable land started to fall, despite increasing application of fertilizers. All this requires additional investments in agriculture to keep the manufacture of foodstuffs at a level outstripping the advancing growth of the population (by international estimation, an increase of 23 %). According to the data available, more than 15 % of people in developing countries suffer from undereating, while about 15 % of the population of developed countries suffer from overeating [3, 370]. Is it likely that the increase of cultural level of mankind, including the culture of eating will rouse people to redistribution of foodstuffs? Up to now no progress has been made. It is remarkable, that the amount of consumed resources in general increases more quickly, than the population of the Earth.

The volume of financial aid to developing countries from developed countries reduced from 0.34 % of GNP in 1992 to 0.27 % in 1997 (compared to the recommended 0.7 % of GNP of the developed countries).

Essential progress in the sphere of education and environmental protection requires financing of 2–3 % from GNP of all countries. Real financing of similar programs considerably lags behind the demand. In many developing countries production per capita continues to fall. Planned measures for the

transfer of progressive technologies and resolution of problems of foreign debts in developing countries for the period of 1992–1997 have not been taken.

Pollution and degradation of the environment continued to increase. Decisions of «Rio-92» stipulated a decrease of emissions of greenhouse gases by 2000 down to the level of 1990. In 1995 these measures were recognized as insufficient, and it was recommended to lower emission of greenhouse gases by 2000 by 15 % of the level of 1990. In practice, emissions continue to grow; many developed countries proposed to allow increased emissions (Portugal, Greece, Spain); developing countries in general refused to incur any obligations in this area despite the fact that by 2030 they will supposedly become the main atmosphere polluting agents (more than the USA, Europe, and Japan together). The practice of sale of quotas by some countries to others does not contribute to the resolution of this problem.

From 1992 to 1995 the world community has allocated \$400 million to preserving species diversity. It is 0.01 % of the growth of world production from the level of 1980 (!).

According to average calculations, realization of the model of sustainable development requires expenses at the level of 30–35 % of GNP of mankind. Considering that these expenses should fall mainly on developed countries, in the foreseeable future such a volume of expenses does not seem realistic.

Existing hopes for the autotrophy of mankind, for the restriction of consumption in developed countries, for a new "green revolution", for the restriction of the population growth, and substitution of traditional energy sources by new ones remain just dreams.

So what is the model of sustainable development? For us the answer is clear: it is a new public ideal developed by the collective consciousness of civilization.

From the analysis of the unity of semantic elements of a civilization, T.D. Karakeev notes: «Utopia is one of the diverse forms of comprehension of the tendencies of social development. It has arisen with the development of civilization as a reflection of its characteristic features and criticizes its essential drawbacks, showing more or less remote prospects. Utopia is an element of a human civilization» [7, 74].

Any public ideal is utopian in the sense that it can never be realized. The «Golden Age», «the city of God», «the empire of reason», «the brotherhood of freedom-equality», «the free development of everyone as a condition of free development of all», and «general prosperity» have remained ideals, that is theoretical designs. However, each of them in its

time played and continues to play a progressive role, setting a direction to the development of practical efforts and cognitive researches.

The public ideal, as a rule, is supported by certain class priorities, moral and aesthetic values. The ideal of the harmonious joint development of society and nature, the main thesis of sustainable development, has no class character. Therefore we consider the given ideal to be developed by civilization consciousness. «Under certain conditions the ideal becomes a form of self-consciousness ... It includes estimation of present events and the future from positions of the interests and preferences of the subject. Knowledge itself ideally should also undergo the evaluation of its positive importance for the strengthening of the subject» [15, 89].

Why do we consider ecological ideals developed within the frameworks of the concepts of noosphere, activity of a territory, and sustainable development to be a form of expression of consciousness of the civilization? Absence of a class system is not the only sign. We consider these ideals to be civilization self-consciousness, because all of them presuppose an infinite development of civilization and immortality of its subject.

As scientific data and everyday routine experience of people show, immortality should not and can hardly be a predicate of an individual or of mankind's life. Nevertheless mankind managed to overcome such natural barriers as natural selection. But this overcoming is, most likely, imaginary. Natural selection for homo sapiens has ceased to act on an individual level. The global ecological situation has shown, that man who has created a civilization with the given subject body and the given technological and spiritual ways of interaction between natural and social, has not entered the biosphere harmoniously. Natural selection of communities of living creatures at the level of biosphere, actually, supersedes technogenic civilization. On the contrary, civilization endangers the existence of life on the planet by its technogenic pressure upon the biosphere. The question is what will happen first: destruction of civilization or destruction of the biosphere? This question can be relegated by mankind to the category of children's sophisms about the hen and the egg. The existence of the biosphere depends upon the variant of the answer to the set question, but criticality of the situation is that nature does not put questions at all. It provides man with actual material.

From the analysis of the existing ecological situation we shall come to the following conclusions. Firstly, ecological crisis is not an abnormal phenomenon for the biosphere (during its existence it has

undergone several large-scale crises); secondly, no science dealing with the facts, will set the problem of achieving immortality for mankind. Moreover, no social ideal includes the idea of immortality of the person in its organic integrity. Religion and theology act with concepts of immortality of the soul. Natural sciences, medicine, and gerontology research problems of the prolongation of human life, and the improvement of state of health, but do not search for recipes of immortality. Even if the technogenic civilization is doomed in conditions of the terrestrial biosphere, there is nothing tragic in it from the point of view of objective laws of nature. In general, moral and aesthetic notions are unusual in nature.

The original paradox of technogenic civilization and its aspiration for immortality is that «the technical equivalent» of this aspiration has long been buried by the search to create a «perpetual motion machine» not only at a scientific level, but also at a cognitive level. But the modern technogenic civilization, based on mechanical interaction with nature, tries to build projects to maintain its own immortality.

The idea of immortality (unlimited development) in the consciousness of civilization has certain material bases in the sphere of the artificial. It is possible to give the artificial a character of illusory infinity (traffic along a closed curve). Some components of the natural human environment can be replaced by artificial components. Modern technologies, at the level of genetic engineering, can transform adaptive functions of man, or will be able to perform it in the near future.

But we proceed from the person who thinks and operates now, in his present spatial-temporal and corporal definiteness. This person can hardly be imagined in the depicted hypothetical future. Science fiction writers and some scientists claim unequivocally: it is impossible to imagine. A.P. Nazaretyan accompanies similar statements with reflections about the capability of man to consciously create the laws of his own life. «The fact that man remains «a biosocial creature», inevitably imposes limits on the objective opportunities and subjective motivation of intellectual activity ... the biological structures, which made both necessary and sufficient precondition, and the biogenic motives, which served the powerful factor of intellectual growth at certain stages, start to turn into a brake at a later stage. Experience of the constraint, «overloading» of physiology has been a source for numerous ascetic theories and actions for several millennia already (usually with strongly pronounced religious nuances).

Today such variants of the distant future in which there would be a place for man in his corporal

definiteness are hardly probable [11, 32].

A.P. Nazaretyan's ideal envisages two types of intelligence: albuminous and non-albuminous based, which will allow overcoming impulsiveness, emotionality, and the unbalanced state, etc. [12, 59] (That is how the Cartesian disposal of passions can be imagined!)

Nazaretyan A.P. also considers that only two ways of resolution of the contradiction between intelligence and its biological basis are possible: non-dialectic and dialectic denial, and degeneration or symbiosis of natural and artificial reason. If the second way will get far enough, it will be the revolutionary jump comparable to archebiosis [13].

According to A.P. Nazaretyan's positions about the prospects of future development of civilization and mankind, the ideal of sustainable development with its ecological values is surplus, as nature is silently removed from the considered concept of development of society or whatever it should turn into. Homo sapiens in his present kind, will probably be preserved in reserves, together with ducks and hares, but only if the new symbiotic intelligence will consider the idea of preserving biological diversity and the territorial form of wildlife management rational.

A.P. Nazaretyan constantly emphasizes, that «intelligence is moral within limit», but in the future predicted by him there should be a non-albuminous based morality, the morality of a perfect microprocessor technical equipment or absolute spirit. It will be terrible, inhuman morality, which will dumbfound the guilty, imperfect, emotional, and ordinary man in a spatial sense.

But we clearly understand, that from the point of view of the development of scientific knowledge and analysis of the modern social and economic situation the opportunity to create synthetic intelligence is more real, than construction of a society of sustainable development on a global scale. Nevertheless, the existing system of moral criteria is a guarantee that the reality of the model of sustainable development will increase, while it is human morality which does not allow science to experiment on the human body, although this can be performed, proceeding from the present level of knowledge in the field of genetics, genetic engineering, and psychology, etc.

We are attracted by the ideal of the harmonious interaction of society and nature, by a moral, aesthetic, sensual, and human ideal.

The modern situation on the planet testifies that mankind has chosen an incorrect direction of spiritual expansion. It is directed outside, but not inside, «deep into human». Science examines the surrounding natural world, corporal environments, the «ma-

terial bricks» of which the human is built. They are being researched more, than the truly human spiritual essence. The essence of anthropocentrism as a worldview of modern society in the Socratic sense of «Nosce te ipsum» («Know oneself»). Understanding the secrets of the Universe should be conducted not by the principle of putting man in the center of the Universe, but by the principle of «disclosure of the human essence as a key to understanding the secrets of the Universe».

The value skewedness in mutual relations between man and nature arose when man made an attempt to remove morals from the opposition between the world of nature and the world of people. The result is the modern global ecological situation. The fact that now science about morality has achieved the level of such disciplines as bioethics, ecological and environmental ethics, and the ethics of awe of life, is the direct confirmation that removal of moral standards from the opposition between the natural and the social was erroneous.

As one of the deepest bases of moral consciousness construction is considered erroneous, many of its positions and principles require a revision. Environmental ethics set a dilemma. This is the dilemma of application of existing ethical standards to mutual relations with the environment or full revision of the norms and principles of moral consciousness. It is good, as any dilemma, "by default" with its intermediate thesis. In conditions of survival it is necessary to specify, what ethical standards demand revision in the new conditions of society and natural development. «...expansion of ethics, which has so far been studied only by philosophers, actually represents one of the processes of ecological evolution ... Ethics in an ecological sense is a restriction of freedom of actions in the struggle for existence. Ethics in a philosophical sense are a distinction between public and antisocial behavior. They both are only two definitions of the same phenomena. This is derived from the tendency of interdependent individuals and groups to develop forms of cooperation» [8, 200].

We wrote about the impracticability of the model of sustainable development. One of the reasons we consider it impracticable is that the model of sustainable development has been elaborated with the support of existing ethical standards. They require essential revision because of the aggravation of the threat of ecological crisis.

One of the central concepts of moral culture, the concept of humanism, should be subjected to restoration. Cardinal revision is required, but not a specification of some positions of humanism. This is connected with

two problems: the quality of the gene pool of mankind and the global demographic situation.

Why does the population of the Earth increase on average? Population growth is not connected with the growth of birth rate in the sense of the number of children born by one woman. On the average this parameter decreases from century to century. The main reasons for the increase in the population of the Earth are: decrease in children's death rate; decrease in death rate as the result of infectious and other diseases; and increase in average life expectancy. The survival of defective homo sapiens individuals with their further unobstructed reproduction leads to decrease in the quality of the gene pool of mankind. Considering the fact that the majority of children are born in countries of the Third World where the living standards are extremely low, the quality of the gene pool will decrease (in the near future).

Specific proposals for the prevention of degradation of mankind and resolution of demographic problems come against moral barriers in their implementation, as a rule. Restarting the mechanisms of natural selection is a step both unacceptable and impracticable for a society. Searches for other ways out of this situation are conducted in two directions. First, this is the study of ways of birth rate reduction. In an ideal situation birth rate decrease is not necessarily connected with its restriction. A considerable increase of the material well-being and cultural level of the population is enough.

In Western European and Northern American families one or two children are born on the average; in African countries six and more are born. Even if we accept that by the 22nd century, the Afro-Asian region will probably achieve the living standards of Western European countries or the USA, this is impossible without resolving the problem of reducing the birth rate in the near future.

Prohibitive measures in the sphere of restriction of birth rate, as the experience of China shows, can be justified. Educational measures, economic privileges for the one child families, and involving women in social production are also valuable. But all these measures, while they solve one problem, provoke other social setbacks (involving women in social production aggravates problems of employment), or their realization requires a high level of social and economic development. This is necessary for introducing substantial economic privileges for the one child families.

As for the prohibition of reproduction of defective offspring, modern moral consciousness is horrified by the expression of this issue, considering it inhumane. However, what do the principles of hu-

manism propose, if not the free development of the person? What is a free, harmoniously developed person? Is it a person, whose material and spiritual needs are satisfied, except for the opportunity to have his own natural children; or is it a person who has brought into the world a human being without any chances to realize their potential as a person? Is it humane for parents to satisfy their needs in the care of physically defective children who undoubtedly suffer morally because of their disabilities?

In our opinion, these questions are rhetorical for any rationally thinking inhabitant of the Earth; for all others they are the subject of brisk, sometimes fierce, discussions which do not have any positive consequences for the resolution of the modern deepening ecological crisis. The notion «humane - inhumane» is inapplicable to the description of natural, ecological and physiological processes. There is causality, laws, and systematic features but there are no simply cultural and moral phenomena and processes. Culture and moral standards are characteristic concepts for human beings. A person is immersed in nature both individually, and as part of the «collective» body; the commitment is to transform moral and cultural concepts (among them political and legislative norms as elements of culture) according to the requirements of ecological safety.

Humanism as an ideological tendency in the history of culture recognizes the infinite potential of the human intellect as the base and condition for the free development of the person. In this sense humanism is rational, analytically verified and ideologically directed to the development of the person and society implied by the present time. This distinguishes humanism from spontaneous sentimental impulses.

As a complete phenomenon of human culture, humanism does depend on class ideology. This independence is its creative potential which has not yet been fully revealed. The ecological orientation focuses on the problem of the meaning of human life and death, and the problem of the natural and corporal basis of spiritual development. Culturologists, aesthetes, critics, psychologists, and psychiatrists must prove by scientific means that degradation of the natural and corporal basis of man inevitably leads to degradation of culture. At the imaginary-emotional level this connection is obvious. Degradation of the natural environment can not but be accompanied by degradation of the person, because the primary material basis of development and general existence of the person is the organism. Deterioration of the state of health affects mental reactions and, finally, is negatively reflected in the social characteristics of the person.

If the way to salvation of nature lies through the perfection of civilization, and if the ecologically comprehensible perfection of civilization is impossible without the moral perfection of the person, then the logical step for revealing the means of perfection of a person and of civilization is reference to those values, created by civilization, which promote moral progress of mankind: the values of family and private property.

Development of social space by the individual and socialization are impossible without understanding the meanings of property relationship, and without forming the sense of property ownership. The institution of inheriting property, among others, provides connection between generations. On the one hand, property can act as a means of individualization; belongings can emphasize one's uniqueness. On the other hand, property can depersonalize the person, to emasculate the inner world by aspiration to possess things which are fetishes or symbols of a certain way of living. Property sets the borders of human activity (to some extent). This is the basic contradiction of the property relationship: property relations set the attitude to the means of work, subject values, and nature; property mediates communication of the individual with other individuals and society; and property designates the locality of the person in the world, even determining his belonging to a concrete circle of people. This contradiction directly influences the prospects and the actual opportunities for resolution of essential environmental problems.

Let us return to the initial proposition... The model of sustainable development is focused on leaving the planet Earth to future generations in a condition suitable for worthwhile human life. This assumes the cooperation of countries and nations for the preservation of the environment. Does a collective proprietor of the environment exist? He does not exist. The international community considers countries to be the agents of carrying out natural protection and sustainable development policies. But a country does not own all the natural objects and especially processes. How is it possible to speak about ownership of the atmospheric air, precipitation, or river flow? How should we regard the planned sale of quotas for industrial emissions in the atmosphere by one country to another? From the point of view of morality and ecology the inadmissibility of similar transactions is clear, but how can we regulate or prevent such actions by legal means?

The concepts of SEES and EGET offered by Russian scientists will face similar conflicts. Within the borders of any territory there are multiple industrial

objects, and agricultural lands, belonging to various proprietors. Complex ecological evaluation of territory can be conducted without taking this into consideration. Nevertheless the so-called departmental dissociation of proprietors will necessarily affect the realization of measures for maintenance or recovery of the ecological well-being of the territory. One of the ways of overcoming the departmental approach to the solution of environmental problems is to introduce a parameter of environmental cleanliness into the system of economic parameters of manufacturing.

The realization of large-scale natural protection activity within the limits of international cooperation is complicated by the existing division of the world into «mine = belonging to me» and «another's = belonging to somebody else». This division exists not only in the individual, but also in public consciousness. Developed countries taking care of ecological cleanliness of manufacturing in their own territory, remove ecologically dangerous manufacturing enterprises to the territories of developing countries; caring for their own resources, they exhaust the natural resources of other countries. Developing countries, in the pursuit of doubtful momentary benefit, commit «ecological suicide».

We do not consider the problem of preservation of the environment in the territory of Russia separately. Everything about the developing or underdeveloped countries is valid in the Russian context. The ecological situation in Russia is aggravated by the circumstance, that the Russian Federation is the historical successor of the USSR, a world power, and is thus compelled to solve problems, caused by large-scale development of energy, transport, and chemicalization of the national economy; neutralization of huge quantity of industrial wastes; urbanization; and the liquidation of some kinds of weapons. Russia's riches in natural resources block the solution of environmental problems and create a temptation «to live in debt».

State ownership of natural resources reflects neither the social differentiation within the country, nor the level of its social and economic development. Therefore the appeal to the state as the agent of natural protection policy is abstract, as well as the declaration of the different financial responsibility of countries in the resolution of environmental problems. A. Pechchei notes that a sovereign state is not effective as the main functional unit of modern society in the solution of environmental problems [14, 81].

Can mankind be considered the proprietor of natural resources? It is problematic. In present conditions it is impossible. Mankind in the end is the

collective user, but not the proprietor of natural resources of the Earth.

Social movements contribute to environmental protection and educational awareness of ecological issues for the population, but these movements have no real economic and political levers of influence on the proprietors of natural and industrial enterprises, except for the governmental channels. (Public opinion in such cases is ineffective.) These social movements are important for us because they show the person as the carrier of ecological consciousness, and in the long term, as the possible agent of ecological policy. It has always been specific people, who: founded societies for the protection of animals and nature; carried out international conferences on the problems of the environment; organized natural reserves; and developed scientific theories and laws on management of wildlife. The head of any enterprise or country, and the author of a scientific theory or technology are not abstract subjects, but a real person having a family, a home, and certain habits and needs, «a living person».

There is an important social structure which gives a push to the development of all individual features and which is simultaneously the minimal economic unit of society. It is the family.

We have already written about the huge moral potential of the monogamous family. Through the family individuals reproduce the next generation, a significant function of the person. Medical successes in contraception have shaken this socio-natural function of the family. But the development of human pathologies and terrible new sexually transmitted diseases convinces mankind that family life is not only a moral requirement, but also a requirement of socialized human biology, of social hygiene.

The historical responsibility for the environment is a criterion of self-consciousness, the «maturity» of the civilization. Universal values and social ideals, such as a healthy way of living, love, friendship, beauty, family, comfort, and a high quality of life are impracticable if man does not live in harmony with nature. They are also impracticable without those welfares which are traditionally attributed to civilization: transport, energy, etc. The development of the achievements of civilization should be directed to the consolidation of the above values, and the named ideals. This direction of development implies no conflict with the natural environment and no degradation of the environment if the material needs of the society are reasonable and restricted.

Man is physically connected with the biosphere. The biosphere is an exclusively planetary area, which means that it is limited. Development within a limited

sphere can not be boundless. Mankind should stop and think. An animal once managed to stop and think, having interrupted an instinctive action. On the basis of the capability of thinking before acting intelligence has subsequently developed. Terrestrial civilization is in a similar position now. If we manage to stop the escalation of material needs, we will have enough time to conceive the variants for our further development, even in modern ecological conditions.

REFERENCES

1. Houghton, J. Global Warming. Salt Lake City / 1997. – P. 134.
2. Miller, G., Tyler, J. Living in the Environment. – Washington Publishing City, 1992. – P. 5.
3. Miller, G., Tyler, J. Living in the Environment. – P. 370.
4. Акофф, Р. Искусство решения проблем / Р. Акофф. – М., 1982.
5. Бердяев, Н. Смысл истории / Н. Бердяев. – М., 1980. – С. 147–152.
6. Бестужев-Лада, И.В. Прогнозное обоснование социальных нововведений / И.В. Бестужев-Лада. – М., 1993. – С. 89.
7. Каракеев, Т.Дж. Семантические аспекты диалектики социального развития: Цивилизация и ее отражение в общественном сознании / Т.Дж. Каракеев. – Фрунзе, 1978. – С. 74.
8. Леопольд, О. Календарь песчаного графства / О. Леопольд. – М., 1983. – С. 200.
9. Мирзеханова, З.Г. Эколого-географическая экспертиза территории: концепция, методология, значение / З.Г. Мирзеханова // Исследования водных и экологических проблем Приамурья. – Хабаровск, 1998. – С. 120–125; и др.
10. Мирзеханова, З.Г. Эколого-географическая экспертиза территории / З.Г. Мирзеханова. – Хабаровск, 1998. – С. 124.
11. Назаретян, А.П. Глобальные кризисы современности и универсальные перспективы интеллекта / А.П. Назаретян // Проблемы формирования стратегии природопользования. – Хабаровск, 1997. – С. 32.
12. Назаретян, А.П. Социальные технологии и социальная мораль: закон исторических корреляций / А.П. Назаретян // Проблемы формирования стратегии природопользования. – Хабаровск, 1997. – С. 59.
13. Назаретян, А.П. Человеческий интеллект в развивающейся Вселенной: Истоки, становление, перспективы : очерки междисциплинарной теории прогресса / А.П. Назаретян. – М., 1990.
14. Печчеи, А. Человеческие качества / А. Печчеи. – М., 1985. – С. 81.
15. Сморгунув, Л.В. Социальный идеал как форма самосознания / Л.В. Сморгунув // Самосознание в философии. – М., 2000. – С. 89.
16. Шапов, В.В. О вероятных перспективах человеческого интеллекта / В.В. Шапов // Происхождение разума на Земле : материалы междунаrodn. симпозиума. – Хабаровск, 1997. – С. 249–254; и др.
17. Шапов, В.В. Устойчивость и деградация природных систем / В.В. Шапов. – Хабаровск, 1994 – С. 122–129.
18. Шапов, В.В. Устойчивость ПХС и этика социоприродных отношений / В.В. Шапов // Исследования водных и экологических проблем Приамурья. – Хабаровск, 1998. – С. 182.

SOME STYLISTIC AND SEMANTIC FEATURES OF ORNAMENTAL ART OF THE KORYAK

*Y.O. Novik
I.V. Viter*

Novik Yulia Olegovna – Professor of the Faculty of Philosophy and Cultural Science of Kamchatka State University.

Viter Irinan Vasilievna – The Main Specialist of the Kamchatka Territorial Scientific Library.

The article considers stylistic and semantic features of traditional ornamentation of Koryak people, a paleoasian national minority of Kamchatka.

Key words: Koryak ornamental pattern, ornamental creative work, Koryak culture, national costume, arts traditions.

The traditional ornamental design of the Koryak has a special place in the system of decorative applied arts of the peoples of the Extreme North-East of Asia. It combines in an amazing way the features and characteristics of ornamental designs of several peoples. Its structure and image system had been formed under the influence of art traditions of the contiguous peoples that could be related (the Chukchee) or alien (the Tungus, Eskimo, Itelmen, Russians) to the Koryak as regards their languages and ethnic characteristics.

According to the classification of Russian art critic S.B. Ivanov, Koryak decorative design can be attributed to several types of Northern ornament and, first of all, to (1) the North Siberian ornament strips, squares, and triangles, and to (2) the North Asian ornament, that is composed of ovals and rosettes including ordinary or concentric circles, semicircles, and star-like patterns. Complicated ornaments composed of regular geometrical figures are characteristic of all the northeastern Paleo-Asians, and also of the Yukaghirs, Even, and Dolgans.

The presence of plant-design in the Koryak ornamentation draws it together with that of the Tungus (Nizhneamursky type) and Russian (East European type). The influence of Russian art traditions on the practice of skin processing in an artistic way by the Koryak was especially strong in the late 19th – early 20th century. It was time when Koryak women, trying to accommodate items produced by them to the aesthetic demands of Russian buyers, began to decorate skin products made for sale with ornaments including leaf-shaped details or those ones resembling branches with flowers and buds, and also with conventionalized figures of human beings and animals.

The unusual practice of combining zoo- and anthropomorphic images and geometrical patterns was a characteristic feature of the Koryak decorative

design that was not found in the decorative art of other peoples of the North. This fact allowed S.B. Ivanov to single out the Koryak ornaments as a particular group -ornaments of the Kamchatka type.

Thus, the Koryak ornamental design, its development, enrichment of content, and widening of the circle of subjects depicted in it has been predetermined not only by internal, but also by certain external reasons, such as long-lasting interethnic and intercultural connections between the Koryak and neighbouring peoples.

North Asian traits in the Koryak decorative design date back to the Neolithic Age when there were no clear distinctions between ancient races (ethnic groups). There was a common ancient basis for the Koryak culture and that of the Neolithic cultures of Chukotka, which had been formed on the basis of intracontinental traditions under the strong influence of traditions of the population of the Amur River area and Maritime territory. In 2000 — 1000 B. C, ancestors of the Koryak, Chukchee, Eskimo, and Yukaghirs were hunters and fishermen living in the tundra on the territory of the present Chukot Peninsula. They were also beginning to "try their hand" at making ceramic pots and ivory carvings. Petroglyphs from the Pegtymel River Valley that have come down to us, are evidence that ancient people used to decorate pots and presumably some other everyday utensils with horizontal strips.

There is a general agreement that the transformation of ornamental strips consisting of a number of details into separate decorative patterns, such as rosettes, rectangles, squares, and rhombi is connected with artistic comprehension of some new everyday items that people have got along with some new crafts, and weaving was the first among those.

"If a rectilinear ornamental strip is used for the decoration of round items, for example: covers of

round wicker boxes or woven mats, it forms a rosette. Where it is used on rectangular items, such as skin rugs, it forms a rectangular frame. The interior part of the frame is also filled with decorative patterns. These are small rosettes, horizontal strips, or checker-work." (Ivanov, S. B. *Decorative Design of Siberian Peoples as a Source of Historical Information*. Moscow, Leningrad, 1963, p. 240).

During the Neolithic Age, basic canonical rules of ornamenting of material objects according to the laws of the finite and indefinite symmetry were formed and fixed as stereotypes of thinking, labor and ritual actions. Finite patterns, such as rosettes, gave the feeling of something centric, static, and reserved. Potentially indefinite lines and strips of alternating simple geometrical figures helped to form the human ideas of mobility, inconstancy, discreteness, and absoluteness of movement. Thus, decorating their clothing with combination of strips and rosettes, people in the past, as well as in the present, created an artistic model of the surroundings, of things' properties and interactions.

The above semantic interpretation of the Neolithic decorative design obtained recognition among ethnographers in the 20th century only. A century earlier, opinions of researchers differed widely: some of them took for granted a statement of the Koryak and of some other peoples of the North that rosettes and chevrons made of different materials and sewed onto clothes were solar or lunar symbols; others, such as W.I. Jochelson, cast doubt on it. W.I. Jochelson said, "Some Koryak said that simple, double, and concentric circles represent the sun, the moon, or the stars. I was told on one occasion that zigzags represent mountains, on another, that they represent waves. Cross-like figures are supposed to represent flying birds; but I was told that as a general rule the ornament had no special significance. I obtained the information as to the zigzags only after insistent questioning, which may have stimulated the responses. The impression obtained by me was, that the people interrogated were considering their replies while being questioned. For that reason, I do not attach special importance to their information" (Jochelson, W. *The Koryak*. St. Petersburg, 1997, p. 164).

At present, ornaments of earlier origin can be seen on the Koryak funeral garments, ritual clothes (e.g. shamans' costumes), and also on items that are no longer used and have become museum pieces (e.g. quiver for arrows).

Presumably in the late Neolithic Age, mobile complexes of ethnic markers were beginning to develop in cultures of many northern peoples. Formation of specific features of all the ethnoses in gener-

al, and that of the Koryak in particular, had been accompanied by dividing of one or more groups into smaller subdivisions that was also characterized by decomposition of the Koryak language into dialects.

The goals and tasks of ethnic self-determination and identification have also affected general principles of the Koryak decorative design formation. In contrast to neighboring peoples, the Koryak asserted a specific principle of ornament construction – the symmetry of similarity of rosettes and chevrons as a marker of ethnic identity. This means that the Koryak compose their ornaments of "similar in shape but different in size figures of, for example, big and small triangles."

Except for general principles of skin items ornamentation, Koryak crafts-women know and use local artistic rules of decoration that allow us to tell by their clothing from what district of Kamchatka people have arrived.

The development of local forms of artistic culture and everyday life of the Koryak long before the Russians came to those territories were affected by specific geographical conditions: "sedentary Koryak, whose number was hardly more than 4.5 – 5 thousand people, inhabited the territory of huge extent of more than 3000 km. The level of development of productive forces of the Koryak by the mid-17th century did not allow them to maintain regular connections between separate territorial groups, and there was no economic necessity for that. Consequently, there had not been conditions for the consolidation of those groups, and, that is why ethnic processes on the boundaries of their territories with adjacent peoples were proceeding intensively" (Vdovin, I. S. *Essay on the Ethnic History of the Koryak*. Leningrad, 1973, p. 235).

One can outline the following local peculiarities of the Koryak ornamentation according to the districts of their residence:

The Karaghinsky District – elaborated skin mosaics on skin rugs; women's combinations suits; konnaitis; decorated kukhlyankas with the hair towards the body; upovans usually consisting of two or three parts sewn together; embroidered medallions on upovans; large numbers of tassels consisting of long bare skin strips.

The Olyutorsky District – wide strips embroidered with bright glass-beads on malakhais and torbasas; big glass-beaded rosettes; kukhlyankas are decorated with long pendants mainly consisting of strings of glass-beads; round caps made of rovduga and leather strips.

The Penzhinsky District – kukhlyankas with collars instead of traditional hoods; fine elaborated

skin mosaics on upovans and collars of kukhlyankas made with the hair outwards; curvilinear design on metal items.

The Tighilsky District – long torbasas decorated with a simple vertical geometrical design; malakhais having large lapels trimmed with long fur; horn-like and "crow's-feet" designs on malakhais.

During their entire history, the separate groups of the Koryak were in contact with each other and had various relationships with each other and with the peoples contiguous to them.

By the late 17th century, that is just before the Russian's arrival, the Koryak had split into two branches: Reindeer Koryak and Maritime Koryak who were fishermen and sea-mammals hunters. Owing to different economic types of those two groups, different items had been produced for commodity exchange. Two ways of exchange existed: a direct and indirect one that was conducted through mediators. By means of direct exchange, a Reindeer Koryak received products of sea-mammals hunting, while a Maritime Koryak got products of reindeer breeders. Among the commodities used as objects for indirect exchange, except for traditional ones there also were additional goods imported by Russian traders, such as metal, threads, glass-beads, utensils.

In the 18th century, in Kamchatka it was possible to buy goods not only of Russian make, but also goods produced in Europe, Bukhara, etc. S.P. Krasheninnikov said, "Colored cloths, ...canvas, ...silk and cotton shawls, ... different small things made of silver and some braid, and also mirrors, combs, ... and glass-beads were imported from Europe. From China, ...ribbons, silks, Chinese tobacco, needles, that are considered better than Russian ones, and some other small items." (Krasheninnikov, S.P. Description of the Land Kamchatka. Moscow, Leningrad, 1949, p. 262).

The introduction of new, unconventional materials sufficiently influenced the technology of producing of decorated skin items by the Koryak. Before the Russians came, the Koryak used to sew together fur and leather parts of clothing, headdresses, and footwear with threads of sinew; and for ornamentation, except for skin mosaic, hair from the reindeer chin was used. Owing to specific physical properties of the above materials that had been well known to the Koryak women, they were separately used for sewing and embroidery. Sinew threads cannot be practically damaged by water; when wet, they swell and don't let the water penetrate inside through holes left by a needle. Being fragile but white and glossy, reindeer hair is well seen on a yellowish –

red back-ground made of dyed rovduga and, that is why, having been laid on a skin strip and fixed with a sinew thread, it has been used for decorating clothes.

Fur clothing produced by Koryak women was much in demand of the Itelmen and Chukchee that took part in the intertribal commodity exchange at traditionally held fairs. "In Ukiy country", said I. Voznesensky in 1846, "the Koryak hunt lots of snow sheep, make "kukhlyankas" of their skins and sell them to the Kamchadals at 15 roubles each." (Vdovin, I.S. Essay on the Ethnic History of the Koryak. Leningrad, 1973, p. 27). Holiday coats were the most valuable and expensive ones. Researchers in the 20th century called a holiday coat a "gagaglyya" and described it as a coat that was made of animal skin with the fur on the inside, and in comparison to everyday clothes, they were more decorated with pendants of different kind, tassels, and upovan.

The earliest description of a coat with upovan one can find in the works by Krasheninnikov, Steller, Gorlanov. "Podzory" (upovans), according to Krasheninnikov, were decorated with geometrical patterns, mostly checker-work, consisted of alternating squares of different colors that were bordered with white jagged strips sewed on black skin. Except for ornamentation on upovans, kukhlyankas were decorated with tassels consisting of long narrow leather or suede strips. Scholars of the 18th century noted that the "best" clothes were decorated in the above way, but, at the same time, describing holidays of natives they said nothing about clothing, which meant either there was no special clothing for holidays or it did not differ much from the "best" one.

From the diaries of Russian travelers of the early 19th century it follows that some Koryak settlements had had a reputation among Russians as centers specializing in producing nice traditional clothes of good quality. Residents of the northeastern coast of Kamchatka, the so-called olyutortsy, supplied the home market with the following commodities: "walrus tusks, fox and reindeer skins, and clothes made of skins" and decorated with special olyutorsky designs. In diaries of I. Voznesensky it can be found that he "ordered someone named Voroshilov to bring him some upovans ornamented with checker-work from olyutorsky settlements (Kichiga, Vyvenka, Tilichiki, Vetveiskoye, Kultushnoye, Alyutorskoye – note of the author)." (Vdovin, I. S. Essay on the Ethnic History of the Koryak. Leningrad, 1973, p. 58.).

The Koryak produced kukhlyankas with "long tail" (tail-like flap at the back), as S.P. Krasheninni-

kov called them. Those were funeral coats, that had been decorated according to a special ornamentation system. Researchers of the 20th century, V. Bogoraz and W. Jochelson, described such coats more than once in their notes. "Tailed" kukhlyankas could be still found in settlements of Kamchatka natives in the 20th centuries.

Funeral garments were decorated with "slit-embroidery" made with hair from reindeer chin, overlaid seams, sewed in strips, and skin mosaics. This technique of skin ornamentation can roughly be called embroidery. Similar "slit-embroidery", but made with white skin strips and sinew-threads has been described in detail by W. Jochelson. "This method is applied particularly for making designs consisting of narrow white lines on a black background; the black is the thick black skin, and the white being produced by means of the prepared thin white skin of the dog's throat and sinew-thread. A series of narrow slits are made in the black skin which is to be decorated. A strip of white dog-skin of the same width as the slit is laid under the line of slits, and a small loop of this skin is pushed from underneath up through the slits, where it is caught by a sinew thread which lies on the surface of the skin, and is passed through the loops, which are then drawn tight" (Jochelson, W. *The Jesup North Pacific Expedition*. New-York, 1908, chapter XI).

In the 20th century, "slit-embroidery" made with reindeer chin hair could be found on rugs much more rarely than in the preceding centuries. Ornamentation consisted of decorative patterns including a series of arcs of different types. In the 1990s, the same design but made of skin mosaic was applied on an adolescent's coat by M.I. Pritchina. In the 80s and 90s of the 20th century, craftswomen: U.M. Gutorova, A.I. Popova, and A.N. Tynetvagal, living in Karaginsky District in Kamchatka used "slit-embroidery" for ornamentation of skin products.

Imported manufactured cotton and silk threads were more flexible and durable than hair from the reindeer chin that was traditionally used by the Koryak for ornamentation. However, it should be recognized that it took some time to change the natives' stereotyped ideas in regard to materials applied for ornamentation of their clothing and other everyday items. Being overlaid with manufactured threads, most part of the seams made on rovduga resembled those overlaid with sinew or hair. Bright cotton embroidery threads seemed especially eye-catching on the light-colored background and, that is why, being passed through the loops of light-colored skin strips, they were used for ornamentation.

From the Russians the Koryak adopted techniques of making many traditional Russian stitches. They possessed the skill of making stitches which were especially good for making designs on rovduga. One of such embroidery techniques was satin-stitch embroidery. The so-called "Koryak satin-stitch" presents cross-like stitches made very close to each other. This technique is identical, with little exception, to that of the Russian hand-made stitches called "kozlik." Using this technique, the Koryak needleworkers make designs consisting of strips of contrasting colors and serving as a borders separating upovan from the lower border of a coat. It was also typical of the Koryak to border the patterns consisting of geometrical figures and plant-designs with the strips embroidered with multicolored threads. Every decorative design presents its own specific succession of strips, rhythmic grouping of decorative patterns, and a system of ornaments arrangement on garments.

Unfortunately, the existing information on the Koryak embroidery is not sufficient to trace the change in the technique and technology of ornamentation with manufactured threads of the items made of flexible materials. Some fragmentary data on the methods of clothes ornamentation with threads in the late 19th – early 20th centuries can be found in the monograph by S.B. Ivanov. "The Chukchee, Eskimo, Koryak, and Itelmen embroider rovduga with manufactured threads. Some stitches of such embroidery imitate seams overlaid with hair... a colored thread is not passed through skin, it is passed just through the upper layer of skin. On Koryak upovans, satin stitch consists of very long stitches that can be as long as 5 cm... As an exception, embroidery with threads of different colors can be found on the fur-side of the skin." (Ivanov, S.B. *Decorative Design of Siberian Peoples as a Source of Historical Information*. Moscow, Leningrad, 1963, p. 203).

It must be added to the above that modern Koryak designs embroidered on rovduga with cotton threads became smaller in size, with the stitches becoming shorter. Thus, at the end of the 20th century stitches in the ornaments by Karaginsky women-needleworkers were not longer than 1 cm. As an illustration we can refer to works of L. Chechulina, U.M. Gutorova, and A.I. Popova.

Historically, ornamentation can be considered as evidence of great importance of that being principally traditional, the Koryak culture was undergoing serious changes resulting from the combination of influences. It was the cultural influence of the contiguous kindred northern peoples and that of the large Russian ethnos. The mechanism of adaptation of

new artistic experience to old national traditions was functioning on the principle of supplementing. The practice of mixing new and old traditions as in, for example, using different materials and applying different ornamentation methods and techniques on one and the same product has been and still is in extensive use. In a number of cases, this practice has proved itself, but at times it results in losing a sense of proportion by craftswomen, in eclecticism and poor taste.

At present, when decorating their everyday or holiday clothes, the Koryak observe the following rules: upovans are embroidered with colored threads; the front and back parts are adorned with glass-bead rosettes, strings of beads and glass-beads, and leather strips. Sewed on strips made of leather or, sometimes, of cotton or woolen cloth of contrasting colors serve as borders for some parts of clothes, such as sleeves or flaps hanging down over the chest. Along with these strips, jagged strips serving as borders are often found in decorative patterns.

The tendency of the Koryak to decorate skin clothing with round patterns is a decisive one for their ethnic-artistic tradition. Earlier, round rosettes were made of fur and leather only. They played the part of "personal protectors" of wearers of the clothes. V. Bogoraz said that leather circles with tassels placed in the center were considered the most effective amulets-protectors among the Chukchee, and Koryak living on the coast of the Pacific Ocean, and Asiatic Eskimo. They were sewed on shoulders, chest, or on the parts of *kukhlyanka* that were opposite the hurting parts of the body. In the center of a leather circle there was a rough outline of a protector. With time, circles-amulets were modified: an out-line of a protector in the center had entirely disappeared, the interior part had been filled with glass-bead embroidery, and tassels had been moved to a circle edge.

The appearance of glass-beads in Kamchatka is associated with the arrival of the first detachments of Russian Cossacks in the late 18th century, but it found widespread application as a material for making embroideries only in the 19th, and especially in the 20th centuries. Curiously, glass-beads were brought to Russia in the 18th century among the goods from Venice and Bohemia.

Ethnographers noted that initially the Koryak used glass-beads for making headbands, bracelets, ear decorations, pendants for clothing adornment, and belts. Being part of the specific Paleo-Asiatic mythological-poetic system, all those decorations were symbolically meaningful. For example, the Chukchee considered a bead to be a symbol of a

drum, and a leather strip — a symbol of a ghost-protector. A leather bracelet with a bead tied to its end was intended to protect its wearer from evil spirits (Bogoraz, V. *Essay on the History of the Reindeer Chukchee*. St. Petersburg, 1901, p. 16.) Taking into consideration the fact that the Koryak and the Chukchee had been genetically related, had long-lasting interethnic connections, and their histories having much in common, it might be assumed that the above semantic interpretation of bead strings had been known to the Koryak, too.

The names of round rosettes: the moon or a heavenly body, had an even more profound meaning of a cosmological character. "Shapes of the patterns under consideration, and also names and semantics corresponding with these shapes indicate convincingly that we are dealing with ...solar and, sometimes, lunar symbols. It seems likely that the solar interpretation of such designs is the most ancient and presumably the original one" (Ivanov, S.B. *Decorative Design of Siberian Peoples as a Source of Historical Information*. Moscow, Leningrad, 1963, p. 218).

With the introduction of glass-beads, traditional decorative patterns of leather and fur rosettes (double, wheel-shaped, star-like, or radial circles) were made of new materials. Widespread usage of circular patterns by the Koryak can be credited to the influence of the Eastern Tungus that infiltrated into the Koryak territory and developed connections with them first in the 15th-16th centuries. Horizontally arranged strip patterns consisting of circles connected with arcs that later had been transformed into round loops were characteristic of the Even ornamentation. Both circles and loops were parts of the solid embroidery with glass-beads.

At present, the size of Koryak glass-beaded rosettes vary from 1 to 6 cm and, as a rule, the biggest rosette is placed in the center on the chest of a coat. Smaller circles are traditionally placed to the right and to the left of the central one. Currently, the Koryak craftswomen are experimenting when making designs with glass beads. Figures of new shapes appear in their ornaments on clothing made of *rovdu-ga*: these are V-shaped, cross-like with arcs at the ends, horn-like, in the shape of the Russian letter "Ж", and tongue-shaped figures.

In some areas where the Koryak are in direct contact with the Chukchee and the Even as, for example, in the Olyutorsky District, influences of other cultures and borrowings from other peoples are evident in the ornamentation of the clothes on the whole, and also in some details and patterns. In the 18th – 19th centuries clothes made by the Koryak living in Olyutorsky District were famous for their

abundant geometrical skin mosaic, but nowadays they decorate torbasas, malakhais, and kukhlyankas with bright wide beaded strips consisting of circular patterns. Under the influence of the Even, round caps, bonnetlike malakhais (made without traditional angular projections at the sides), gloves, kukhlyankas made without hoods, long skin strips, and patch pockets have come into use among the Koryak.

It is possible to draw a parallel between the Chukchee and Koryak traditions in clothes ornamentation when finding typically Chukchee details in garments produced by the Koryak: kukhlyankas with round-shaped lower borders but without upovans; rosettes trimmed with fur; embroidered cross-like figures ending with arcs.

It is known that in rare cases the Koryak, like many other minority peoples, when decorating clothing, supplemented embroideries and appliques with human and animal ornaments. For a long time, the artistic skills of the Koryak have been formed within the boundaries of graphic arts based on lines, contours, and color contrasts. From the Neolithic Age a series of iconographic, color and composition canons of graphic arts of the northeastern Paleo-Asians have come down to us. Among those canons were: conventionality and sketchiness of design, lineal arrangement of figures in a plane, unimaginitive plot, and absence of perspective.

W.I. Jochelson in his monograph "The Koryak" said that "Koryak pencil drawings reveal keenness of observation and ability to depict on flat and rounded surfaces everything that they saw around them, but with the same errors in composition and absence of perspective that we find in sculpture and carvings made by men and decorative designs made by women" (Jochelson, W. The Koryak. St. Petersburg, 1997, p. 179).

Similarly to the graphic of the Neolithic Age, human and animal outlines in embroidered ornaments are imperfect since the patterns are designed to represent not a single object but actions, motions, and functional peculiarities of certain objects. In Koryak skin rugs scenes of everyday life, such as: Koryak herdsmen pasturing reindeer, transportation of sledges, people dancing near their dwellings, hunting with hounds, etc., are represented in embroideries made with glass-beads and cotton threads. Koryak graphic compositions comprising a number of figures are made so that one can "read" a story about a succession of events.

The influence of traditions of Russian graphic design has modified general stylistic characteristics of ornamental art of the Koryak: they adopted from Russians a wider choice of colors and techniques of

ornamentation. In particular, as a consequence of infiltrating of new aesthetic rules and tastes, principle methods of skin processing and decorating used by Koryak women have changed.

Before the arrival of the Russians, the properties of the material, its texture and natural color were the factors determining shape and color selection of a skin product. Garments ornamented with skin mosaic were considered best. When sewing together patterns cut from skin of white, dark, or mottled color, a woman had to be able to create attractive color combinations. Thus, the graphic-ornamental system of skin products of the Koryak is connected with their constructional-tectonic features, and more than that, with technical-technological level of development of culture on the whole.

The introduction of Russian ornamental art to the Koryak resulted not only in enriching of the content of the traditional ornamentation of the Koryak, but also in that some methods of skin processing have been changed. Art critics and ethnographers of the mid-20th century paid attention to the fact that some Koryak craftswomen began to trim the fur-side of the reindeer skin when making plant-ornaments in skin rugs. In such a way they were modeling three-dimensional images of flowers and leaves in interior parts of decorative patterns (Kocheshkov, N. V. Ethnic Traditions in Ornamental Art of the Peoples of the Extreme North-East of the USSR). Decorative details began to influence the constructional peculiarities and utilitarian functions of items, which provides an explanation to the fact that women preserving traditions of producing and decorating of skin clothing primarily perceived ornamentation as adornment. Esthetic principles were of primary importance for the ornamental art of the Koryak in the 20th century.

SUMMARY

1. Decorative art of the Koryak is a highly developed one. Ornamentation of skin products is an integral part of the national decorative-applied arts and of everyday life of people. It is tightly connected with domestic industries, and with skin processing and making woven items in particular.

2. Technological principles had remained unchanged for hundreds of thousands of years because there existed a stable traditional life-support system of the ethnos, which was based on the external methods of management of economy – hunting, fishing, and reindeer breeding.

3. The ornamental culture of the Koryak dates back to the Neolithic Age, being inherited and passed on from one generation to another without

being written down. It is functioning as an important part of the mechanism of ethnical consolidation and differentiation.

4. During the entire history of the Koryak culture, the tendency toward intra- and interethnic differentiation was expressed more distinctly than the demand for ethnic consolidation and differentiation.

5. Separate Koryak groups maintained connections of different character with contiguous peoples, having adopted their artistic traditions as their own. The Koryak modified the borrowed details in a creative way, in accordance with aesthetic standards of their own culture. The following parallels can be traced in the modern Koryak decorative design: Koryak-Tungus, Koryak-Chukchee, Koryak-Itelmen, and Koryak-Russian ones.

6. The content of ornamentation, selection of colors, and properties of materials used for ornamentation turned out to be the most historically changeable.

7. The Koryak ornamentation of the products made of skin is of technical origin, but nowadays it is gradually losing its connection with the technique of skin processing and obtaining an exclusive decor-

ative importance.

REFERENCES

1. Богораз, В. Очерк материального быта оленных чукчей, составленный на основании коллекций Н.Л. Гондатти : сб. музея по антропологии и этнографии Императорской академии наук / В. Богораз. – СПб., 1901.
2. Вдовин, И.С. Очерки этнической истории коряков / И.С. Вдовин. – Л., 1973.
3. Иванов, С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX вв. / С.В. Иванов. – М., 1954.
4. Иванов, С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX вв.) / С.В. Иванов. – М., 1963.
5. Иохельсон, В.И. Коряки / В.И. Иохельсон. – СПб., 1997.
6. Косвен, М.О. Из истории этнографии коряков в ХУШ в. : Сибирский этнографический сборник / М.О. Косвен. – М., 1962. (вып. IV).
7. Кочешков, Н.В. Этнические традиции в декоративном искусстве народов Крайнего Северо-Востока СССР / Н.В. Кочешков. – Л., 1989.
8. Крашенинников, С.П. Описание земли Камчатки: В 2 т. / С.П. Крашенинников. – СПб., 1994.
9. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. – М., 1952.

THE USA, RUSSIA AND CHINA IN THE PROJECTION OF TERRITORIAL BEHAVIOUR THEORY

A.Y. Zavalishin

Zavalishin Andrey Yurievich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Faculty of Socio-humanitarian Sciences of Khabarovsk State Academy of Economy and Law.

The article contains the main provisions of the Territorial Behavior Theory developed within the paradigm frameworks of regional sociology. The author carries out a comparative analysis of territorial behavior of the populations of the USA, Russia and the People's Republic of China from the 1850s and the end of the 20th century. The author reveals basic trends of dynamics of territorial behavior patterns of the societies, and on this basis he offers a forecast concerning the prospects of social and economic development of these three states in the 21st century.

Key words: Territorial behavior, the theory of territorial behavior, comparative analysis of social-economic behavior, sociology of region.

Scientists use macro-socially and macro-economically oriented approaches in their economic-sociological analysis of regions and states. These approaches can be analyzed statistically and allow the formulation of consistent conclusions about current condition and possible dynamics of the regions and countries in the future. In most cases the use of such approaches is justified by the scientific purposes, and by the absence of theory and methods of research which would avoid simplified analysis. The need for results, leading to relevant conclusions about the object under study is understood implicitly, which induces the researchers to search out and develop new methodologies, theories and methods of economic-sociological analysis.

One of these new approaches arose at the beginning of the new century (2000–2005). This new approach is exemplified by the theory of territorial behavior of a social subject [7; 20]. The basic idea of the theory is that the social actions of people, which compose their behavior, occur within a certain territory (settlement, region, or country) and are substantially mediated by it. At the same time, not all social actions are determined by the territory. The actions determined by the territory include consideration of the territory as: a) an economic resource (each concrete territory has social and economic patterns determined by its specific features (agrarian, industrial, extractive); b) a place of movement (the territory, on the one hand, is the material basis for movement, and on the other hand influences the choice of migration or settled life by virtue of the socio-economic, political, ethno-cultural variability of its components: settlements, regions, and countries); c) socio-cultural values which induce different categories of population to restrict the scope of their economic interests by the borders of a settlement, or administrative region or, on the contrary, to extend them to the whole country or the whole world. As

the research shows, each settlement, region, and state, as well as being a global macro-region has specific systems of territorial activity. These systems are sustainable in space and time and are reproduced in territorial behavior patterns of their population through the generations.

Territorial behavior is not internally homogeneous. It is possible to distinguish two levels: basal and dynamic. The first is based on the full spectrum of characteristics of the given territory, their reflection in public and individual consciousness, and in the socio-psychological features of mentality of representatives of the social-territorial community (settlement, regional, nation, or state); the second is connected with the macroeconomic processes developing within this community. The basal level is rather stable and specific for each locality and its community. It changes only during a rather long time period or due to force-majeure circumstances (for example, in connection with a change of geopolitical position in the territory after relocation of frontiers; the disclosure or exhaustion of natural resources; global change of climate which has caused desertification or, alternatively, flooding, etc.). The dynamic level evolves according to general economic laws and can be described, for example, with the help of the long waves theory of N.D. Kondratyev [9], and others¹.

Previously we analyzed *territorial social and economic behavior* (further TSEB) of the population of Russia/USSR/Russian Federation regions from the 1850s to the end of the 20th century [20]. The results obtained have shown significant heuristic potential of the territorial behavior theory. Extrapolation of this theory and its methods of economic-sociological analysis to the territory and population

¹ J. Friedmann's theory of stages of economic development, J. Gibbs' phases of evolution of population settlement, C. Freeman's techno-economic paradigms [27; 28; 29]

of the countries is also of scientific and practical interest. The territorial behavior of the societies of Russia, USA and continental China draws special attention. These countries are known as global actors which determine both the immediate and long-term future of mankind. We have made a comparative analysis of the two TSEB levels of the population of these three countries and made appropriate conclusions.

The territories of the USA, Russia and China have both distinctive and common features. Firstly, they cover significant territory. Among other countries of the world only Canada and Australia territorially correspond to them. Secondly, they have a large variety of landforms, and cover several climatic zones, which determine economic patterns. The latter differ in factors of production and industrial specialization, as well as in economic efficiency. This has substantially predetermined the existence of advanced (core, semi-peripheral) and extremely backward (peripheral) regions within their social and economic spheres. In Russia, this corresponds to the advanced western and more backward eastern regions, and relatively advanced southern and extremely backward northern regions («The Russian cross» [20, p. 139-149]). In China there are industrially-agrarian densely populated eastern, and backward western provinces. In the USA, the western (Pacific) states are more technologically «advanced» and economically developed and the old-industrial eastern (Atlantic) states are relatively backward. Thirdly, high provision of resources creates advantages for dynamic independent economic development.

Russia, even following the disintegration of the USSR which was accompanied by the loss of 5.33 million sq. km of territory (about 30%), remained the only self-sufficient country of the world (in terms of provision of resources), occupying 10% of the Earth's territory with 2.4 % of the world's population. Within its borders are concentrated more than 21 % of the world's natural resources, including 45 % of natural gas, 13% of oil, and 23 % of coal. The area of 0.9 hectares of arable lands per inhabitant of the country is 30 % more than in the USA, and 2.25 times more than in continental China [18, p. 12–13]. This factor, in combination with the significant extent of territory, has formed the feature of the basal level of TSEB of Russians known as *extensiveness* (inefficient use of resources)

The USA is second to Russia in the volume of world reserves of natural resources, but, nevertheless, is also characterized by riches in the soil, mineral, water and vegetative resources which promoted

their fast social and economic growth in the 19th and 20th centuries. Energy resources are especially great (4/5 are stone and brown coal deposits). Rich oil fields and natural gas fields have been maintained since the middle of the 19th century. The USA also has large deposits of copper and zinc ores. Deposits of lead are comparable to those of the world leaders (Australia and Canada). In many areas of the Cordilleras there are precious metal deposits (gold, silver, and platinoids), and in the west there are deposits of uranium. The country is rich in nonmetallic resources: phosphates, sulfur and others. On the whole, the United States has the majority of resources necessary for the development of industry. Only a limited amount of minerals such as graphite, manganese, bauxites, cobalt, chromites nickel, tin, potash salts, zinc and silver are imported from abroad (because domestic resources are small, absent or of poor quality).

China is also one of the countries of the world which is rich in natural resources. It occupies first place in the world for deposits of tungsten, antimony, titan, tin, zinc, rare-earth elements, manganese and borates; second place for deposits of molybdenum, mercury, bauxites and apatite, and third place for stocks of coal and iron ores [12, p. 56]. Having various domestic resources allowed the USSR and People's Republic of China to exist in conditions of political and economic self-isolation for several decades in the 20th century, and gave a powerful impulse to the development of the US economy in the 19th–20th centuries.

The territorial peculiarities of the countries under analysis cause distinctions in the basal level TSEB of their populations. Firstly, this is visible in the different geo-political and geo-economic situations. Russia, for example, was initially formed as an Eastern European state, peripheral in position to the leading countries of Western Europe. This position substantially predetermined *peripherality* in the Russian mentality. From the 16th to the 19th century Russia expanded to the south and the east. This essentially changed the geo-political position of the state, and transformed it into a Eurasian power, a unique civilization «bridge» connecting the West and the East. However, this change only insignificantly affected the feeling of peripherality, as Russian citizens and especially ethnic Russians still identified themselves with Europe, instead of Asia. This also caused the social-psychological and economic phenomenon of *extensiveness*, mentioned above. The idea of the «boundlessness» of Russia and the «countlessness» of its riches multiplied by the low population density resulted in the occurrence of na-

tional features directly shown in basal forms TSEB. These features are the inclination towards migration; inefficient use of resources orientation of economic activity; preference for local and inter-regional rather than international economic contacts. At the same time, these are the difficulties of everyday life caused by natural-climatic features of Russia, its heterogeneous ethno-confessional structure, and the permanent necessity to defend its national and political independence. All these, multiplied by the Asian component of the Russian mentality, caused such basal features TSEB of Russians, as *persistence* in overcoming the «challenges» of the natural environment and the administrative-political bureaucracy, *protectionist* expectations from the state, and *tolerance* of non Russian, and non orthodox socio-cultural and social and economic practices of the other nationalities.

China, which arose in the extreme east of the populated universe and was spatially isolated from the centers of western civilization (Ancient Egypt, the Near East, and the Greco-Roman antiquity), unlike Russia, initially positioned itself as the Middle Kingdom or the Celestial Empire. The mentality of its peoples was distinguished by *ethnocentrism* and *self-sufficiency*. The psychological stability of these basal features turned out to be so great, that it has not been weakened by the centuries of domination by Chzurchzens, Mongols and Manchurians in the Middle Ages; by the socio-cultural influence of English and Russian missionaries, and by Japanese imperialists in modern times. In the beginning of the 21st century these features are shown vividly enough. On the other hand, spatial and socio-cultural isolation promoted formation of a specific way of production in China. K. Marx named it “the Asian way of production” in his time. In combination with a high population density and relative limitation of fertile soils, this has resulted in the formation of such basal features TSEB of the Chinese people, as *diligence* linked to labor fanaticism, and *communality* (= *identitariality*, which means that the individual only has identity as part of a group, in the Maoist period of modern history; or *collectivism* in the USSR). At the same time, as the general lack of arable lands in China, there were many steppe and semi-desert areas which combined with a surplus of workers and general technological backwardness caused the inefficient use of the resources *extensiveness*, which makes the Chinese closer to the Russians. As a modern researcher notes, “the traditional extensive way of production based on primitive cheap engineering, was the way of survival in overpopulated China. The consequence of that is mass

plunder of water, ground, power, mineral and timber resources, soil erosion, desertification and a deepening comprehensive ecological crisis” [16, p. 175].

11 All these features failed to promote the prosperity of the population and the country as a whole, mainly, because of the “*introversion*” of the Chinese civilization i.e. its being directed “inward”, suggesting no expansionist aspirations, versus the spiritual messianism of the Slavs or political-economical messianism of the Americans. The modern Russian scientist V. Malyavin in his work devoted to culturological analysis of the Chinese Civilization explains this phenomenon by *nepotism*, traditionally characteristic of the Chinese worldview. «China in the modern world is not simply a geographic reality, but is primarily a symbolical “space of heart”, keeping a vastly rich web of cultural norms, traditional ideals, and historical associations» [15, p. 612-613].

12 Nevertheless, in the second half of the 20th century and especially during its last two decades, one more unexpected feature was showed in the Chinese mentality to surprise many foreign analysts; *a readiness for innovations* and, in general, to accept different socio-cultural practices. The famous Russian sinologist M. Titarenko called it an ability to “digest the alien” [22, p. 53]. This ability has shown up in different spheres of Chinese society, but it is most obvious in the political and social-economic spheres. The internalization of Marxist ideas in their Maoist interpretations and the integration of a market and socialist economy, gives the “ability to absorb an enormous mass of foreign investments in the form of foreign engineering, equipment, technologies, and scientific knowledge etc.” [17, p. 84]. However, in our opinion, this feature of Chinese society is not unique because it is explained from the point of view of social psychology. In the structure of the population of any country, in any ethno-cultural community there are always innovatively focused persons capable of and aspiring to the mastering of new socio-cultural experience. The proportion of such people varies within the limits of about 10–12 % of the country’s population. The Chinese peculiarity is that this 10–12 % of Chinese, who reproduce innovational TSEB in their socio-cultural practices is in absolute figures 120–150 million people. This exceeds or is comparable to the entire populations of the majority of other countries, including Russia. Their cumulative contribution to GNP of the People's Republic of China is crucial.

On the other hand, it is necessary to take into account the factor of conscious “construction” of innovative models of thinking and social behavior

which is actively used in modern China. For its realization both political-ideological and scientific tools are widely used. In the middle of the 1990s Chinese scientists started studying the experience of national innovative systems within the framework of research programs "The Economy based on knowledge", "National innovation systems" and others [1, p. 96]. In June 2000, in an article written for the American journal "Science", the Chairman of the People's Republic of China, Jiang Tse-ming declared that "China will create a national system of innovation with all its might... the innovation consciousness of the society and innovation potential of the country will rise" [1, p. 100]. Researchers note an unprecedented popularity of the "innovation" concept among all strata of the population. As Bao Ou, a modern Chinese scientist, notes, "innovation thinking strikes a blow to the traditional guidelines of the Chinese mentality directed at conservatism, adherence to patterns and established orders. In the process of innovation everything that does not promote development is rejected. "The Iron bowl of rice" for equalizing distribution has been given up, now competition has spread everywhere" [1, p. 107].

US citizens also have specific TSEB features of basal level. The USA till now has remained a neophyte of the national-state genesis of the modern times (even in comparison with such recently established countries as Israel, Serbia, Czechia and others, which have deep historical roots). Unlike the population of all other countries of the world, the overwhelming majority of US inhabitants can not call this country their historical native land. The USA, in a certain sense, is a ship doomed for eternal navigation between two oceans – the Pacific and the Atlantic. It is a ship on board of which most of the different passengers have been united by chance, some by desire (migrants from the Old World), others by compulsion (slaves brought from Africa). But all of them faced the necessity to decide one common issue - how to keep this "ship" afloat regardless of all political and economic storms.

In the final analysis, these characteristics of the USA predetermined the formation of basal features of TSEB of US inhabitants which occurred under the influence of territorial and socio-cultural factors. To begin with, the maritime character of the country is to be noted. The USA has an extended coastline along two oceans. This fact has some important consequences, which have been obvious to researchers for a long time. The first is that the USA is naturally protected from military and other encroachments from the most powerful states of Europe and Asia. The second is that it simultaneously gives an oppor-

tunity to establish sea contacts with all countries of the world. These both objectively promoted the creation of important preferences for developing national statehood and the economy. It gave rise to such a feature of basal level TSEB, as *geocentrism* – knowledge of their military-political and economic superiority over all other countries of the world. In combination with "*extroversion*" of the American society the aspiration appears to use this superiority for the benefit of both, the country and the rest of the world. Some modern researchers, in particular, P. Corte and M. Fore named it "imperialism of values". This implies that the USA, as a country where liberal values, freedom of business and a democratic system of government predominate, not only has the right, but is also obliged to impose their policy, way of living, and values on the whole world [25].

The second important consequence is that the maritime character of the country promotes inclusion of the country in the international division of labor and establishment of wide international trading contacts with all countries of the world. This also results in the free trade theory and practice and their political consequences; and in the spread of freedom and democratic values in the society (S.Y. Vitte drew attention to that in the beginning of the 20th century [6, p. 166-167]). These values developed in the USA during the 18th to the 20th centuries, and resulted in the formation of such a basal feature of TSEB as *individualism* – an aspiration to rely primarily on one's own strength, skills and good luck etc., but not on the state (Russian *protectionism*) and not on one's neighbor (the *community, collectivism* of TSEB of Russians and Chinese).

Another important basal TSEB feature of US citizens is connected with the history of their national formation, and the role of Protestantism and other Christian denominations in this process [8, p. 7]. From the 16th century (and up to the present time) the United States has attracted the most enterprising, adventurous and innovatively focused persons. It is not random that the majority of them profess Protestantism. The role of the latter in the formation of the economic superiority of the modern key countries (including the USA) is extremely great [5]. It has resulted in such a basal TSEB feature as *achievemess (performance orientation* – the orientation to success and belief in success despite any negative circumstances. It is steady (throughout generations) and fixed in culture

Thus, even a cursory comparison of territorial distinctions and features of basal level TSEB of the populations of Russia, the USA and China shows essential differences between these countries (see

Table 1). These differences have directly affected the formation and subsequent dynamics of the basal forms of their TSEB in the 20th century and, undoubtedly, will influence them for very a long time.

Table 1

Basal Level TSEB Features of the Populations of the USA, Russia and Continental China

Producing factors	Basal level TSEB features of the population		
	the USA	the USSR / Russian Federation	People's Republic of China
Geo-politic position of the state	<i>geocentrism</i>	<i>peripherality</i>	<i>ethnocentrism</i>
Territory as an economic resource	<i>intensity</i>	<i>extensiveness</i>	<i>extensiveness</i>
Territory as a "challenge"	<i>achievement performance orientation</i>	<i>persistence</i>	<i>diligence</i>
The answer to the "challenge"	<i>individualism</i>	<i>protectionism, collectivism</i>	<i>communality, identitariality</i>
The attitude to other countries and peoples	<i>extroversion</i>	<i>tolerance</i>	<i>introversion, susceptibility to innovations</i>

To obtain relevant conclusions concerning the trend of dynamic TSEB levels of the populations of the USA, Russia and the People's Republic of China we shall make a comparative analysis of the social and economic sphere of the three countries from the 1950s to the 1990s according to the long waves theory (cycles of economic development) of N.D. Kondratyev [9].

The social and economic development level in the USA, USSR and China in the middle of the 20th century was substantially predetermined by two circumstances. The first was the evolution of their societies and national economies during the previous decades. For the USA it was the period from the end of the Great Depression (1929–1932) and the election of F.D. Roosevelt as the president of the country, to the foundation of NATO (1949) and the beginning of the bipolar world formation. For the USSR it is the period from 1927–1929 when the policy of industrialization and collectivization was proclaimed till 1956 when the 20th Congress of the CPSU opened a new post-Stalinist stage of the history of the Soviet Union. For China it was the period from the declaration of the Chinese Republic in

1912 to the foundation of the People's Republic of China headed by the leader of the Chinese communists Mao Tse-dung in 1949. The second circumstance was the Second World War and its consequences which caused economic collapse in some counties and promoted prosperity of others (mainly, the USA).

In the middle of the 20th century (1940s – 1950s) the United States played, undoubtedly, the key role in the world. The position of key world power which they achieved in the beginning of the 20th century having essentially shaken off the former greatness of the British Empire, was only strengthened during the Second World War and began to accrue despite the prophecies of Marxists about "rotting capitalism", the Cold war and the arms race provoked by it. The auspicious geo-politic and geo-economic location of the USA multiplied by the performance orientation and intensive orientation of TSEB of a significant number of Americans, allowed this country not only to maintain the economic positions achieved by the end of the 1930s, but also to surpass them considerably. This became possible because of the military orders and participation in the campaign for supply of the USSR which went down in history as the "Lend-Lease" agreement. One of its consequences was the growth of living standards of the USA population, and the myth about the American life-style and values as a certain standard for the rest of the world. According to the majority of social and economic indices in the 1940s-1950s the USA corresponded to the fourth cycle of Kondratyev, i.e. it reached the peak of the *industrial* stage of social development and had all opportunities for transition to post-industrialism. After the end of the Second World War 60 % of the world's industrial production and 70 % of the world's merchant marine fleet belonged to the USA. Later, in the process of restoration of the economy of Western European countries and their transition to steady development, the share of the USA in all economic parameters decreased (for example, in industrial production, down to 20 % in 2003), but its leading position in the world remained stable down to the beginning of the 21st century [8, p. 13].

During the next decades the USA preserved the status of core state and the image of a superpower, despite essential fluctuations of economic development, the number of economic crises (especially in the period 1955–1960 and in the middle of the 1970s) and substantial devaluation of their national perception linked with failures in the Vietnamese War 1965–1973. By the end of the 20th century the USA considerably strengthened their position be-

cause of the successful economic course consistently carried out by US President Reagan. Between the 1990s and the beginning of the 21st century the USA still occupied the first position in the world according to all social and economic indices. It also directed the general mainstream of technological, financial and economic evolution of the rest of the world. This allowed researchers to assert that the United States not only has completely finished transition from industrial social development to a *post-industrial* stage and reached the level of the fifth cycle according to Kondratyev, but has also shown some parameters of the sixth cycle which is still conceptually foggy.

The USSR in contrast to the USA, in the 1950s did not overcome the consequences of the Second World War. Moreover, the population of the Soviet Union, supervised by dogmatically focused orthodox Marxist-Leninists, pupils of the Stalin school of political and state administration, unlike inhabitants of the defeated states (first of all, the Federal Republic of Germany, which arose in 1949, and Japan), still suffered deprivations, and lived in horrifying poverty on half-starvation rations. In the 1950s – 1960s the USSR was still at the *stage of transition* from an agrarian stage of social development to the industrial stage according to the level of social and economic development (1st and 2nd cycles of Kondratyev). Only in some industries (mainly, defense) did the level of production reach and even surpass similar parameters in the USA. But in any case the TSEB of the Soviet Union population remained extremely conservative, especially in rural areas. The leaders of the country supported this conservatism and cherished the illusions about policy which had been chosen by I. Stalin. Renunciation of Stalinism in its most gloomy and anti-humane activities was not accompanied by renunciation of Stalin's ideas concerning the prospects of economic development of the country. They were reproduced by all leaders of the CPSU, from N. Khrushchev to M. Gorbachev.

As a consequence, practically all really innovatively focused persons were exposed to reprisals. These reprisals were not comparable to those of Stalin times (from deprivation of preferred work to compulsory exile from the country, or the detention of scientists, business executives, and people of the artistic world in mental clinics ("funny farms") for "infringement of Marxist-Leninist principles"; etc.). As a result, corresponding everyday "truths" were widely spread in the society: "initiative is punishable", "the chief is always right" and other such sayings provoking the mass diffusion of adaptive and conservative TSEB models. In the 1950s – 1970s

this type of person was widely spread in the USSR. Later such a person was contemptuously called "*so-vok*" (a person with an ingrained Soviet mentality).

As a result, social and economic processes in the USSR developed slowly. Quantitative growth of parameters of industrial development was seldom accompanied by qualitative changes, as the process of stagnation was increasing. By the end of the 1980s this situation was simply called "stagnation". From the 1950s to 1985 the social and economic sphere of the USSR and the Russian Soviet Federative Socialist Republic, as its major and most powerful economic part, evolved from the 2nd and 3rd cycles of Kondratyev to the 3rd and 4th cycles (in different branches and spheres of social and economic activity of the population). The territory of the country remained extremely heterogeneous. This caused much deprivation of the population of the semi-peripheral and especially peripheral regions comparative to the core regions; a high conflict potential of regional communities and regional elites; and inefficient state regulation of economic processes in the country [20, p. 265–345]. In the 1990s this situation was aggravated. This was accompanied by a deepening gap between the core and peripheral regions. The former reached the fifth cycle of Kondratyev (according to some social and economic indices); and the latter reverted from the 2nd and 3^d to the 1st and 2nd cycles.

Nevertheless, according to some macroeconomic parameters and the dynamic TSEB forms reproduced by the majority of the Russian Federation population, we relate the level of social and economic development of Russia at the end of the 1990s to the fourth cycle of Kondratyev. We believe that the stage of its social development in this period can be qualified as *advanced industrial*.

At the end of the 1940s China was exhausted by its long-term war with imperialistic Japan and the Civil war between the military-political groupings (comprador Kuomintang and the Communist party of China). The country remained a semi-colonial state with all inherent social and economic features: agrarian and raw-material production orientation in the economy; almost absolute financial and technological dependence on advanced western countries (France, Great Britain, and Germany) and Japan; and very low living standards of the population which was engaged in subsistence economy.

The regions of China were sharply contrasted in levels of socio-cultural development. As far back as the middle of the 1950s, according to Hu Depin, a member of the Standing Committee ACPR, "the feudal-slaveholding system existed in Tibet, in the

Xishuan Banna district of the province of Yunnan and in the southern part of the Sing-Jan autonomous area; a slaveholding society still existed in boundary areas located between the provinces Sichuan and Yunnan, and in the areas Big and Small Mountain Ridges of Lianshan. Some nationalities of the country were still at the last stage of a primitive patriarchal society. Meanwhile, in Hong Kong and Macao, classical capitalism had already dominated for a long time" [23, p. 84].

Researchers estimate China's lag in economic development as 100–150 years. This was apparent in industrial structure of China also. In 1949 the share of light industry was 36 %; primitive trade share was 32 %; the electro-power, metallurgical, chemical and petroleum industry in aggregate did not exceed 5 %; the heavy industry and coal mining share was 11 % and metal working was 9 % [12, p. 78-79]. All this resulted in institutionalization and reproduction of social and economic practices, characteristic of especially backward peripheral states of the *agrarian* type, by the majority of the Chinese population.

After the USSR helped the communists to come into power in China; and in 1949 the People's Republic of China was proclaimed, large scale transformations began in the country. They were aimed at the construction of a socialist, and in the long term, communistic society, as in the Soviet Union. The socio-economic revolution during the following three decades was catastrophic for China's economy. This was caused by numerous changes in the paradigm of state economic policy of the Chinese leadership. Modern researchers positively evaluated the reasonably balanced course of modernization of Chinese society realized within the frameworks of the radical social and economic revolution of 1949 – 1952 and the first five-year plan (1953–1957). During this period new branches of the economy appeared (aviation, automobile, machine-tool and tractor construction), and agricultural co-operatives were created on the basis of rural communities, etc. After that, the period of "revolutionary" transformations began. Actually it was compulsory modernization without economic, socio-cultural substantiation and due maintenance.

During 1958–1962 (the second five-year plan) the total nationalization of industry was carried out, and cooperative societies were transformed into «people's communes». Hence, production dropped almost 70 %, the country was internationally isolated, and, as a result, total autocracy developed. Modern Chinese analysts characterize the situation in the country in the 1965–1970 period as "absolute chaos". Only in 1976–1978 did the political leader-

ship of the People's Republic of China come to realization of the fallaciousness of the elected course and the necessity of designing a new strategy of social and economic development for China.

The Chinese people paid a heavy price for the voluntarism of Mao Tse-tung and his followers. Instead of the accelerated social and economic development and construction of communism, the society had an extremely unbalanced economy, mass reprisals, famine and poverty. Only after the death of the "great helmsman", the elimination of the so-called "gang of four" and the coming to power of the spiritual leader of China, Den Xiaoping, did the difficult, but as subsequent events showed, highly effective development of the largest state in the world begin. In 1978, the turning point in the history of China, the official course of economic reform was accepted. Its central doctrine moved the emphasis from political problems to economic development.

During the 1980s – 1990s Chinese society showed what a balanced economic policy can achieve when it is not burdened with political and ideological dogmas. This takes into account modern achievements of economic science and market practices as well as the socio-cultural features of the population² in combination with the enormous resource potential of the country.

By the end of the 20th century Chinese society had made a huge breakthrough from a backward agrarian to a modern industrial society. According to a number of macroeconomic parameters, modern China has come much nearer to the most economically advanced countries of the world. For example, in actual purchasing capacity in 1998 it was third after the USA and Japan; in the volume of GNP China reached sixth place, having come nearer to France and Great Britain, which occupied the fifth and fourth places at the end of the 1990s [2, p. 52; 24, p. 9]. At the same time the opinion of modern analysts concerning the character and prospects of such unprecedented growth of the economy of the People's Republic of China remains split. Some of them predict further development to the attainment of first position in the world and replacement of the USA in the role of the global economic leader. The huge demographic potential and the tendency of Chinese citizens to depart for temporary work and permanent residence in many countries of the world could result in a global "Sinoization" of the world's population, similar to or even deeper than modern "Westernization". Other analysts are not inclined to make such far-reaching conclusions (it is especially

² in our context it is basal TSEB features

typical for researchers from the USA). They assert the temporary nature of rapid changes, the danger of "overheating" of the Chinese economy and warn of a deep economic crisis which would be dangerous not only for China, but also for the whole world economy (look more in detail [3; 26; 30] etc.).

According to a famous Chinese economist Lu Goguan, the structural contradictions testify to the preservation of skewedness in social and economic spheres of China in the 1990s and the beginning of the 21st century. These contradictions are potentially dangerous to its subsequent development in the 21st century. They are especially apparent in the overestimation of the second sphere in the industrial structure of China and understating of the third sphere; the low level industrial structure of all three divisions of the economy; delay of scientific and technical progress; the simultaneous existence of excessive competition and administrative monopolism; the extremely nonuniform development of the eastern, central and western provinces; and in slow urbanization, etc. [14, p. 66–67].

As for an evaluation of the Chinese economic "miracle" from the point of view of the territorial behavior theory, in many respects it is explained by the basal TSEB features of Chinese inhabitants, conceptualized earlier: diligence in work; a caring attitude to the land and its resources; readiness to solve difficult problems together (= communality, or what some observers characterize as *association* (of people from the same area or country)); persistence in the solving of problems; readiness to adapt to innovations, and so on. During the previous periods of Chinese history (especially during the Japanese occupation and the "cultural revolution") these features could not be shown to the full because of military-political and ideological reasons. In the 1980s – 1990s they became the major factors of unprecedented economic growth. This was caused by the policy of the Communist party of China aimed at the maximum development of personal initiative, diversification of ownership patterns, and growth of the well-being population.

The fact that memoirs and practical experience of economic management in pre-socialist China were preserved in people's memory is also very important. Despite all the drawbacks, this experience focused people on personal initiative, individual business, and economic independence. China's development after 1978 became an original "tracing-paper" of the New Economic Policy of the USSR in 1921 – 1926 which was hastily curtailed by I. Stalin [19, p. 179–180]. Pathological fear of the restoration of capitalism prevented the USSR from effective

economic development in the 1920s and the following years. It remained a powerful constraint in our country during all the years of the Soviet rule. And this fear of the restoration of capitalism was a powerful constraint in China during the years of rule of Mao Tse-tung and later when his orthodox followers ruled the country. If the Chinese leadership had not brought themselves to turn away from ideologizing economic development for the benefit of science and common sense in the 1970s – 1980s, no Chinese miracle would have taken place.

In any case, modern China shows extremely high rates of economic development accompanied with fast socio-cultural dynamics of the whole Chinese society. At the same time, social and economic evolution in different provinces of the country is extremely nonuniform. There exist economically advanced and extremely backward conservative regions. Social-territorial communities of advanced regions (Guangdong, Fujian, Jiangsu, Chekiang and Shanghai) reproduce innovational and adaptive TSEB models and the level of economic development there corresponds to the 3rd or 4th cycle of Kondratyev. On some parameters it comes nearer the 5th cycle. Population of the backward regions reproduces patterns of the 0 – 1st – 2nd cycles (northwest provinces of Gansu, Zinghai, Shaanxi and is especial Ninsia-Xuei and Sinczian-Uigur independent areas populated mainly with national minorities) [4, p. 68].

It is also important that the high level of absolute social and economic indices may not be supported by relative indices in most cases. This is confirmed by many modern Russian and Chinese researchers. For example, L. Kondrashova states, that up to the beginning of the 21st century China still "had not transcended the limits of the first type of modernization" [10, p. 91]. Famous Chinese economist Lin Yifu notes "high external growth and alongside a low level of development" [13, p. 92]. In the middle of the 1990s China's development lagged behind the target values in a majority of basic positions designated by the Chinese themselves to estimate the level of modernization (see Table 2). All this testifies to an unfinished though very dynamic, *transition* of Chinese society from an agrarian stage of social development to an industrial, but still does not allow us to attribute it to an advanced industrial level.

According to N. Kondratyev's long waves theory (cycles), the general result of social and economic evolution of the USA, the Russian Federation and continental China by the end of the 20th century can be shown as follows (see Table 3).

Table 2
Complex Estimation of Modernization Level
in China in 1993 – 1994*

Parameters	Units of measurements	Target size	Real size
GNP per capita	Yuans	32 000	7 245
Share of tertiary sector	%	65	35.3
Share of population engaged in tertiary sector	%	60	25.3
Degree of openness	%	20	13.6
Supply/Provision with water-pipe	%	95	87.9
Hard surfaced roads	Sq. m / person	8	2.48
Telephone system	per 100 persons	50	5.5
Buses	per 1000 persons	2	0.21
Doctors	per 1000 persons	8	2.6
Floor space	Sq. m / persons	12	7.81
Students	per 1000 persons	13	5.91

* The table was made under [11, p. 96].

Thus, the social and economic sphere of these three countries and their dynamic level TSEB of their populations made changed in the following directions: the USA went from an industrial stage of social development to a postindustrial; the USSR/Russian Federation went from an industrial-agrarian to an industrial; and People's Republic of China went from an agrarian to an agrarian-industrial stage.

In the first decade of the 21st century paradigm frameworks of a global community form. The populations of the USA, Russia and China are being deeply involved in social and economic relations characteristic of the epoch of post-industrialism. Within the continuum "core – semi-periphery – periphery" the TSEB levels achieved by the societies of these countries can be conceptualized as *core postindustrial*, *semi-peripheral postindustrial* and *peripheral postindustrial* respectively.

Nevertheless the given parity can change essentially in the near future. The most advantageous position belongs to China. According to a number of macroeconomic parameters it was among the first ten world leaders in the beginning of the 21st century. But unlike the USA, Japan, Germany and other

core countries, the People's Republic of China has a huge demographic resource which is now far from being completely used because of unsolved socio-cultural problems (generally low educational level; conservative orientation of the majority of the population; obvious and huge latent unemployment, and others). The realization of effective social policy in the sphere of education and employment, which has already been declared by modern Chinese leaders, is capable of bringing China into absolute world leadership by the middle of the 21st century or earlier. It will essentially shake not only the economic, but also the political position of the USA, and will force the American society to search for new sources of development, but the key status of the United States, will certainly be preserved.

Table 3
Social and Economic Development Parameters
of the USA, Russian Federation and People's
Republic of China in the end of the 1990s –
the beginning of the 21st century*

Social and economic indices	The USA	The Russian Federation	The People's Republic of China
Indices of physical volume of GNP in 1998, 1990=100	122.6	57.6	226.2
Share in world GNP, 2003, %	20.0	2.4	12.2
Indices of physical volume of retail commodity circulation in 1998, 1990=100	134.6	85.1	401.0
Distribution of the population engaged in three spheres of economy (agriculture, industry, services), 1997, %	2.7: 23.9 : 73.4	13.2: 31.8 : 55.0	47.8: 20.8 : 31.4
Proportion of city and agricultural population, %	76.0: 24.0 (1994)	73.0: 27.0 (1998)	29.4: 70.6 (1996)
Students of colleges per 10 000 people, person	333 (1995)	221 (1997)	24.5 (1996)
Kondratyev's cycle // Cycle by Kondratyev	5-6	4	1-2
Stage of social development	postindustrial	industrial	agrarian - industrial

* The table was made under [21, pp. 26-28; 58-59; 65-66; 85-86; 97-98].

As to the Russian Federation its central problem will be a relatively small population size (in comparison with China and the USA). This will not allow effective competitiveness with the world powers in measures of volume of GNP and other macroeconomic parameters, despite the fact that the country possesses huge natural resources and achieves very high economic growth per capita. Miscalculations in state management on the part of the President, the Government, or the Federal Assembly and growth of negative processes in social and economic spheres can result in a loss of economic independence. Russia might lose its present allies and, most likely, be divided into spheres of influence between the USA, China, Japan and the EEC. However, with favorable coincidence of circumstances and wise political management it will keep and strengthen the status of a semi-peripheral state, will lead politically and economically among countries of "the second echelon", including the CIS, and will force the world community to respect Russia in military issues.

Thus, taking into account TSEB peculiarities of the social-territorial communities, in this case allows us to reach relevant conclusions concerning the reasons, character and possible results of the changes occurring in them on at macro-social, macro-economic and political levels.

REFERENCES

1. Бао, Оу. Инновация – движущая сила развития китайского общества в современную эпоху / Бао Оу // Проблемы Дальнего Востока. – 2002. – № 4. – С. 95–109.
2. Бергер, Я. О достоверности экономического роста Китая и китайской угрозе / Я. Бергер // Проблемы Дальнего Востока. – 2002. – № 6. – С. 40–55.
3. Борох, О. Перспективы экономики КНР : зарубежные оценки в зеркале китайской критики / О. Борох // Проблемы Дальнего Востока. – 2003. – № 3. – С. 94–111.
4. Ван, Шаохуэй. Особенности экономического развития Северо-Западного Китая / Ван Шаохуэй // Проблемы Дальнего Востока. – 2000. – № 6. – С. 68–79.
5. Вебер, М. Избранное : протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер. – М. : РОССПЭН, 2006. – 648 с.
6. Витте, С.Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных Его Императорскому Высочеству князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 гг. / С.Ю. Витте. – М. : Фонд экон. кн. Начала, 1997. – 511 с.
7. Завалишин, А.Ю. Территориальное поведение. Опыт теоретико-методологического анализа / А.Ю. Завалишин, И.П. Рязанцев // Социологические исследования. 2005. № 10. С. 83–92.
8. Загладин, Н.В. США : общество, власть, политика : монография / Н.В. Загладин. – М. : ООО «Торгово-издат. дом "Русское слово – РС"», 2001. – 238 с.
9. Кондратьев, Н.Д. Основные проблемы экономической статистики и динамики / Н.Д. Кондратьев. – М. : Наука, 1991. – 569 с.
10. Кондрашова, Л. Модернизация с китайской спецификой: проблема экономического измерения / Л. Кондрашова // Проблемы Дальнего Востока. – 2002. – № 4. – С. 75–94.
11. Кондрашова, Л. Урбанизация в Китае / Л. Кондрашова, А. Островский // Проблемы Дальнего Востока. – 2000. – № 3. – С. 82–97.
12. Кривоборская, А.И. Экономическая география Китая : учеб. пособие / А.И. Кривоборская. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1996. – 219 с.
13. Линь, Ифу. Китайское чудо. Стратегия развития и экономическая реформа : пер. с кит. / Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжоу. – М. : ИДВ РАН, 2001. – 367 с.
14. Лю, Гогоуан. Проблемы урегулирования экономической структуры Китая / Лю Гогоуан // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 6. С. 64–70.
15. Малявин, В. В. Китайская цивилизация / В. В. Малявин. – М. : «Изд-во "Астрель"», Фирма "Изд-во АСТ"», «Издат.-продюс. центр "Дизайн. Информация. Картография"», 2000. – 632 с.
16. Муромцева, З. Стратегия экономического развития КНР в 1996–2020 гг. и проблемы ее реализации / З. Муромцева, И.Н. Наумов // Проблемы Дальнего Востока. – 2001. – № 6. – С. 174–176.
17. Наумов, И. Глобализация и регионализация как источник научно-технической реконструкции в КНР / И. Наумов // Проблемы Дальнего Востока. – 2000. – № 4. – С. 76–87.
18. Осипов, Г.В. Российская социология в XXI в. / Г.В. Осипов // Социологические исследования. – 2004. – № 3. – С. 3–14.
19. Певзнер, Я. Китайский вариант «третьего пути»: о книге Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжоу Китайское чудо. Стратегия развития и экономическая реформа : пер. с кит. / Я. Певзнер // Проблемы дальнего Востока. – 2001. – № 6. – С. 177–183.
20. Рязанцев, И.П. Территориальное поведение россиян (историко-социологический анализ) / И. П. Рязанцев, А.Ю. Завалишин. – М. : Академический Проект; Гаудеамус, 2006. – 456 с.
21. Содружество Независимых Государств и страны мира : стат. сб. / Статкомитет СНГ. – М., 1999. – 324 с.
22. Титаренко, М. Л. Китай : цивилизация и реформа / М. Л. Титаренко. – М. : Республика, 1999. – 240 с.
23. Ху, Дэпин. Размышления о теории и практике реформы в Китае / Ху Дэпин // Проблемы Дальнего Востока. – 2003. – № 3. – С. 79–87.
24. Цинь, Сяньюань. Пять десятилетий развития китайско-российских отношений : пройденный путь и перспективы / Цинь Сяньюань // Проблемы Дальнего Востока. – 2000. – № 3. – С. 5–13.
25. Corte, Ph. Le Nouvel Ordre American / Ph. Corte, M. Fore // L'Express. 1997. – Novembre 20. – P. 44–51.
26. Dirlic, A. Reversals, Ironies, Hegemonies / A. Dirlic // Modern China. – 1996. – № 2. – P. 249.
27. Freeman, C. Technology Policy and Economic Performance : Lesson from Japan / C. Freeman. – N.-Y., 1987. – 155 p.
28. Friedmann, J. Regional Development Policy / J. Friedmann. – Boston : Mass. Inst. Techn., 1966. – 317 p.
29. Gibbs, J. The Evolution of Population / J. Gibbs // Economical Geography. – 1963. – № 2. – P. 85–99.
30. Nathan, A. J. China's Transformation / A. J. Nathan. – N.-Y., 1997. – 313 p.

CRIMINALISTIC ASPECTS OF THE MECHANISM OF ORGANIZATION OF ACTS OF TERRORISM

N.E. Meretsky

Meretsky Nikolay Evgenyevich – Doctor of Jurisprudence, Professor, the Head of the Faculty of Criminal Law Disciplines of the Far Eastern State University of Transportation.

The article is devoted to studying the mechanism of commission of acts of terrorism. From the analysis it is possible to establish correlations between the circumstances, the activity of the subject (the head of the criminal group) and the means of commission. These correlations influence the development of tactical methods aimed at disclosing, investigating and preventing the designated crimes.

Key words: Act of terrorism, means of commission of crime, mechanism of commission of crime, criminalistics.

Studying the means of commission of crimes and, in particular, the attributes of terrorism has important theoretical and practical value. These data are used for development of tactical methods and methodical recommendations for the discovery, disclosure, investigation and the prevention of the crimes under research.

In modern Russian language the word “means” (“sposob”) is understood as a way, action or method applied to the execution of any work, the realization of something [8:747]. In legal literature the means of commission of a crime is considered usually as an integral part of the objective side of a crime [6:71; 2:13-19; 7:75-89]. Our research has shown that its criminalistic concept with reference to acts of terrorism has a three-level structure describing the ways subjects act before, during and after the commission of a crime. Certainly, the basic place in the activity of the subject is occupied by a mercenary orientation, as well as the degree and character of public danger of the crime. These determine the means of commission of the crimes under research, concretize the actions forming the objective side of the crime, give them specific quality, individualize them and endow them with steady attributes distinguishing them from other similar crimes.

For the purposes of our analysis it is necessary to note that the problem has been studied by many scientists.¹ This has allowed us to use the elements of the structure of crimes as in a basis of classification. For example, applying such criterion, to the subject of the criminal act, all terrorist crimes can be subdivided into those committed individually, or by a group; according to the time of commission: those committed for the first time or repeatedly. Taking as criterion the object of the infringement the designated crimes can be subdivided into those committed in

the city or in the countryside, in a vehicle or outside of it, in deserted places or at places congestion with people. Considering the objective side it is possible to classify crimes according to the means of commission or concealment of the crime: using an explosive with the death of the terrorist or application of explosive mechanisms with a delayed action, including a control device. Concerning the subjective side, is the act premeditated or the result of the influence of psychotropic (narcotic) substances.

All of this draws attention to the fact that in criminalistics the means of commission of crimes is used *firstly*, to search for a suspected person (or a group of suspected persons) who committed the crime; *secondly*, to find out the mechanism of occurrence of clues; *thirdly*, to establish circumstances subject to proof; *fourthly*, to suppress preparatory actions leading to the commitment of a crime; and *fifthly*, to establish the reasons and the circumstances promoting the commission of a crime. At the same time establishing repeatability of means has evidentiary value, if during the investigation it is established, that the person has committed a crime in a similar way or participated in preparation of acts of terrorism previously. In the end the means of commission of a crime is connected with the way of concealment.

There are important investigation tasks to be solved. Specially important is an investigation of the preparatory actions of the terrorist, because they take significant time. Activity in preparation can be nominally divided into three stages.

The **first** stage includes the intention of the organizer² and the search for and appointment of the leader of the criminal group from among persons associated with the organizer. This stage is obligato-

¹ We do not intend to analyze their opinion on the given problem

² Our researches have shown that in a majority of cases (93.2 %) the subject intending to commit an act of terrorism does not make efforts to organize it but implements it with the help of middlemen, accomplices, etc.

ry and can last a long time: weeks, months and even years. Criminalistic practice knows cases when the organizers of terror acts successfully completed the crime several years after the abortive attempt. After appointing the person and obtaining guarantees of his "honesty" the next stage of preparatory activity begins.

The **second** stage can also be long as the script of the future crime is developed. At this stage: *firstly*, the situation within the criminal group is evaluated and role functions are distributed; *secondly*, the situation of governmental authorities, whether they are capable of preventing the planned actions; *thirdly*, the structure of state and security bodies of the object is studied; *fourthly*, the personality of the actual doer (doers) is studied, he is given certain guarantees including transferring a certain sum to his relatives in case of his death; *fifthly*, ways and channels of transportation (moving) of the actual doer are defined, including to adjacent countries; *sixthly*, off-shore zones where ammunition, explosives or weapons can be obtained, or means of setting up a business and investing capital necessary for obtaining them are investigated; *seventhly*, ways of illegal transportation of weapons, ammunition or explosives across the national frontier are investigated; *eighthly*, real estate for accommodating the actual doer is purchased; *ninthly*, a cover group is formed.

Besides that, during the preparation counterfeit official stamps of various enterprises and organizations and requisite forms of documents are obtained (or they are forged). During this period subjects mainly conduct intensive gathering of initial information and preparation of such means which would lead to the successful realization of the crime. Without the realization of a criminal plan, the preparatory stage can lose its criminalistic value. In this case, the main task of the organizational-preparatory stage consists in formation of a set of conditions which would provide for realization of the criminal intention, i.e. at this stage a concrete plan of action is developed and the time and place of commission of the crime is defined.

The **third** preparatory stage consists of active actions aimed at the act of terrorism. These actions depend upon the script of the crime and distribution of roles³ carried out by the organizer. During this period not only the ways and the methods of concealment of traces of a crime are considered, but also the further actions in case of detention and disclosure: a) a false alibi is developed; b) a legend is

developed justifying the presence of the criminal at that time in that place; c) ways to use the weapon in case of detention are considered; d) appearance is changed; e) false documents are made, including those of law-enforcement officers. It is necessary to note, that this stage is not obligatory and can be absent.

For this reason, during the preparation for a terror act one can trace the precise correspondence of concrete actions of the subject, aimed at achievement of the criminal result. Defining the means of commission of the crime reveals the contents and the intention of the guilty person, i.e. it is connected with the other element – culpability of the subject and identification of the motive. Thus as V.N. Kudryavtsev correctly notes, the legislator, introducing a description of means of commission of crimes into the legislative norm, considers three factors: danger of the means for the object of the infringement, frequency of its occurrence in practice and whether it is possible to make a criminal conviction [5:112].

The means of commission of a crime, in particular, acts of terrorism, are not selected arbitrarily, the choice of them is always determined by both objective and subjective factors. As a rule, they are numerous and consist of actions directed to the realization of the conceived plan.⁴ We consider that the definition (concept) of means should be considered at all stages of a crime: preparation, commission and concealment. In this respect we completely agree with R.S. Belkin who notes expediency of the use of the term "the means of a crime" for an integrated designation of the means of realization of all stages of the activity [1:215]. In addition "the means of commission of crime is not reduced only to the mechanical sum of the certain actions of preparation, commission and concealment of the crime" [4:10].

To become the means, actions should be an ordered system of corresponding actions interconnected by reasons and criminal intentions, aimed at achieving a criminal result (in this case an act of terrorism). The data about the means of commission of a concrete crime contains the greatest volume of criminalistically significant information. This allows optimum methods of work with evidence for full investigation of a crime, or group of crimes, interconnected with the act of terrorism or preceding it.

As follows from the above, an act of terrorism should be understood as a system of objectively interconnected, purposeful individually-concrete actions, methods and means united by a common in-

³ Practice shows that some actual committers of crimes don't even suspect what their role is in the forthcoming actions.

⁴ We have already described these actions in the first stage of preparation for a terror act.

tention aimed at the illegal infringement of political and legal mechanisms of a state.

Concrete actions in committing acts of terrorism are expressed not only in the chosen action, but also in the degree of activity in carrying it out. Thus the means can both differ from each other, and be repeated. Objective conditions influence the choice significantly. In this case the subject either uses favorable circumstances, or adapts to existing circumstances, or tries to change them.

As our research has shown, using specific methods within the means of commission of an act of terrorism, the subject invariably considers the character of the state measures aimed at prevention of the criminal activity of the terrorist organization. Because of this, establishing the whole chain (sequence) of events leads to detection of important proofs in the investigation.

It is obvious, that information about the situation always has critical value for primary criminalistic analysis of the essence of a crime, the means of its commission and its circumstances. Therefore revealing and analyzing the interrelation of separate objects, phenomena and processes describing circumstances of objective reality, specific to the moment of commission of the crime investigated, give rather valuable criminalistic information. This is used to choose the most effective ways and methods of investigation. In particular the correct evaluation of revealed data on the circumstances promoting the act of terrorism, in view of data on the means and the mechanism of an investigated crime, usually helps the investigator to choose the most effective methods of the search for and detention of the organizer of the criminal group. The appropriate evaluation of the information promotes finding the most effective methods of revealing factors which have affected the preparation for the commission of a criminal action and realization of the criminal plan.

So, it is possible to refer to conditions promoting the commission of an act of terrorism:

Firstly, the lack of legislative norms and rules preventing the export of capital from the country⁵;

Secondly, errors in the work of law enforcement bodies acting for prevention of the designated crimes;

Thirdly, insufficient security of computer systems;

Fourthly, weak control of law enforcement bodies concerning observation of the movements of suspicious persons, including those being searched

for crimes.

Practice shows that in most cases (78.2%) the subject of a crime is connected with the circumstances of the crime. Concrete manifestations of these ties are various and affect the choice of tactical methods of investigation. For example, the situation makes the criminal activity of a certain person or group of persons possible. Data collected give serious reasons for such a conclusion. So the main emphasis is given to the methods of collecting evidence and uncovering criminals. If intelligence about the situation provides no concrete information about the subject of crime, it is appropriate to obtain more information about the means of commission of crimes and about the factors affecting the means mentioned. Thus a circle of possible subjects who participated in preparatory measures for an act of terrorism should be identified, and a plan of search and detection is to be developed.

All this means that careful studying of the information about the circumstances is critically important for the investigation. This is especially so when the investigator lacks criminalistic information about the means and mechanisms of commission of crimes. As our research has shown the cognition of a criminal act always begins with comprehension of the circumstances promoting its commission. This reveals its components defining their functions and roles and expanding the interrelations between the circumstances and the other elements of the crime. Comprehension of the circumstances in which the act of terrorism is committed can give information about the following:

Firstly, the degrees of preparation of a crime;

Secondly, the awareness of criminals about the degree of security surrounding the object of criminal infringement;

Thirdly, the influence of circumstances on the means and mechanism of commission of the crime and its other criminalistic features;

Fourthly, whether there was specific influence from opposing parties (competitors within the criminal underworld);

Fifthly, which elements of the circumstances influenced the preparation and commission of the intended crime;

Sixthly, how the situation promoted the realization of the intended criminal act.

Analysis of the results of the research has allowed the discovery, that the majority of acts of terrorism are made in those countries which conduct an active struggle against crimes aimed at the infringement of constitutional laws and the freedom of the person. Therefore the majority of the papers devoted

⁵ It is known, that significant money resources are necessary for terrorism.

to this problem, are aimed at studying the means of commission and concealment of crimes against freedom, honor and the dignity of a person (for example, abductions of the person, human traffic, use of slave labor, etc.). They also study the circumstances in which criminals act and which promote their activity.

However in practice, unfortunately, the data on the circumstances of commission of crimes under study are still used insufficiently by law-enforcement officers. The superficial study of the circumstances and formal analysis of them is often a principal cause of serious drawbacks during the investigation (64.8 %) and the resulting suspension of investigations (86.6 %).

We shall examine the process of commission of acts of terrorism in more detail, paying attention to the laws of uncovering of clues for the establishment of a causal relationship between the facts. These laws become apparent in criminal activity but the process is more complicated and diverse. The interaction of the objects leads to various changes (for example, material) and reveals certain circumstances of the events under investigation.

It is necessary to note that during the commission of acts of terrorism the following situation can be observed: criminals already have a specific sphere of criminal activity. As the majority of crimes are supposed to be committed in another district, and sometimes in another country the greatest difficulty for the criminals is caused by the transportation of weapons and explosives or the movement of the group to the place of the prospective act of terrorism.

The results of the analysis of criminal activity of an organized group confirm that. The subjects committing the act of terrorism can evaluate the circumstances, in which they operate deliberately, in different ways:

Firstly, completely favorable: there are ways of transportation of weapons and explosives, free entrance to the object, the absence of security services, etc.). In such cases the evaluation of the circumstances strengthens the determination of the organizer of the criminal plan, allowing him to act during realization easily and circumspectly, and not to leave traces or destroy traces. As a result the investigation of the situation begins with many unknowns.

Secondly, not absolutely favorable: the ways of transportation of the weapon and explosives are planned, the plan of movement of the criminal group to the place is made, entrances to the object are protected by special security services. In this case the circumstances do not prevent the realization of the criminal plan, however they force the subject to hurry, to be nervous, which leads to some mistakes,

and, as a result, leaves significant number of traces, which help to expose the criminal. The investigatory situation is favorable for investigation.

Thirdly, unfavourable: the terrorist group is under surveillance by law enforcement bodies. This counteraction can deprive the whole operation of a favorable outcome and it becomes public knowledge, so the head of the group and its participants can all be detained and prosecuted. The specified circumstances quite often make the terrorists take concealment measures down to the actual physical liquidation of some of the members of the terrorist group. In this case the investigation of deliberate murder or attempted murder can lead to the disclosure of the crimes under study. The investigatory situation of the initial stage can specify the principal cause of the committed act.

Fourthly, substantially or completely adverse conditions: the core of the criminal group is detained by the law-enforcement officers. The head of the organized criminal group undertakes active measures to neutralize information and makes significant mistakes, allowing him to be detained or to abandon the criminal plan. The specified circumstances often make the investigatory situation favorable at the initial stage and at the same time may lead to complications.

The results of the evaluation of the situations usually significantly influence the process, the intensity of the criminal activity and the degree of its significance. Accordingly it influences the character of the initial information. From our point of view, the peculiarities of the situation determine the means of commission of the act of terrorism, its mechanism, and also various deviations in the behaviour of the head of the criminal group. This significantly influences the volume and importance of the criminalistic information which is revealed during the investigation.

When there exists a premeditated plan to commit an act of terrorism, usually cover groups are created. They plan their criminal activity aimed at distracting the law enforcement bodies from the core organization down to the transportations to the various regions.

The commission of the crime is expressed in the following actions of the organizer:

1) investment funds in commercial and other banks through intermediaries with subsequent reception or investment in foreign banks;

2) compensation of losses to members of the group or to representatives of their families;

3) payment for trips abroad with the purpose of studying the situation and the subsequent changes in

plans;

4) purchase of property, including cars, for accommodation and unobstructed movement;

5) penetration of members of the group into various diasporas formed according to both national and economic attributes;

6) penetration of members of the group under the guise of immigrants, including reception of residence permits;

7) the creation of an underground network of banks for the financing of the terrorist group;

8) expansion of the number of terrorist groups due to recruiting immigrants, including those who have lost jobs.

Interrogation of subjects with criminal liability for the crimes which they committed shows that at the given stage they were ready to execute the following actions: a) to get rid of undesirable eyewitnesses; b) to prevent victims from taking any measures of resistance; c) to resist law-enforcement and security officers during their detention and arrest, etc.; d) to get rid of accomplices of the criminal group. During the preliminary investigation they made attempts: a) to refuse to testify; b) to offer bribes to the inspector or the investigator; c) to intimidate the inspector and/or his relatives; d) to activate premeditated arrangements between the suspects; e) to offer compensation to victims and witnesses and/or to intimidate them; f) to make other actions concerning relatives of the people involved in the investigation.

The research conducted by I.M. Dyachenko, shows that "... more than half of all criminal actions commenced against participants of organized criminal formations were corrupted by relationships with authorities and management, and thus did not reach court " [3:324-325]. During proceeding the following situations were marked: a) the judge was offered a bribe (through a lawyer); b) infringement of constitutional laws and current legislations during preliminary investigation were declared; c) psychological and physical pressure was exerted upon the subjects participating in the proceedings.

At the same time some suspects made attempts to counteract the prosecution in various ways. At all stages listed some desirable result was achieved.

The offensive and protective functions of actions aimed at disclosing, investigating and preventing acts of terrorism, have two sides: **external**: a) assistance in finding of the subjects, who are known in some measure to law enforcement bodies; b) information about criminalistic activities supporting the process of disclosure, investigation and the prevention of crimes at all stages of the law enforce-

ment activity; c) developing, updating and maintaining information card-files and achieving maximum efficiency within the database used; d) protecting all the participants of the investigation against the subjects of the prosecution; and **internal**: a) granting access to essential and useful information to all persons participating in the search and establishment of the criminals' identities; b) understanding the essence of the criminal activity by each participant in the investigation without which the achievement of the "external" side is impossible; c) gathering and accumulating necessary data about the subject and the object of the crime; d) achievement of peak efficiency of the processing of information about the crime as a whole, and about its separate elements; e) providing a wide range of services for the members of the investigatory group not only by law-enforcement officers, but also by state structures; f) strict legal procedures to be carried out concerning the person (persons) who have committed the crime.

Each of these elements can have an independent value, and in the aggregate they comprise the necessary tasks in the investigation of a criminal case.

Each of the ways listed above has corresponding attributes bearing information on the mechanism of a crime, although the latter also depends on the concrete means chosen by the criminal.

Therefore after the commencement of criminal action it is necessary to establish the most complete complex of circumstances which are subject to proof. At the same time it is necessary to note, that the criminal activity to be proved in each criminal case has common and unique features. These must be considered when carrying out the preliminary investigation of the criminal cases under study.

Analysis leads to the conclusion, that in this system the elementary unit of the description is "the action" of the subject. This notion bears characteristics of willful, psychological, and also informational loading. Therefore the means of committing acts of terrorism, firstly, have the same aims, secondly, they interrelate and are interdependent with the preparation and concealment though they are separated in time; thirdly, the traces during the preparation and commission of the crime, compete, which can be used to reveal negative circumstances and to establish the guilt; fourthly, the information received during the surveillance and investigation is used to construct the investigatory algorithm.

REFERENCES

1. Белкин, Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике / Р.С. Белкин. – М.: Юрид. лит., 1988. – С. 215.
2. Бушуев, Г.В. Способ совершения преступления и его влияние на общественную опасность: лекция / Г.В. Бушуев. – Омск: ВШ МВД СССР, 1988. – С. 13–19.
3. Дьяченко, И.М. Организация и тактика деятельности оперативных служб органов внутренних дел по борьбе с организованной преступностью в сфере экономики (Вопросы теории и практики): дис. ... д-ра юрид. наук / И.М. Дьяченко. – М., 1993. – С. 324–325.
4. Зуйков, Г.Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления : автореф. дис ... д-ра юрид. наук / Г.Г. Зуйков. – М., 1970. – С. 10.
5. Кудрявцев, В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования / В.Н. Кудрявцев. – М., 1998. – С. 112.
6. Кудрявцев, В.Н. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение / В.Н. Кудрявцев // Советское государство и право. – 1957. – № 8. – С. 71.
7. Мальцев, В.В. Категория «Общественно-опасное поведение» в уголовном праве / В.В. Мальцев. – Волгоград: Юрид. ин-т МВД РФ, 1995. – С. 75–89.
8. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М., 1964. – С. 747.

RAILWAY TRANSPORTATION IN THE RUSSIAN FAR EAST (1891 – JUNE, 1941): THE EXPERIENCE OF FORMATION AND MODERNIZATION OF THE INDUSTRY

M.A. Kovalchuk

Kovalchuk Mikhail Aleksandrovich – Doctor of History, the Professor of Faculty of State and Law of the Far Eastern State Transportation University.

The article considers the process of formation and technical modernization of one of the most important industries of the Far East. The author has used evidence from central, departmental and local archives of Russia.

Key words: History of development of the Russian Far East, railway transportation of the Russian Far East, formation and development of the railway industry in the Russian Far East.

Railway construction in Russia began in the middle of the 1830's. By the time the Priamurie and Primorsky Krai were incorporated into Russia, the railways began to play an important role in the development of the country and determined Russia's technical progress for a long time. In 1857 a military engineer, staff captain D.I. Romanov, made a private company project for the construction of the railway from the post Sofia on the River Amur to the Gulf of De-Castries in the Tatar Strait. Nevertheless this and other civil-engineering road projects turned out to be impracticable at that time [21]. But the region had some experience of construction of minor railways. In 1863 the military administration built a railway from Nikolaevsk to the fortress Chnyrrakh [1].

In 1882-1892 the railroad tracks from Samara to Chelyabinsk were laid. The latter became the starting point of the construction of the Trans-Siberian Railway which connected the center of the country with its Far Eastern districts. The Tsarist government decided to construct the Trans-Siberian railway in 1887. Then the survey for the lines of the Middle-Siberian, Trans-Baikalian and Southern-Ussury railways started.

In 1891 the Commission to Research the Construction of the Siberian railroad was organized. The Council of Ministers recognized that it was possible to begin works on the construction of the railway from two sides simultaneously – from Chelyabinsk and from Vladivostok. On May 19th, the same year, in the Vladivostok fortress, the celebration of the official beginning of the construction of the Ussury Railway took place. The heir to the throne, Nicholas was present. The work was headed by A.I. Ursati who was soon replaced by O.P. Vjazemsky, his successor. The construction was being conducted in two stages. The Southern Ussuri section (from Vladivostok to Muravievo-Amurskaya) (409 km) was constructed in 1891-1896; and the Northern Ussuri

section (from Muravievo-Amurskaya to Khabarovsk) - in 1894-1897.

In 1897 the Ussury Railway came into service from Vladivostok to Khabarovsk. It was a main trunk railroad, but it was built in accordance with lower standards. Limitation of subgrade lifting (slope) was 0.015; the minimum radius was 256.8 m; the width of the subgrade was 4.7 m and the thickness of ballast was 0.12 m. Light rails were laid along the whole railroad. The weight of the rail was 24.1 kg per meter (18 lb per foot). The conditions of construction caused the capacity restrictions of the road, which was no more than 7 trains per day in each direction [37].

The main repair shops were set up in Nikolsk-Ussuriisk, and the locomotive-repair depots (originally workshops) were at the stations Vladivostok, Evgenyevka, Muravyevo-Amurskaya, Bikin, Vjazemskaya, Khabarovsk and Kangauz.

Communication between the stations was performed by Morse cable devices. Train communication existed only on the section Vladivostok-Ussuriisk. As for signaling devices there was only a staff system made by the British manufacturer Web-Thomson. The one-wing semaphores of Maks Judel Company and one-traction semaphores of Ussuri type were the alarm devices. Selector telecommunication was installed by American specialists in 1915 on the Vladivostok-Ussuriisk section. [8,101-102]

The Construction of the Ussury Railway had begun the grand railway construction in the Far East districts of Tsarist Russia (see Table 1).

The Commission examined two variants for laying the railroad tracks eastwards: 1) across Russian territory from Sretensk to Khabarovsk parallel to the Amur river (the Amur railway); 2) across foreign territory as the shortest way to connect Trans-Baikalia and Primorski Krai. The Tsarist government adopted the latter. In 1896 the Russian gov-

ernment received permission for the construction of the railway across the territory of Northern Manchuria from Chinese authorities. The railway was called the Chinese Eastern Railway.

The table 1

The Basic Stages of Railway Construction in the Russian Far East (1891–1917)

Period of construction	Railways	Terminal points (stations)	Distance (km)	Construction costs (mln. rubles.)
1891-1897	Ussuri	Vladivostok	769	46.26
1895-1900	Zabai-			79.9
1907-1903	kalsk	Khabarovsk	1105.2	563.1
1908-1916	Chinese Eastern Amur	Mysovaya-Sretensk Karymskaya-Ussuriisk Kuenga-Khabarovsk	2941.6 1993

The line survey for the future Chinese Eastern Railway began in 1897. The official opening of the construction of the Chinese Eastern Railway took place in August the same year at the station Poltavskaya of the Ussuri Railway (on the border with China). [11] The laying of track of the Chinese Eastern Railway was finished in 1902, and the next year it was put into regular operation. Previously, in 1900, the Trans-Baikalian Railway was put into operation. The railway from Chelyabinsk to Vladivostok was laid.

The length of the main line of the Chinese Eastern Railway from Manchuria to Pogranichnaya was 1507.4 km. The basic line of the railway was divided into eastern (from Harbin eastwards) and western (from Harbin westwards) sections. The branch of 950.4 km went southward from Harbin to Port Arthur and Dalniy. On Russian territory the Chinese Eastern Railway was connected with the Trans-Baikalian Railway by the branch Karymskaya-Manchuria (366 km); and the Ussuri Railway by the branch Ussuriisk – Pogranichnaya (118 km). Thus, in 1903, the total extent of the Russian railways in the Far East, including Trans-Baikalian, was 4857.8 km [6].

After the Russian-Japanese war (1904–1905) the government returned to the project of the Amur Railway. In 1906 surveying works on the line were

renewed. They were conducted by the engineers F.D. Drozdov, E.Ju. Prudnitsky, and B.U. Savrimovich. In June 1907, the State Council made a decision about the beginning of the construction of the headwork section of the Amur main line from the station Kuenga of the Trans-Baikalian Railway to Urum (193 km). The Treasury allocated 169.9 million rubles for this [23].

In 1909–1913 the Western Amur section of the main line from Urum to Kerak (636 km) was built. An engineer E.J. Prudnitsky headed the works. In 1911 the Middle Amur Railway from Kerak to Bureya was built. A branch from Bochkareva (nowadays Belogorsk) went to Blagoveshchenk-on-Amur. The Middle Amur Railway together with the Blagoveshchensk branch were transferred to the Temporary Administration of the Amur Railway in 1915. In 1912 an outstanding Russian engineer A.V. Liverovsky started the construction of the Eastern section of the railway from Bureya to Khabarovsk. In 1915 this section of the Amur Railway was put into temporary operation [18, 16–17; 37].

Before the First World War the construction of the bridge across the Amur river had begun. This artificial construction was a great project for its time, 2.5 km long, and was designed by the Russian engineers A.V. Liverovsky, G.P. Peredery and L.D. Proskurjakov. The bridge trusses were manufactured in Warsaw and delivered to Odessa by railway. Then they were shipped by sea through the Suez Canal to Vladivostok where they were again transshipped on the railway and then delivered to Khabarovsk. During the war a vessel, which was transporting two bridge trusses, sank. Despite that, in October 1916 the bridge across the Amur river was put into operation [18, 18].

The builders of the Amur railway faced a lot of difficulties. The line went across deserted territory, with scarce roads, marshlands and swamps. The permafrost was a serious problem because it went along the entire length of the line, but not as separate islands as in Trans-Baikalia. During the construction many new, interesting and original engineering decisions were made [9]. The end of works coincided with the beginning of the First World War when the Treasury constantly reduced funds for the construction of the railway. For this reason the repair workshops and technical constructions remained uncompleted. 170 km of the subgrade was given only one layer of ballast, and 60 km was built absolutely without any. The total cost of the unfinished jobs was estimated at 50 million rubles. [33] Nevertheless the cost of the construction of the Amur Railway was one of the most expensive in Russia. One

kilometer of track on the Ussuri, Trans-Baikalian and Chinese Eastern railways cost the Treasury from 60.5 to 106.1 thousand rubles¹³. On the Central and Eastern sections of the Amur railway the cost was 657.5 thousand rubles [18, 16-17; 6; 24]. The rails laid here were heavier than those on the Ussuri railway (30.89 kg per meter). The rated traffic capacity of the Amur Railway was 9 trains per day in each direction, and after the opening of the additional junctions this increased to 20. [37, л 2-3].

In 1908 the government of Russia adopted the Decree «On the construction of the second track of the Siberian Railway and the cost evaluation of priority works» [23]. By 1913 the second track had been laid along the whole Trans-Siberian Railway down to station Karymskaya of the Trans-Baikalian Railway. To increase the traffic capacity of the Chinese Eastern Railway, light rails were replaced by heavy ones, and the station length of access and extra rails were expanded. But the road still remained single-track, though it was capable of handling about 16 trains per day in each direction (in 1903 it was 7). In 1907 after the leasing of the Ussuri Railway to the Chinese Eastern Railway, the question of increasing traffic capacity arose. For this purpose it was planned to punch new tunnels, "to soften" the track profile at the saddle points, to expand stations and passing tracks, and to replace the light (18 lb) rails by heavy. By 1917 it was only possible to expand the Vladivostok station, and to improve the track profile between the stations Vladivostok and Pervaya Rechka. A second track was laid and light rails were replaced by heavy in the section from Vladivostok to Ussuriisk. Before the First World War the construction of the tunnel on the Kiparisovo pass began [18,20; 16,67; 37, л2].

The amount of the rolling stock grew. In 1894 27 steam locomotives and 534 rail cars were delivered from European Russia to the South Ussury Railway (for temporary operation). [19] In 1913 182 steam locomotives and more than 4 thousand rail cars worked on the Ussuri Railway. [25] The majority of the steam locomotives were of home manufacture (in 1910 – 95 out of 147 steam locomotives) [17].

During the First World War the Ministry of Railways expected to accelerate freight traffic on the railways of Siberia and the Far East by half due to an increase in carriage rolling stock and powerful steam locomotives purchased abroad. In June, 1915 representatives of the Ministry concluded contracts with a number of Canadian and American companies for the delivery of 400 vehicles, among which 250 were powerful locomotives of the «Decapod» type (23 000 dollars each). Their assembly began in the

Harbin railway works the next year. [32] In 1915 the assembly of the rail cars delivered from abroad began at the Vladivostok temporary car assembling workshops. The enterprise was equipped with equipment purchased in the USA. [12] In 1916 the workshops finished the assembly of the first batch of rail cars (13 000 units). The Russian Mission of the Ministry of Railways in Washington tried to order 50 000 more rail cars in the USA, but the events in Russia prevented this [32].

The Civil war and the foreign Intervention caused great damage to the transport infrastructure. Firstly, these events suspended works on the reconstruction and completion of the temporary railways. Secondly, they disturbed the normal working of the railways. All this led to a gradual destruction of the top structure of the track and an increasing number of "sick" steam locomotives and rail cars. Thirdly, the railways underwent robbery, and intensive destruction during military operations. On the Amur Railway 7 062 running meters of bridge metal constructions and 10 058 running meters of wooden bridges were destroyed. The most significant of them were the bridges across the rivers Zeya (2 trusses were destroyed), the Amur (2 trusses), Bureya (1 truss), Arkhara (1 truss). The road lost 10 barracks, 43 military quarters and 8 passenger buildings [31; 33]. By the end of 1921 on the northern section of the Ussuri Railway (from Ussuriisk to Khabarovsk) 40 bridges had been destroyed (27 of which were metal), 2 barracks, 4 military quarters, 3 stations, and other buildings were burnt, and 14 steam locomotives and 300 rail cars were derailed [26; 31].

The rolling stock of the Far Eastern railways was in a difficult situation. More than half of the steam locomotives on the Amur railway were in bad repair. Actually there was no main railway repair works, as on the Ussuri and Chita railways. Major repairs or complete overhauls of steam locomotives were impossible. It was also difficult to do maintenance, because the majority of locomotive depots remained uncompleted and more than a third of the stone buildings had been destroyed. As military operations on the Ussuri Railway moved eastwards the bulk of defective rail cars accumulated on the railroad. There were more than 3 000 "sick" rail cars on the access rails to Vladivostok [40, 17].

According to different calculations the losses of the Far Eastern railways (Amur and Ussuri) during the Civil war and the foreign Intervention, were between 28.5 and 50 million rubles. These included not only real losses but commercial losses caused by the traffic decrease, and by non-payment for military

transportation, etc. [26].

The reconstruction of bridges was of crucial importance for the renewal of railway transportation. Rebuilding the Amur bridge faced serious difficulties. Its two trusses had been exploded and had fallen in the river in 1920. The builders managed to take the fragments of the bridge from the water and to assemble one truss from them. The difficulty was that one truss had been constructed at the Warsaw factory, and another one at the Bryansk factory. The truss for replacement of the second destroyed section had been received from the Votkinsk factory. It turned out to be uncompleted and of wrong dimensions (it was 1.4 m shorter and the bridge floor was 0.49 m higher). During the transportation it was wrecked in a derailment. Nevertheless the engineers and builders applied technical innovations (for the first time in the country electric welding was being widely used) and coped with the task with flying colors. In the spring of 1925 railway traffic across the bridge on the Amur river was renewed. [27]

The scope of efforts grew. In 1923 1.5 % of the total length of the destroyed iron bridges and 12 % of temporary tie bridges were replaced by permanent bridges. In the next two years these works were continued to the extent of 71 % and 30 %, respectively. Because of shortage of metal constructions metal trusses on the bridges across the rivers Bikin, Arkhara and others were replaced by wooden ones. But they were made with a metal bottom flange and the cross-section beams were made from railcar channel bars. By the end of 1925 more than 400 bridges (13.5 km) had been rebuilt [38, 19-20].

The poor condition of cross ties on the tracks caused serious alarm. The average service life of cross ties was five years, but the majority of them had lain on the Ussuri railway for six and more years. In 1923 4 km of cross ties were replaced. In the 1924/25 economic year 114 km of cross ties were replaced. However this was only 11 % of the total length of the main line and 27 % of station tracks.

At the same time the continuous replacement of rails on the main line began. In 1923 these works had been completed on one kilometer of track, in 1925 114 km had been replaced. The main problem was that on the Amur Railway middle weight and heavy rails had been laid, but on the Ussuri railway light rails (18 lb) had been laid along the distance of 372.2 km, and they had been there more than 30 years. This did not allow heavy trains and powerful steam locomotives as the rails were exposed to breakage. The speed of the trains, moving along light rails, was not to exceed 40 km/h. To accelerate the

replacement of light rails, the middle weight rails were removed from minor branches of the Amur line and laid on the main tracks [33, 14–15].

Improvement of the rolling stock was one of the main tasks. On the Ussuri railway the share of “sick” steam locomotives decreased from 41 % to 14 %, and the share of “sick” rail cars - from 35 % to 25 % out of their total number during 1922-1924. Initially, the production program of railway depots and workshops improved. Then, other enterprises were involved in the repair of steam locomotives and railcars. These were the Far East mechanical factory (Dalzavod), the Khabarovsk agricultural factory (former Arsenal), and the main repair works of the Chinese Eastern Railway (Harbin) and the Tomsk Railway (Krasnoyarsk). Finally, part of the rolling stock was transferred to other railways, and part of it was discarded. Therefore in 1923–1926 the number of railcars which were on the Ussuri Railway was reduced from 10 000 to 7 900 units [37, 9]. The first eight-wheel supersize railcars appeared. However their share in the aggregate number of railcars on the railway was only 7.7 % in 1926 (see Table 4). Since 1924 the road had also had rail reefers for transportation of perishables.

In 1922, because of the absence of special steam locomotives, cargo locomotives drove passenger trains on the Ussuri railway. During 1923–1926 rolling stock had increased from 222 to 325 units (see Table 2). The number of passenger steam locomotives on the road increased to 17 units. The majority of the rolling stock were steam locomotives of the “O” series, created by Russian engineers at the end of the 19th century. Moreover, vehicles of even more out-of-date series still worked on the railway. All steam locomotives on the Ussuri Railway were of pre-revolutionary construction. [21,12].The rolling stock required renovation.

The table 2

The Locomotive Stock of the Ussuri [37,27; 47,55; 59] (Far Eastern) Railway (1923–1940)

Parameters		1923	1926	1930	1933	1940	
Locomotives, Total		222	325	403	640	473	
Including	1. Passenger	5	17	46	73	63	
	2. Freight	217	308	357	567	410	
	Among them series:	Em	–	–	–	–	217
		S ^u	–	–	–	–	85

In the beginning of 1926 it was necessary to re-

build more than 400 bridges of a total length of 6.5 km, including 36 of metal and armoured concrete. 198 pile bridges required major repairs and 187 temporary tie bridges were to be replaced by permanent bridges. Reconstruction of bridges after the war was conducted in haste, which is why the grillages were made of old and untreated cross ties. For this reason they demanded fast replacement by stone foundations. In 1927 two wooden sections on the Bikin bridge were replaced by one 85.6 m (40 sajene) metal construction.

Works on laying missing ballast on the Amur line of the Ussuri Railway were completed only in 1927. In 1926 light (18 lb) rails laid in 1891-1897 were still 18 % of its total length. They were replaced with heavier rails only by 1930. [38] This made possible the launching of powerful steam locomotives of the «Decapod» type (vehicles of the «E» series in various models) along the whole length of the railway.

Works on strengthening the maintenance depots of the railway road were made to improve the locomotive stock. The majority of depots on the Amur line had been completed and additionally equipped in 1926-1929. Use of power-driven tools increased. Before the revolution the Ussuri Railway had only two depots, which had their own electric power plants. In 1923, after the Amur line was connected to it, the number of electric power plants increased to 7. By 1928 7 more depots were equipped with power stations. This allowed a tripling in power consumption, in comparison with 1923 (3 times) and doubled the power consumption per worker on the railway. [43, 137-138; 37, 187]

Since 1924 electric and gas welding had been introduced in depots. However, according to annual reports, the development of new technology was still at an early stage. [39; 44, 22] By the end of the 1920s modernization of existing steam locomotives began. Super heaters were being installed, and fireboxes were being equipped with brick arches. Vehicles passed completely from wood fuel to coal, which increased their traction power. Nevertheless, the share of “sick” railcars and steam locomotives in the rolling stock of the railway in 1926-1929 did not decrease. The main reason was the growth of traffic which outgrew the development of maintenance depots. Repair of part of the defective rolling stock in the Main workshops of the Trans-Baikalian (Chita) and Tomsk (Krasnoyarsk) Railways did not help. [7]

The Ussuri Railway was vulnerable from natural cataclysms because of its bad technical condition. Weak ballasting and absence of drainage systems caused frost heaving. The extent of frost heaved

places on the Amur line, which crossed the permafrost zone, remained constant in the 1920s, reaching 400 km. Frost heaving during the spring period affected bridges laid on wooden piles and grillage. This caused 176 warnings of speed restriction on the railway in 1928. In 1927 during flooding the section of the line between Chesnokovka and Skovorodino was damaged. About 50 km of railroad tracks were destroyed. This disaster disturbed not only the traffic schedule of trains, but also scheduled works on strengthening the track. [42, 8]

Thus, in 1925-1929 the railway transportation of the region developed in two directions: (1) repair of destruction caused by the Civil war and foreign Intervention; (2) finishing off the Amur line to the designed capacity. It is difficult to draw a distinction between these two periods.

In 1928-1932 construction of the access lines adjoining the Ussuri railway began: Nadezhdino-Tavrichanka (14 km), Kangauz-Nakhodka (93 km), and Manzovka-Platonovka (120 km). On Sakhalin the Okha-Moskalvo line (40 km) was under construction. [54]

In 1934 the construction of the second track from Karymskaya to Ussuriiskaya began. Its total length was 2 386 km. It is possible to judge the scope of these works from the fact that 2 292 artificial constructions had been erected along the line. The total length of the bridges was 30 km. [28] By 1937 the basic section of the track was put into temporary operation. In July 1940, after the elimination of unfinished jobs the State Commission accepted the last section of the railway from Khabarovsk to Ussuriisk [66].

Before the Great Patriotic War (WW II, 1941-1945) transport builders were completing railroad lines which had been begun in the 1920s-1930s: the Kangauz-Nakhodka, Bureya-Raichikha, Birobidzhan-Leninskoe, Manzovka-Varfolomeevka, and Skovorodino-Reinovo. [29] In the second half of the 1930s the auxiliary lines directed to a line of the future Baikal-Amur Railway were laid: Izveskovaya-Urgal (339 km), and Tahtamyngda (BAM) - Tynda (180 km). In 1939-1940 movement of trains on those lines for building purposes commenced. In 1940 the Komsomolsk-Volochevka line (352 km), which had been built in 1936, was put into permanent operation within the Far Eastern Railway. [65] This made possible the commencement of works on the main track of the Baikal-Amur Main Line. Works began on the headway sections of Taishet-Lena and Soviet Gavan - Komsomolsk-on-Amur. The Great Patriotic War interrupted the construction. Rails laid on the BAM-Tynda and Izvestkovaya-Urgal lines had to be dismantled and were used in the construction of the

Stalingrad belt road. [14]

Nevertheless, the scope of railway construction in the region before the war was tremendous. It was possible owing to use of the material resources of the whole country. Not only civilian, but also military builders were sent to the Far East. [13] Also, a significant part of the transport construction was performed by prisoners. In summer 1940 81.4 thousand of prisoners worked in the construction of the railroads of the Far East. [30].

During 1933-1940 the operational length of railroads in the region increased from 2 600 km to 3 700 km (1.4 times), and in comparison with the pre-revolutionary period it increased 3/4 times. In 1913 the share of double-track sections was 10 % of the total length of the Ussuri Railway. Before the Civil war this parameter was 83 % on the Amur Railway; 49 % on the Far Eastern Railway; and 24 % on the Primorie Railway. The average for the region was 61 % (see Table 3). The railways of the Far East surpassed the average level within the country (in the USSR it was 27.5 %) [15, 21].

The table 3

Length of Railways of the Russian Far East
[47, 105; 48, 33,34 55; 58, 5]

Parameters		Period					
		1913	1923	1928	1933	1936	1940
I. Operational		1071	2021.7	2381	2614.6	3233	3701.7
Including	Ussuri (Far Eastern)	1071	2021.7	2381	2614.6	1681	1117.3
	Amur	-	-	-	-	1552	1552
	Primorie	-	-	-	-	-	1032.4
II. Double track sections		113.8	113.8	113.8	113.8	1414	2304.2
Including	Ussuri (Far Eastern)	113.8	113.8	113.8	113.8	1288	554
	Amur	-	-	-	-	126	1292
	Primorie	-	-	-	-	-	458

During the prewar period it was possible to improve the condition of the railway track radically. Erection of powerful embankments, complete replacement of wooden and crib bridges by permanent stone, steel and steel concrete allowed the minimization of the impact of permafrost on the subgrade and track. Due to the establishment of cross tie treatment factories it was possible to prolong the service life of cross ties. Continuous replacement of light rails by heavy was completed. This allowed the use of more powerful steam locomotives and increasing weights

of trains and speeds of movement.

Traffic capacity of the railway stations increased. In 1933-1940 the length of station rails on the Amur and Far East Railways increased from 873.8 km to 1441 km, which was 65 %.[47, 105; 48, 33; 58, 3] At the stations tape and pallet conveyers, electric and motor cars appeared. To accelerate train makeup, the mechanized hump yard was built in 1938 at the station Khabarovsk-2. It was one of 35, existing in the country before the Great Patriotic war (WW II, 1941-1945). [16] During this period the share of mechanically handled cargoes on the Far Eastern Railway increased 6.8 times. Nevertheless it was less than 3 % of the total amount of the railroad's freight traffic. [35; 52; 53; 49, 81] Mechanization of loading-unloading was in the initial stage and lagged behind the whole country.

In the 1930s work on strengthening the maintenance depots of the rolling stock of the Far Eastern railways began. At the end of the first five-year plan the Main workshops of the Ussuri Railway in Nizhny-Ussuriysk were transformed into a locomotive-repair factory. In subsequent years it was being additionally supplied with special equipment and engineering tools. [56] Exploitation of second tracks, and transition to shorter locomotive runs required more locomotive depots at the railways. During 1933-1937 10 new depots, including the largest at the stations Khabarovsk-2, Ruzhino, In, and Obluchie were put into operation. Before the war a depot was built in Manzovka. Within the permafrost zone at Shimanolovskaya, Skovorodino, Bochkarevo and Zavitaya depot buildings were constructed in place of those that had been ruined. At Taldan, Ushumun, Evgenyevka and others new depot buildings were built.

From 1936 mechanization of forge works in depots had begun. In elevating shops loading bridges appeared. In 1940 they existed in only two out of five main depots of the Far Eastern Railway. [50, 4-5] Fueling of steam locomotives before 1933 was made by railway cranes with load carrying ability from 6 to 20 tons. The majority of those railway cranes had appeared during the construction of the Ussuri Railway and were hopelessly outdated. With the erection of specialized crane bridges it was possible to considerably accelerate the reloading of steam locomotives with coal. Electric drying and mechanical sand feeding of steam locomotives (depot at Pervaya Rechka) and mechanical slag disposal (depot at Bochkarevo) were put into operation simultaneously. Since 1936 unit assemblies for warm flushing steam locomotives were being installed, which reduced idle time in flushing repair from 32 hours

(with cold flushing) to 11 hours. [44, 57, 85; 58, 3].

In 1933 the hauling service was subdivided into two: steam locomotive and carload services. By 1936 3 car repair depots, 7 control and measuring points and 24 technical inspection points of rail cars were opened. The majority of them did not have necessary equipment, and the covered car repair shed was only at the station Vtoraya Rechka. At the rest of the stations railcars were repaired in unadapted premises. By 1938 new car repair sheds had been constructed on the railroads of the region. In comparison to 1936 the equipment of the repair shops with engineering tools increased by 1/3, and the repair equipment by 2/3. [44, 114; 58, 2] Nevertheless, elevating railcars was performed by means of primitive screw and rack jacks. In the wheel shops there were no beam cranes for transporting and placing the wheel pairs on the machine tools. [8, 56] In 1933 the shops of the Ussuri Railway construction department at Mikhailo-Chesnokovskaya were converted into a car-repair factory with the plan to repair 600 railcars per year. In 1940 the factory had 6 main shops (railcar, forge, wheel, foundry and wood-work) and 3 subsidiary shops (assembly, tool and electric). [36]

At the end of the 1920s and beginning of the 1930s, power consumption on the Ussuri Railway increased. Out-of-date power-plants were assembled on the railway and the latter also received energy from outside resources. Growth in the number of employees on the railroad led to the situation that available power per employee fell during 1928-1935 from 125 kw to 94 kw. Considering the increased need for electric power and the impossibility of receiving it from outside sources, 36 new power stations had been built on the Far Eastern railway by 1940. The total power available increased by 7.5 times compared to 1935, and the output of electric power increased by 9.7 times. At that time power consumption from other sources increased by 3.6. During the construction of new power stations the old equipment in all existing stations was dismantled and replaced. This increased manufacture of electric power by 2.7 times per station on average, and by 15.7 times per employee. [8, 107; 49, 33,71,81; 52]

Strengthening of electric power facilities allowed the expansion of engineering tool stock in railway repair depots, and transferral from transmission gear to individual drive of machine tools. In the middle of the 1930s each depot had electric welding equipment. Use of welding put an end to the labor-consuming pinned and rivet connections and allowed recovery of spare parts by the inflow method.

From 1934 station and linear track selector

communication was being established. In 1922-1923 Winston cable devices with Morse code had been installed on the line Chita-Vladivostok. In 1935 they were replaced with high-speed Bodo devices. Communication between stations was performed by Morse cable devices. [8, 102] In 1940 inter-depot communication and maneuverable dispatchers communication were put into operation at the Khabarovsk-2, Vyazemskaya, Ruzhino, Manzovka and Voroshilov stations. Such communication was absent on the road previously. [66]

Mechanical centralization of railway switches and signals was being performed on the Ussuri Railway from 1930. Nevertheless by 1936 only 4 stations were equipped with corresponding devices. During the construction of second tracks on the Far Eastern Railway mechanical centralization of railway switches was installed at 93 stations, and 12 stations were equipped with electric centralization. [64] In 1940 all stations of the Primorie Railway, except Manzovka, had mechanical centralization of railway switches. [63] On the Amur Railway 1/3 of all railway switches had been equipped by mechanical centralization before the war. [57, s. 45, 46]

In 1932 the old staff signal system was replaced with the system of the Soviet engineer Tregger, which was being installed on all railways of the USSR. At the same time the Vladivostok-Ussuriisk section was equipped with semi-automatic blocking. After the second tracks were put into operation the latter was installed on the whole extent of the Far Eastern trunk line from Arkhara to Vladivostok (105 points, 1 101 km). [64] By 1941 687 km of track of the Far Eastern railway had been equipped with semi-automatic blocking which was 61.5 % of the total operational length of the railroad. [8, 125; 48,33,37]

Improving of track facilities, maintenance depots, and re-equipment of the signal system and communication service had increased the traffic capacity of railroads of the Far East and their traffic safety. This allowed the modernization of their locomotive stock (see Table 2). In 1933 the basic steam locomotive on the railroads of the region was a vehicle of the "O" series. Replacement of light rails by heavy allowed removal of the restrictions on the movement of steam locomotives of the "E^h" and "K" series. In 1934 the first batch of steam locomotives of the "E^m" series was transferred to the Ussuri Railway (245 units). [45] This series of vehicles had been developed by Russian engineers at the Lugansk locomotive works in 1912 and they were considered the best among various types of steam locomotives constructed in Russia before the revolution. In 1931

The table 4

Ussuri (Far Eastern) Railway freight carriage stock (1913-1940)¹ [51]

Parameters	Period				
	1913	1926	1930	1933	1940
1. General service cars	4012	7281	7510	9343	8619
- Including supersize	-	610	1065	1195	1526
- Including supersize	-	8	158	141	377
- Including supersize	-	-	-	-	150
2. Total cisterns including supersize	-	48	143	171	105
3. Isothermal					
Total	4012	7337	7811	10255	9101

«E^m» series steam locomotives were modernized (index "m" shows that). The drawbar-pull capacity of the vehicles after modernization had increased by 10 % and was 82.9 tons, against 52.5 tons on the "O" series steam locomotives. In 1934 the Kharkov engine-building factory began to manufacture «SO» series (Sergo Ordgonikidze) vehicles on the basis of «Em» series steam locomotives. Their drawbar-pull capacity (coupling weight) was 85-95 tons. [21, 12-14] In 1939 the first large batch of these vehicles arrived at the Far Eastern Railway. The next year they, together with steam locomotives of the «Em» series, formed the basis of the stock of cargo steam locomotives on the railroad (74 % of the total number). Simultaneously low-power vehicles of the «B» and «T» series, as well as powerful but the out-of-date «E» series steam locomotives were removed. Nevertheless, about a quarter of the locomotive stock were the "O" series steam locomotives.

Water supply on the Far Eastern railways lagged behind the replenishment of rolling stock. For this reason a number of steam locomotives of the "CO^k" series, capable of long runs without diversion increased (the index "k" meant that they were equipped with steam condensation). In 1940 vehicles of this series were 28 % of the total number of steam locomotives on the Amur Railway. [59]

Vehicles of the «C^u» series started to prevail among the passenger steam locomotives on the railroad. Their main advantage was high speed (up to 115 km/h). Simultaneously, passenger steam locomotives of the out-of-date "Zh" series were removed.

The total number of steam locomotives working on the railroads of the Far East, the Amur, Far Eastern and Primorie, before the beginning of the Great Patriotic War (WW II, 1941-1945) was 1.5 thousand. Their number increased by 3.7 times during the years of the pre-war five-year plans; 60 % of the vehicles were steam locomotives of a new series. [34; 59; 47, п 55]

Before 1926 there was no construction of new railcars in the USSR; maintenance of stock was due to the repair of those damaged during the First World and Civil wars. In 1928-1932 their manufacturing increased by 2.3 times. 16-ton commodity railcars were gradually discarded. They were replaced with four-wheel rail cars with a load capacity from 20 to 25 tons. The domestic industry started manufacturing eight-wheel railcars with a load capacity of 50-60 tons, self-unloading railcars, and supersize tanks. Those events were the basis of the modernization of the carriage rolling stock of railroads of the Far East (see Table 4).

At the beginning of the second five-year plan, eight-wheel railcars were 11.6 % of the total number of railcars on the Ussuri Railway. In 1940 their share of carriage rolling stock together with supersize tanks on the Far Eastern increased to 18.2 % (on railroads of the whole country it was 25 %). Growth of oil and oil product transportation caused a doubling in the number of tanks on the Far Eastern Railway in comparison with 1933. The share of the supersize tanks was 39.8 % (see Table 4).

In 1938 the Mikhailovo-Chesnokov car-repair factory began to equip railcars with automatic coupling and automatic braking. By 1941, 1344 railcars had been modernized there. However the majority of them came from the European part of the USSR. By the beginning of the Great Patriotic war 1/3 of the rail cars had automatic coupling and 2/3 of them had automatic braking.

Thus, railway transportation in the Far East developed in two ways: firstly, due to the construction of new railroad lines; and secondly, due to the increase of traffic capacity of the existing lines. The first prevailed during the pre-revolutionary period when more than 7.8 thousand km of railways were put into operation; the second prevailed in the end of 1920s – 1930s. At that time duplicate tracks on the Trans-Siberian Railway were laid across the territory of the Far East; the rolling stock, means of signaling and communication were improved, and use of power driven tools per employee grew in depots, workshops and factories of the railways of the Far East.

REFERENCES

1. Анисимов, А.Л. Деятельность администрации Восточной Сибири по обеспечению безопасности Приамурского края в 50-е–60-е гг. XIX в. // Гродековские чтения : тезисы науч.-практ. конф. / А.Л. Анисимов. – Хабаровск, 1996. – С. 63.
2. Бюллетень Управления Уссурийской железной дороги. – 1925. – № 21. – С. 61–65.
3. Бюллетень Управления Уссурийской железной дороги. – 1925. – № 121. – С. 67.
4. Вестник путей сообщения. – 1900. – № 49. – С. 664–667.
5. Вестник путей сообщения. – 1904. – № 41. – С. 652.
6. Вестник путей сообщения. – 1915. – № 46. – С. 356–357.
7. ВКП(б). IX Дальневосточная краевая партийная конференция 22 февраля – 1 марта 1929 г. Хабаровск, 1929. – С. 241.
8. Дальневосточная магистраль к 40-летию Великого Октября. Хабаровск, 1957.
9. Зензинов, Н.А. От Петербург-Московской до Байкало-Амурской / Н.А. Зензинов. – М., 1986. – С. 76.
10. Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. М., 1933. – С. 75–76.
11. КВЖД. Исторический обзор. 1896–1923. Т. 1. Харбин, 1923. – С. 6, 31.
12. Ковальчук, М.А. Владивостокские временные мастерские (1915–1921 гг.): из истории трудового содружества / М.А. Ковальчук // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. – Иркутск – Тэгу – Москва, 1997. – С. 222–226.
13. Косович, С.С., Филимонов А.М. Советские железнодорожные. Военно-исторический очерк / С.С. Косович. – М., 1984. – С. 72–73.
14. Ламин, В.А. Ключи к двум океанам / В.А. Ламин. – Хабаровск, 1981. – С. 115.
15. Маркова, А.Н. Транспорт СССР и основные этапы его развития / А.Н. Маркова. – М., 1977.
16. Напорко, А.Г. Очерки развития железнодорожного транспорта СССР / А.Г. Напорко. – М., 1954. – С. 106, 170.
17. Общие технические сведения по Китайской Восточной и Уссурийской железным дорогам. Б/М,Б/Г – С. 29, 30.
18. Паталеев, Л.В. История строительства великого Сибирского железнодорожного пути / Л.В. Паталеев. – Хабаровск, 1951.
19. Приложение к отчету по постройке Южно-Уссурийской железной дороги 1891–1894. СПб., 1900. – С. 297.
20. Саблер, С.В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем / С.В. Саблер, И.В. Сосновский. – СПб., 1903. – С. 4–8.
21. Технический справочник железнодорожника. Т. 6. Подвижной состав. М., 1952. – С. 12.
22. Указатель правительственных распоряжений по Министерству путей сообщения. – 1908. – № 25.
23. Указатель правительственных распоряжений по Министерству путей сообщения. – 1908. – № 28. – С. 245.
24. Указатель правительственных распоряжений по Министерству путей сообщения. – 1912. – № 33. – С. 428.
25. Целищев, М.И. Экономические очерки Дальнего Востока / М.И. Целищев. – Владивосток, 1925. – С. 117, 187.
26. Флеров, В.С. Первые мероприятия партийных и советских органов по восстановлению транспорта на Дальнем Востоке (1922–1923 гг.) / В.С. Флеров // Центральный Государственный архив РСФСР Дальнего Востока. Труды. Т. 1. – Томск, 1960. – С. 270–271.
27. Экономическая жизнь Дальнего Востока. – 1925. – № 2. – С. 107–109.
28. Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов. 1917–1965 гг. Кн. 1. 1917–1957. – 2-е изд. – М., 1967. – С. 283.
29. Российский Государственный военный архив (РГВА). Ф. 34725. Оп. 1. Д. 148. Л. 13–48.
30. РГВА. Фонд 34725. Описание 1. Дело 152. Лист 147.
31. Российский Государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). РГИА ДВ. Ф.31. Оп. 1. Д. 408. Л. 6.
32. РГИА ДВ. Ф. 385. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–3.
33. РГИА ДВ. Ф.Р–2532. Оп. 2. Д. 6.
34. Государственный архив Приморской области. Ф.П–81. Оп.1. Д.21. Л.8.
35. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 353. Оп. 4. Д. 20. Л. 33.
36. ГАХК. Ф. 719. Оп. 2. Д. 673. Л. 3.
37. ГАХК. Ф. 730. Оп. 6. Д. 10. Л. 3.
38. ГАХК. Ф. 730. Оп. 6. Д. 25. Л. 19–20.
39. ГАХК. Ф. 730. Оп. 6. Д. 26. Л. 99.
40. ГАХК. Ф. 730. Оп. 6. Д. 36. Л. 17.
41. ГАХК. Ф. 730. Оп. 6. Д. 79. Л. 37.
42. ГАХК. Ф. 730. Оп. 6. Д. 84.
43. ГАХК. Ф. 730. Оп. 6. Д. 89.
44. ГАХК. Ф. 730. Оп. 6. Д. 112.
45. ГАХК. Ф. 730. Оп. 6. Д. 112а. Л. 85.
46. ГАХК. Ф. 730. Оп. 6. Д. 125.
47. ГАХК. Ф. 730. Оп. 6. Д. 128.
48. ГАХК. Ф. 730. Оп. 6. Д. 299.
49. ГАХК. Ф. 730. Оп. 6. Д. 440.
50. ГАХК. Ф. 730. Оп. 6. Д. 478.
51. ГАХК. Ф. 730. Оп. 6. Д. 1076. Л. 65.
52. ГАХК. Ф. 730. Оп. 9. Д. 198. Л. 195.
53. ГАХК. Ф. 730. Оп. 9. Д. 89. Л. 137, 138.
54. ГАХК. Ф. 937. Оп. 1. Д. 2. Л. 113, 255.
55. ГАХК. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 193. Л. 16.
56. ГАХК. Ф.П–2. Оп. 1. Д. 483. Л. 294–295.
57. ГАХК. Ф.П–35. Оп. 1. Д. 147. Л. 15.
58. ГАХК. Ф.П–35. Оп. 1. Д. 191.
59. ГАХК. Ф.П–35. Оп. 1. Д. 622. Л. 3, 13, 5;
60. ГАХК. Ф.П–35. Оп. 1. Д. 10146. Л. 11.
61. ГАХК. Ф.П–35. Д. 1118. Л. 1.
62. ГАХК. Ф.П–78. Оп. 1. Д. 416. Л. 45, 46.
63. ГАХК. Ф.П–78. Оп. 1. Д. 6. Л. 196.
64. ГАХК. Ф.П–78. Оп. 1. Д. 416. Л. 45, 46.
65. Архив Управления (АУ) ДВЖД. Ф. 21. Оп. 1. Д. 30. Л. 6–7, 193.
66. АУ ДВЖД. Ф. 25. Оп. 1. Д. 34. Л. 6, 24.

THE MAIN CHARACTERISTICS OF HEROES

IN THE BRITISH PROSE OF “MAGIC” REALISM

N.Z. Shamsutdinova

Shamsutdinova Nelly Zefarovna – Senior Lecturer of the Faculty of English Language of the V.I. Ulyanov-Lenin Kazan State University.

The article deals with the main characteristics of heroes in the novels and short-stories of contemporary English writers, traditionally considered to be samples of “magic” realism. The terms of unlikeness (freakishness) and supernormality, used to characterize the personages of contemporary British prose, are the key notions of Latin-American fiction criticism. The essay considers the idea of the impact of Latin-American fiction (in particular, works by G. Garcia Marquez) on the prose of British “magic” realists.

Key words: “Magic” realism, the difference, supernormal, Latin American literature.

When analyzing characteristic features of one or another literary school or method and, first of all, the peculiarities of author’s style, one can not pay attention to such important aspects as the type of hero and the type of conflict as well as their interaction with the main motives of a novel.

The main heroes of the first “magic realism” writings (which are quoted most frequently together with the term) – a story *El reino de este mundo* (“The Kingdom of This World”) by A. Carpentier and a novel by M. A. Asturias *Hombres de maiz* (“Men of Maize”) bear a collective mythological consciousness, which is the main object of the narration.

The author substitutes his opinion of a civilized person by the opinion of a primitive man. Thus, the reality involves fantastic aberrations, and a “civilized” consciousness, comprehending a mythological one, is re-interpreted, being compared with it. A European abstract “savage” in the works of the Caribbean writers has ethno-cultural specificity while the personages are mainly considered as chaotic, mysterious and temporal and the latter characteristic means the ability of the hero to turn into mythological being (an animal or primeval man / proto man), when he contacts with temporal realities of nature.¹

The most complete classification of personage types in Latin American fiction is made by A.F. Kofman in his monograph *Latinoamerikansky Khudozhestvennyy Obraz Mira* (“The Latin American Image of the World”). He describes such repeated types of characters as a stranger, an animal-man, a savage-barbarian, and an ethno-type, and the presented types of heroes, except macho and dictator, can also refer to a heroine².

However, the types of heroes and heroines mentioned above are typical of Latin American fiction in general, i.e. the author does not pay special attention to the distinctive features of characters usually

represented in “magic” realists’ writings.

One of the most popular types of a hero in Latin American fiction is an animal-man; and the man, being compared with an animal, is comprehended in a positive sense. The image of animal-man in the works of British “magic” realists has quite another meaning. The animal nature of personages in Angela Carter’s works (Beast in “The Courtship of Mr Lyon” or Tiger in “The Tiger’s Bride”, etc.) is the evidence of negative features, which can be explained by traditions of West-European literature.

The originality of Latin-American literature and culture is stipulated by historical factors, which resulted in a unique phenomenon. Alejo Carpentier wrote that the history of Latin America was different from the very beginning as the land of America was a place of the most sensational meeting of great ethnic groups, mentioned in the annals of history: it was the meeting of Indians, Afro-Americans and Europeans, and all of them are to mix with each other.³

The specific status of Latin-American peoples was influenced by ethnic and cultural variety of new nations. The meeting of the Europeans, the Indians, and the Afro-Americans marked the beginning of mutual penetration of different cultures.

The interaction of different ethnic worlds and cultures also promoted synthesis of traditions of the East and the West in British fiction. Being the picture of multi-cultural hybridity and the combination of different literary traditions these works are written in accordance with inter-textual contamination⁴.

The definition of hybridity interpreted by M.M. Bakhtin as the mixture of language consciousnesses is the main trend of contemporary British fiction and Salman Rushdie’s prose is the most significant in the sense.

If Latin-American literature was influenced by

¹ Литературная энциклопедия терминов и понятий. – Минск: «Интелван», 2003. – С. 492.

² Кофман А. Ф. Латинамериканский художественный образ мира. М., Наследие, 1997. – С. 236.

³ Кутейщикова В. Н. Осповат Л. С. Новый латиноамериканский роман. М., Советский писатель, 1983. – С. 10.

⁴ Толкачев С. П. Образы гибридности в произведениях англо-язычных писателей-мигрантов // Вестник Моск. ун-та. Серия 9: филология, 2003 № 1. – С. 8.

the West-European culture and this fact is proved by many writers of Latin America, the British literature of “magic realism” in its turn was obviously impacted by works of Latin-American writers. The important role in the process belongs to Gabriel Garcia Marquez as the motives and images of his works can be traced both in the novels and in short stories of British “magic” realists.

The heroine of Angela Carter’s short-story “Wolf-Alice” occupies intermediate position between human and animal. Having grown up in a pack of wolves, she goes on living in accordance with her ideas of the world when staying among people. She doesn’t think about her future like any wild animal and lives without hope or despair in the present.

A child, abandoned by her mother, Alice had to live without society. When the people found her in a wolf lair near a shot wolf and tried to save her she put up strong resistance, displaying all her wildness and lack of restraint. They pulled her away with great effort as she bit them severely⁵.

Carter put her heroine into the intermediate position between human and animal not occasionally. As a rule a hero depicted by “magic” realists is different from all other people. Such isolation of a hero defines his destiny as the idea of solitude runs all through the books by Garcia Marques.

Stressing the isolation of the heroine Carter mentions, that if that girl with flabby ears in rags could speak as other people do, she would say to herself that she is a wolf, but she can not speak and only howls with solitude⁶.

The same feeling defines the behavior of the heroine (Sierva Maria) of the story “Of Love and Other Demons” by G. Garcia Marques. The only child of marquis de Casalduero grown up by a negro maid Dominga she considered the world of thatched-roof barracks, where negro-slaves lived, to be her real house. She found joy only there, in the place, where music was always played, where her parents’ slaves and their friends, coming from other rich houses, gathered to make parties⁷.

Being a noble girl she prefers to sleep in the slaves’ barrack, in an Indian hammock, given to her by Dominga, but not in the house of her father, which used to be a pride of the city. Carter’s Wolf Alice also sleeps in ashes as she thinks that all beds

are traps⁸.

Sierva Maria occupies the intermediate position between aristocrat (by origin), and a negro-girl because she spends all her time in the company of slaves. She could dance better than many of African women and sing in different dialects, changing her voice. She imitated birds and animals so naturally that confused them. Dominga asked young slave-women to smear her face with soot and put on her beads and amulets⁹.

The uncommonness of Garcia Marques’ heroine becomes stronger after she fell ill with a terrible disease, caused by a bite of a mad dog. Three of four people, bitten by the dog, were negro slaves, and the fourth one was Sierva Maria, who came to the market with Dominga to buy some trifles for her twelfth birthday.

Carter’s Wolf Alice is approximately of the same age as Sierva Maria. She is just a child, whose uncommonness and singularity is taken for granted by the people surrounding her. Wolves in Carter’s story took care of her as they knew that she was not quite a wolf, finding her inferior and defective as she demonstrated them what they used to be in by-gone days¹⁰.

Sierva Maria’s parents did not love her and even hated their daughter as she resembled them themselves. Having learned that the girl, perhaps, was suffering from rabies, Bernarda, her mother, didn’t show any sign of anxiety for the girl’s fate. It was not important to her why her daughter could die, only not because of the fact that she had been bitten by the dog.

Although the marquis insisted on the girl’s sleeping in her grandmother’s bedroom, Sierva Maria ran to the barrack, where her mother had sent her. In Carter’s story the heroine was also neglected by her mother. Besides, both heroines have some common features. Delicate and graceful Sierva Maria has brilliant teeth, bright eyes, strong legs, quick hands, and her rich hair was a picture of health, while Carter’s Wolf Alice has long muscular legs, broad shoulders, and long hands¹¹.

One of the major problems of Garcia Marques story “Of Love and Other Demons” is the problem of belief and unbelief. Belief is represented not only

⁸ Картер, Анжела. Кровавая комната. – М.: Эксмо, 2004. – С. 213.

⁹ Гарсиа Маркес, Габриель. О любви и других напастях. – Иностранная литература, 1994. – С. 76.

¹⁰ Картер, Анжела. Кровавая комната. – М.: Эксмо, 2004. – С. 215.

¹¹ Картер, Анжела. Кровавая комната. – М.: Эксмо, 2004. – С. 210.

⁵ Картер, Анжела. Кровавая комната. – М.: Эксмо, 2004. – С. 211.

⁶ Ibid. P. 209.

⁷ Гарсиа Маркес, Габриель. О любви и других напастях. – Иностранная литература, 1994. – С. 76.

by different rites and rituals or the Catholic religion, but also the necessity of a man to understand the meaning of life while unbelief is supported by feelings. Trying to find the meaning of life, people sacrifice other people like the bishop, who sent Sierva Maria to a cell for the buried alive.

His fanaticism is more ruinous than the devil, which supposedly had captured her soul. Thus, the heroine became finally repudiated by people. The bishop asked his favorite, the priest Caetano Delaure to drive the demon out of the little marquise. He agreed to cure her and then felt compassion to his patient, which turned into mutual love later on. However, having fallen into the bishop's disgrace, he spent the last days of his life, working as attendant in a hospital for the lepers. Soon Sierva Maria died in her cell, having not seen her sweet-heart and not known what had happened to him.

The plot is developed in a similar way in Angela Carter's story. When the abbess of the convent where Alice was brought tried to teach her how to pray, Alice resisted and seemed to come back to her initial statement.

They decide to send Alice to the neglected and non-sanctified duke's estate. The duke, like Alice, differed from other people. Non-reflected in mirrors, he regaled himself with corpses and lived all alone in his gloomy castle.

At night time one could see him, walking with a corpse on his shoulder. The cows were lowing and dogs whining when he was passing by. The duke is a social outcast as well as the personages of Garcia Marques' story. The author mentions, that if he was a wolf he would have been expelled from the pack¹². These two social outcasts, by analogy with Garcia Marques' characters, feeling sympathy to each other at the beginning, fell in love later on. Walking near the castle Alice saw the duke, who was going to make his regular ritual of cannibalism. Having scented the incense, she understood that the duke was in danger. The people from the village were eager to revenge him for his profaning their relatives' graves. Having heard the whine, Alice remembered how people had killed her step mother-wolf and decided to run towards the castle, distracting the crowd from the duke, and, thus, saving him.

The belief in Garcia Marques' story is a necessity of human mind to understand the meaning of life and people sacrifice other people in order to find this meaning, but the husband of the dead bride in "Wolf Alice" was going to kill the duke in revenge. Angela Carter writes ironically of religious ceremo-

nies and religion in general. The revenging husband ordered ten gallons of water, consecrated by the bishop, to drown the duke in it if he was not shot¹³.

The end of Carter's story is more optimistic than the events, described by Garcia Marques. Alice felt compassion for the wounded duke, who was howling like a wolf in a trap. She felt sorry for him as she had felt sorry for her emaciated mother, and she began to licking his wounds without any disgust. The mirror yielded her manipulations and reflected the duke's face.

Thus, dislike the main characters of Gabriel Garcia Marques, Alice managed to cure the duke, give him back his human image and the ability to be reflected in mirrors. But the role of the healer, licking the wounds, is shifted from a man to a woman, which is a characteristic of Carter's writings in general.

Michael Gorra study "After Empire" inspects the works of three writers variously associated with India: Paul Scott, V. S. Naipaul and S. Rushdie. Gorra's study, which covers fiction of these disparate figures (a Londoner who visited India on several occasions, a man born into a Hindu immigrant community in Trinidad, and the British-educated son of Muslim businessman in Bombay), is devoted to one problem, "the perpetually drawn and perpetually blurred boundaries of identity that British imperialism has left behind it".

In the end of the 1960s P. Scott wrote that "to the British at home, India has always been high on the list of subjects that fail to arouse their curiosity". Almost three decades later, the situation – as regards fiction at least – could hardly be more different. «Empire in all its aspects, from its origins to its aftermaths, is the subject that has most enthralled authors writing in English during the past quarter-century. As fast as maps of former colonies have been rolled up by politicians, novelists have enrolled them again»¹⁴.

As S.P. Tolkachyov notices, the special role in assumption of realities of a new multicultural world belongs to migrant writers, who live in another, not usual cultural environment. Trying to adapt to a new culture, they undergo the influence of factors of multicultural environment, letting its phenomena through their creative consciousness. And Rushdie's prose is not the only sample of hybridity in contemporary British fiction.

Uncommonness is one of the main characteris-

¹² Ibid. P. 213–214.

¹³ Ibid. P. 220.

¹⁴ Kemp, Peter. Hymns to the Hybrid. – The Times Literary Supplement. 1997. № 4921. – P. 21.

tics of “magic” realism writings, and it is usually expressed in Latin American fiction by such notions as “unlike”, “other”, “special” (“another world”, “the world of other dimensions”), revealing the specificity of Latin American way of thinking.

For a long time European writers apprehended the world from their “center”. As Borges mentioned, there is not a notion of a “European man” for a person who lives in Europe, there are only notions of “a French”, “a German”, “an Englishman” and so on. The characters with uncommon features are depicted in the prose of multicultural writers.

The heroes of multicultural world often felt bifurcated in their useless aspiration to seek a spiritual refuge. The conflict of a protagonist and his surroundings is non-obtrusively shown by the author as the main conflict of his narration. The heroine of Rushdie’s story “The Courter” is an Indian woman, who had been to England and said that her heart is broken as she is longing for England in India and for Bombay in London.

Similar traits are recognizable in the character of Saladin Chamchi (“The Satanic Verses”), who emigrated from India to England and faced many difficulties of life. It is not occasional that the very hero survives in Rushdie’s novel as he is able to adapt to multicultural environment and does not prefer traditions of either the East or the West.

The main personage of Rushdie’s saga “The Last Moor’s Sigh” (Moraish Zogoiby) is also multicultural. His mother was a legendary extraordinary beautiful woman of high society Aurora da Gama, who married the descendant of Spanish Jews Abraham Zogoiby.

Moraish Zogoiby consistently remarks on the impurity of life and objects and [...] recalls palimpsest art as a “vision of weaving or more accurately interweaving”. One understands the aesthetic and political vision behind Rushdie’s ambition attempt to produce a hybrid text composed of, among other things, “tropicalized Victorian drama”, Indian melodrama, kitsch sentimentality, history and gangster films”¹⁵. “The city itself, perhaps the whole country, was a palimpsest”¹⁶ – writes Zogoiby elsewhere, hinting at the eclecticism of the book we are reading. His celebration of impurity, hybridity and intermingling reads like Rushdie’s own comment on his book”.

Hypernormativity (or supernormality) in the

prose of “magic” realism is an obviously expressed ideologeme, as Latin American world broke down the outdated conceptions of the Europeans. Crossing the ocean in their hope to see the wonder, the Europeans found another real world.

Believing in miracles, they initially apprehended the new world as supernormal and marvelous. The well-known concept of *lo real maravilloso* by Carpentier became a conceptually completed ideologeme of hypernormativity, when the word *marvelous* lost its original meaning. The only correct explanation of *wonder* given by “magical” realists implies everything connected with unusual. The unusual is neither beautiful nor tedious; it is likely to be striking.

Everything that is beyond the established norms is marvelous¹⁷. Thus, Carpentier interprets the abnormality from the ontological but not from the phenomenological point of view¹⁸.

The mythologeme of hypernormativity, declared in the prose of “magic” realists, is also revealed in the characters, ways of their behavior and in the plot development. As A. F. Kofman writes, that one can interpret the poetics of hypernormativity as a specific characteristic of Latin American literature.

Hypernormativity (both of physical abilities and different talents) is the main characteristic of many Rushdie’s personages. Moraish Zogoiby in “The Last Moor’s Sigh” is growing in all three dimensions and at the age of ten he was too big for his father’s clothes: “I was a skyscraper freed of all legal restraints, a one-man population explosion, a megalopolis, a shirt-ripping, button-popping Hulk”.

Evolving in his mother’s womb only for a month and a half, he “startofied out going too fast”. At the age of eight he decided in honour of his friendship with the painter V. Miranda, to spot a fully waxed pointy-tipped moustache. The hero himself understands his unlikeness quite well, as at the age of three he looks as a seven-year-old boy, being too old for kindergarten and sub-normal for the junior school: “The wider my physical bounds were set, the more limited horizons seemed to become. Education was a problem”.

Moraish tries to do his best to become normal, but all his attempts are not a success; i.e. the hero is in a permanent conflict with himself: “In spite of all my efforts to create a neat, tidy, obedient, moderate,

¹⁵ Pamuk, Orhan. *Salaam Bombay! The Mellowing of Magic Realism in Salman Rushdie’s Family Saga*. – *The Times Literary Supplement*. September 8, 1995.

¹⁶ Rushdie, Salman. *The Moor’s Last Sigh*. Vintage Books, N.-Y., 1997.

¹⁷ Карпентьер, Алехо. Эссе. – В кн.: *Мы искали и нашли себя*. М., 1984.

¹⁸ Кофман А. Ф. *Латиноамериканский художественный образ мира*. М., Наследие, 1997. – С. 34.

unexceptional persona, I was simply too weird for them”.

Extraordinary qualities of the hero are interpreted by the people who surround him as a wonder, so the freakishness (the abnormality) is explained as something unusual but quite real: “Ten years old men... man cub, you are the eight wonder and no mistake”¹⁹ – said Dilly Hormuz, engaged by Zogoiby’s family to give lessons to their son Moraish.

Such extraordinary (or abnormal) qualities of the personage are connected with the theme of his exclusiveness: “The doctors gave my misfortune first one name then another, but when we sat in her studio as artist and model Aurora told me constantly that I must not think of myself as the victim of an incurable premature – ageing disorder, but a magic child, a time traveler”.

The exclusiveness of the hero is comprehended by himself and his relatives as a special privilege of a person, whom the family (or the whole nation) cherish hopes for, although it is quite obvious that such ideas are based on fear of something not understandable and inexplicable, rather than on convictions or scientific knowledge: “It seemed she had decided to fight fear – hers as well as my own – by espousing such strategies of conjecture, by making my lot a privileged one, and presenting me to myself as well as to the world as something special, someone with a meaning, a supernatural Entity who did not truly belong to this place, this moment, but whose presence here defined the lives of those around him, and of the age in which they lived”²⁰.

Depicting exclusiveness of the hero, his uncommonness, which makes him different from other people, Rushdie often applies to grotesque in description of his appearance or abilities: “from the moment of my conception, like a visitor from another dimension, another time-line; I have aged twice rapidly as the old earth and everything thereupon”.

Narrating about his accelerated development in his mother’s body Moor (Moraish Zogoiby) compares his growth with a cinematic effect, naming himself Baby Gargantua Zogoiby: “...as if under the influence of some twice-pushed genetic button her biochemical pixels had gone loco and begun to morph her protesting body so violently that the speeded-up outward effects of my gestation actually became visible to the naked eye... I attained mountainous proportions when I should still have been at

the minor molehill stage...”

The evident exaggerations, mentioned by the character, are understood not as imaginary or fantastic, but quite real, which can be explained, for example, as a case of acceleration. The hero himself supposes that one needn’t apply to supernatural things to explain his double-speeding, which allows him to live only half a life: “No need for supernatural explanations: some cock-up in the DNA will do”²¹.

The main character of Rushdie’s novel “Midnight Children” Saleem Sinai also has a supernatural gift to read people’s thoughts at a distance. Since the moment of his birth, in midnight of August 15, 1947, he has been reposed great hopes, as he was born at the precise moment of India’s arrival at independence.

All the children, born during the night, had supernormal (or marvelous) abilities: “...in the Gir Forest lived a witch-girl with power of healing by the laying-on of hands, and there was a wealthy tea-planter’s son in Shillong who had had the blessing (or possibly the curse) of being incapable of forgetting anything he ever saw or heard. [...] scion of a great Lucknow family [...] had completely mastered, by age of ten, the lost arts of alchemy, with which he regenerated the fortunes of his ancient but dissipated house; and which dhobi’s daughter from madras could fly higher than any bird simply by closing her eyes; and to which Benarsi silversmith’s son was given the gift of traveling in time and thus prophesying the future as well as clarifying the past...”.

The closer to midnight one or another child was born, the greater gift he or she had. Thanks to his ability to hear and understand people at a distance Saleem was especially privileged among midnight’s children. He gathered them at conferences, which are held in his mind.

And Rushdie again takes a line of retreat in accordance with the best traditions of “magical” realism: all the wonders that take place in Saleem’s mind can be explained by imagination and hallucinations, as he had hurt his head several times before and finally got his unusual talent after he had fallen down from the bicycle: “And then, as a result of a jolt received in bicycle-accident, I, Saleem Sinai, became aware of them all”²².

But unfortunately, the talents of midnight’s children are not appreciated. Firstly, by the time of

¹⁹ Rushdie, Salman. *The Last Moor’s Sigh*. Vintage Books, N. Y. 1997. – P. 189.

²⁰ *Ibid.* – P. 220.

²¹ *Ibid.* – P. 145.

²² Rushdie, Salman. *Midnight’s Children*. Penguin Books, N.-Y., 1991. – P. 226.

his getting acquainted with other super-gifted children there were only 581 of them instead of 1001 born on August 15. Secondly, their abilities were useless from the very beginning even for themselves: “I should say at once that not all the children’s gifts were desirable, or even desired by children themselves; and, in some cases, the children had survived but been deprived of their midnight-given qualities. For example let me mention a Delhi beggar-girl called Sundari [...] whose beauty was so intense that within moments of her birth it succeeded in blinding her mother and the neighboring women who had been assisting...”.

The idea of uselessness of both the children and their gifts is repeated several times by the narrator: “Midnight’s children!... From Kerala, a boy

nese girl with the gift of multiplying fish...and children with power of transformation”²³.

Thus, every midnight child means a deadlock, supporting another constant theme of Rushdie’s writings – the theme of illusory hopes and uselessness of a hero. As we come to know in the end of the narration all the midnight children experienced the procedure of sterilization, which Saleem called the dashing of hope. Hypernormativity (supernormality) and uncommonness, often demonstrative for personages, depicted by Salman Rushdie and Angela Carter, are the most typical characteristics of a hero (or heroine) in the British “magic” realism fiction.

who had the ability of stepping into mirrors and re-emerging through any reflective surface in the land – through lakes and (with greater difficulty) the polished metal bodies of automobiles...and a Goa-

²³ Ibid. – P. 227.

FORMING A SOCIALLY-ADAPTED PERSON BY MEANS OF SCHOOLING BASED ON SOCIOLOGICAL RESEARCH MATERIALS

N.V. Dubyanskaya

Dubyanskaya Natalia Viktorovna – the Deputy Director of Higher Professional Education of the Far Eastern State Technical Fishing Industry University, Nakhodka Branch.

This article considers the problem of forming a socially-adapted person in the period of social instability. School education is examined from the position of forming adaptability as a necessary characteristic of an individual. On the basis of the adaptation mechanisms singled out by the author, a program of research and concrete sociological research was developed. The article presents the results of this research and general conclusions.

Key words: Personality, social adaptation, mechanism of adaptation, school socialization.

WENGEROV'S EDITION OF SHAKESPEARE'S SONNETS IN THE HISTORY OF THEIR RUSSIAN TRANSLATIONS

E.A. Pervushina

Pervushina Elena Alexandrovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Professor of the Faculty of Russian Language as Foreign of the Far Eastern National University.

The translations of Shakespeare's Sonnets, published in the collection edited by S.A. Wengerov in 1905, became a significantly important phase in the history of Shakespeare's sonnets in Russia. Being undoubtedly great masters of the Russian sonnet, the authors of Wengerov's edition developed new ways to reconstruct genre-organizing foundations of Shakespeare's poetry: dramatic exertion of the plot, the functional depth of metaphors, and the specific complexity of poetic images. This article is the first to describe a particular type of the cyclic unity of Wengerov's collection and to emphasize its constructive character in the context of increased translation plurality of the Sonnets we are witnessing today.

Key words: Shakespearian Sonnets, Russian translations, Wengerov's collection of the sonnets, reconstruction of Shakespearian poems.

TENDENCIES OF FAMILY DEVELOPMENT AND ITS VALUE ORIENTATIONS WITHIN THE CONTEXT OF SOCIAL TRANSFORMATIONS

A.V. Vinokurova

Vinokurova Anna Viktorovna – Senior Lecturer of the Faculty of Social Technologies of the Far Eastern State Technical University, Nakhodka Branch, the Dean of the Faculty of Social Communications of Nakhodka Branch of the Far Eastern State Technical University.

The article considers the main tendencies of the development of family as a social institution interrelated with the transformation of its value orientations within the context of social transformations. Transformation of family from patriarchal (traditional) to child-oriented (modern) and then to matrimonial (post-modern) is easily traced in the course of social development. The paper considers the characteristics of these mentioned types of families and their value orientations. Special attention is given to the analysis of factors which determine the transformation of family values and social consequences of the change of the family as an institution.

Key words: Social institutions, family institution, family value orientations, family typology, family transformation.

INVESTIGATION OF THE YOUNG AS THE SUBJECT OF SOCIAL RELATIONS

S.N. Shelepova

Shelepova Svetlana Nikolaevna – Lecturer of the Khabarovsk Pedagogical College.

The article considers the main methodological approaches to the investigation of the young as the subject of social relations. The author has analyzed social problems of the young in a changing society and describes the criteria for differentiation of groups of the young.

Key words: The young, subject of social relations, social group, the youth cohorts.

Authors Guidelines

1. The journal publishes materials which have not been published before.

2. The articles submitted to the editorial board undergo a reviewing procedure.

3. Manuscripts of articles and other materials are to be recommended by the faculties of higher schools, laboratories and other structural divisions of scientific research institutions, scientific-methodological or scientific conferences and seminars. Works by post-graduate students are accepted for publishing with the references from the scientific supervisor.

4. The volume of the article should not exceed 1 printer's sheet (40 000 printable characters). No more than three illustrations, diagrams or schemes can be placed within the article.

5. The following are the requirements for manuscripts submitted to the editorial board[^]

5.1. The materials submitted to the editorial board must be presented in electronic and in print format (diskettes 3.5" and two copies of the original text (files)). If there are two or more diskettes, their numbers and files should be labeled on the diskettes. The names of files must be specified in the printed copy. The text-based editor is Word. The materials should be signed by the author on the title page near the name of the author.

5.2. The title page of the article must contain the complex of the elements located on the page in the following order. At the top of the page the title of the article is printed in capital letters bold font. Surnames of the authors follow the heading and are printed by lower case letters. No other data is to be specified.

5.3. References should follow the body of the text in alphabetical order, first the sources in Russian language, then the sources in foreign languages. References to the cited sources, and notes should be incorporated in the text of the article, after the quotation in square brackets, with the number from the list of references. Bibliographical description of the source in the list of references is implemented in accordance with the rules of GOST 7.1-2003. Font and line spacing, is the same as in article.

5.4. Margins: top – 2 cm; bottom – 2 cm; left – 3 cm; right 1 cm; the size of a paper – A4 (210 ×297 mm); font «Times New Roman» № 14; line spacing – 1.5.

5.5. Notes and quotations incorporated in the body of the text should be numbered consecutively.

6. Materials without substantiated scientific support or not corresponding to the rules mentioned higher will not be considered. Manuscripts will not be returned.

7. The following data about the author should be attached to the manuscript: first name, middle name initial, last name, scientific degree, academic status, place of work, postal address, work address, home address, office phone number, home telephone number, fax, e-mail.

8. An abstract of the article of 6-10 lines in Russian and English, the title of the article in English and the list of key words (no more than 15) are to be attached.

9. Please address the materials to the legal address of the journal: 47, Seryshev Str., Khabarovsk, 680021, Far Eastern State Transportation University (FESTU) Editorial board of the journal «The Humanities and Social Studies in the Far East».

E-mail: journal@festu.khv.ru <mailto:journal@festu.khv.ru>.

В следующем номере:

Войшнис В.Э. Участие электората Дальнего Востока России в выборах государственной думы пятого созыва (2007 г.)

Калашиникова И.В. Этническая занятость и уровень жизни коренных малочисленных народов российского Дальнего Востока на рубеже веков

Лисицын А.А. Дискуссия о строительстве амурской железной дороги (конец XIX – начало XX вв.)

Шкуркин А.М. Китайский труд на Российском Дальнем Востоке

Едличко А.И. «Семантические трансформации интернациональной политической лексики в немецком языке»

Ахмыловская Л.А. «Функции переводчика в кросскультурном театральном процессе».

Next issue

Voishnis V.E. Participation of the electorate in the election of the fifth State Duma (2007)

Kalashnikova I.V. Employment and living standards of the indigenous national minorities of the Russian Far East at the edge of the centuries.

Lisitsin A.A. Discussion on the construction of the Amur Railway (the 1890s-1900s).

Shkurkin A.I. Chinese labor at the Russian Far East.

Edlichko A.I. Semantic transformations of German internationalisms.

Akhmylovskaya P.A. Functions of a translator within the international Theater making process

Maria Lebedko Cognitive bases of language and culture

Galina I. Modina Traditions of the Japanese NOO Theater in the M. Yourcenar's Play
Le Dialogue dans le Marécage

Bykova G.V. Language as the main factor of national mentality.

Научное издание

Под общей научной редакцией Ю.М. Сердюкова

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Научно-теоретический журнал № 1 (17) 2008

Редактор *А.А. Иванова*
Технический редактор *О.В. Сенчихина*

План 2008 г. Поз. 11.1.
Сдано в набор 10.02.2008 г. Подписано в печать 14.04.2008 г.
Формат 60×84¹/₈. Бумага тип. № 2. Гарнитура «Times New Roman». Печать RISO.
Усл. печ. л. 20,0. Зак. 130. Тираж 500 экз.

Издательство ДВГУПС
680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47.

